

Мелвар Мелкумян

**ОБОСНОВАНИЕ
МОРФОНОСЕМИКИ**

язык в отличие от речи

Санкт-Петербург
«Русская культура»
2018

УДК 81-1/44
ББК 81+87
М47

Мелкумян, М. Р.

М47 Обоснование морфоносемики. Язык, в отличие от речи /
М. Р. Мелкумян; ред.-сост. Т. И. Ковалькова. — СПб.: Рус-
ская культура, 2018. — 224 с.

ISBN 978-5-905618-04-8

Морфоносемика (лингвистическая дисциплина, возникающая на стыке морфологии, фонетики и семантики) является учением о составляющих морфему грамматически значимых звуках — морфонемах.

Всякая языковая единица мыслится автором представленной на одном из двух автономных уровней: лексико-синтаксическом или морфоносемическом. В отличие от морфемы, морфонема связана не со словом, а со структурой морфоносемического уровня; на лексико-синтаксическом уровне морфонема мобильна, одни и те же морфонемы встречаются в разных позициях, в различных разрядах слов и в разных словоформах; морфема, неразложимая на лексико-синтаксическом уровне, распадается на морфонемы, сочетанием которых как раз и объясняется смысловой потенциал морфемы.

В рамках морфоносемики ненароком воплощено предначертанное Вильгельмом фон Гумбольдтом: «В соединении простейших понятий, пронизывающих весь язык до основания, проявляется вся глубина гения языка. Понятие лица, а следовательно, местоимения, и пространственные отношения играют здесь главную роль; часто оказывается возможным показать, как оба этих элемента соотносятся друг с другом и соединяются в ещё более простое представление» («О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», 1843 г.).

ISBN 978-5-905618-04-8

© М. Р. Мелкумян, текст, 2018
© Т. И. Ковалькова, ред.-сост., 2018
© НП «Русская культура», 2018

***Автор и издатели благодарят
за участие и помощь***

*Марию Виролайнен, Гавриила Беляка,
Василису Крылову, Еву Петросову,
Ирину Птицыну.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

...мы лингвисты молчания...

Евг. Головин. «Моление огню»

Лингвистическая наука имеет дело с речью, и только с речью — со словами, увязываемыми в произносительные периоды.

Язык нам задан: над-дан, до-дан.

Язык — это Логос, да! — Имя Божие, остающееся непроизносимым, неведомым — заветное Имя.

Язык — прежде речи.

Доскональное рассмотрение речи позволяет наметить, пунктирно воссоздать формулу языка. Речь прошивается чередой, цепочкой морфонема, ею удерживается; морфонеменные сгустки пристают к словесным корням, или радикалам, оформляя их в слова. Морфонема — значимый грамматически, членораздельный звук, и, в отличие от морфемы, морфонема мобильна и обнаруживается, одна и та же, в разных морфемах и словах (словах морфонеменных, так сказать, — словах по определению: местоимения, предлоги, союзы, частицы — они суть части речи вспомогательные). Набор морфонема — это и есть морфемообразующий алфавит.

Формула языка составлена из пары цепочек (сцепленные морфонемами нечленораздельные выкрики —

аморфные радикалы — в каждой из цепочек). Одной из двух *фраз* обеспечивается ориентация в пространстве, а другой — классификационная забота: *вещи* должны быть различены. — *Фразы* стыкуются. — Освоение горизонтали и вертикали. — Всему живому — сего совокупного мыслительного запаса уже достаточно для полноценного существования.

Общение живым существам обеспечивают органы чувств. Заданные тварям, к созиданию своего мира в отдельных нишах, *фразы* — по предоставленным живности возможностям — назывные. Лапутянские. Зато мысль — по состыкуемому из таковых *фраз* составу — не растечётся.

Глагол образуется на стыке означенных *фраз* — в зиянии — *мостом над бездной*, при наличии связки для пары стыкуемых понятий, в условиях налаженной членораздельности только: лишь в речи, с речью, у человеческих существ, которые благодаря дару членораздельности могут увязать звенья языковой формулы, т. е. парадоксальным образом сделать досель невозможное возможным в новой, иной области существования.

Человеческая среда, таким образом, обретает новый род материи: материю идеальную, языковую, базу дальнейшего прогресса — великих наших достижений и бед.

Выходит, в основании нашего, людей, мира имеем также и паузу. Через то формула языка оборачивается определением времени: заданием цезуры, зияния в пространственном контексте. В языке вообще — по всеобщей для живых существ языковой способности — зияние, бездна. *Левой фразой* формулы языка может быть описана коммуникация в пчелином улье, плюс правой — в стаде приматов. Те дают нам мёд, эти «сибаритствуют». Человек скачком — приобщён к Логосу. Освоил

основание жизни существенное, промыслительное — как миссию. Не на земле, но в речи. И речью: пробросив над обрывом-паузой цепочку *членораздельных звуков*. Освоил — глаголением — *тонкую* материю Мысли. Сделав, таким образом, невозможное (с *грубой* материей) вполне возможным.

Итак, в речи — всего лишь пауза. — От цезуры в гекзаметрах Гомера к паузнику Блока, к тире Горького. Пустоты в книжных текстах Андрея Белого. Стыки нестыкуемого у Чехова — паузы, заполняющие его пьесы: в размеренном чтении тексты пьес Чехова порой невразумительны, вызывают недоумение. Не отсюда ли — решающее влияние Чехова на создателей театра абсурда? Но мысль у Чехова в паузах домысливается, примысливается, тема разрешается ремой — в молчании: восполняется в восприятии читателя/зрителя.

Гульдов каллиграфически педантичный Бах, бриллиантовый — канонический. Так же Гульд играет сонату Бетховена (к восторгу музыкальных педагогов); его Бетховен непомерно разрастается по времени. Но у Бетховена в музыке одышка — сродни ей божественные смолкания в грохочущих обвалах музыки Брукнера. Это — романтики: они мыслят. У Баха — в Пассионах, в хоралах. Гайдн разрешает конфликт дыхания и речи будто бы шутя, игровó. У Моцарта сходные проблемы решаются в операх и в фортепианных сонатах; это уже не барочные танцы, тут мысль — вздыхает. Вздох — род паузы¹.

¹ Совсем недавно было выдвинуто представление о вздохе как мыслительной категории — очередной конструктивный прорыв в русле создаваемой научной дисциплины «единая интонология».

Вздых — и род паузы. Ко вздоху в этом качестве можно присовокупить регулярное экание, паразитные вводные словечки и речения; как реликтовое свидетельство о зиянии можно рассматривать заикание. Мысль, таким образом, движется скачками, рывками. Она формируется, преодолевая лакуны — пробелы пауз. Паузы, в свою очередь, напоминают о происхождении человеческой мысли.

Возвращаясь к заявленной теме и завершая её. — Разумению животных подданы оба цепочечных звена формулы языка, левое и правое в совокупности. Они обеспечивают зверью (рыбам, птицам, червям, насекомым и пр.) умение ориентироваться в пространстве и различать (классифицировать, квалифицировать) объекты окружающего мира. Нет у животных только материальной возможности увязать, сплавить звенья воедино, преодолеть, освоить зияние (разрыв-паузу, цезуру) между звеньями; звери не одарены способностью к членораздельному высказыванию, не владеют тонкой материей речи-мышления. Соответственно и надобности в том для живности нет никакой. Оно само собой в них, через них осуществляется. Можно сказать, что звери в паузе пребывают телесно. Состав мысли горней, ими воспринятой (формула языка с зиянием, или паузой-перерывом — Логос), по строгому своему смыслу экологически чист, адекватен акту утверждения жизни на Земле — чистая мысль, «безотходная» (парение орла).

Мышление человека с преодолением зияния (увязка фраз-звеньев, связка-глагол) приобретает парадоксальный, творческий характер (с требованием подведения под связную мысль новой действительности-реальности,

вразрез природной, заданной). И на очередном этапе истории человечества возникает уже насущнейшая необходимость внесения экологических поправок в характер цивилизационного прогресса — утверждение собственно науки экологии.

Такова есть для жизни на Земле судьбоносная роль наличия в составе языка (Логоса) паузы-обрыва (зияния). Человеку, получившему дар членораздельного освоения, проговаривания Мысли, представилось и паузу освоить: воздвигнув мост над бездной, двинуть вперёд время.

Мелвар Мелкумян

Μονάς ἐστίν, καθ' ἣν ἕκαστον τῶν ὄντων ἐν λέγεται.

Начала Евклида, Книга VII, Определение I

*Единица есть (то), через что каждое
из существующих считается единым.*

Перевод И. Н. Веселовского

*(«Единица есть то, в силу чего каждая вещь
называется одной».* Перевод Ф. Ф. Петрушевского)

Часть 1

ОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1.

Методом последовательных морфологических преобразований устанавливается перечень типов глагольных конфигураций армянского языка. Конфигурации перечня можно трактовать в качестве трансформов двух центральных из них:

1) [(Д) (Глагол) (О)] — развёрнутое выражение объектного отношения (Д — «деятель», О — «объект действия») и

2) [(Д) (Глагол) (А)] — развёрнутое выражение адресатного отношения (А — «адресат действия»). Соответственно, трансформы:

3) [(О) (Глагол)] — свёрнутое выражение объектного отношения и

4) [(Д) (Глагол)] — свёрнутое выражение адресатного отношения¹.

¹ Процедура преобразовательного анализа и результаты описаны в статьях: Мелкумян М. Р. (1) Армянский глагол: каузативный залог и схема глаголообразования // Проблемы моделирования языка. 3.2. Тарту, 1969; (2) Армянский глагол: система глагольных конфигураций // Вопросы металингвистики. Л., 1973.

Маркированные представители перечисленных конфигураций: (1) глаголы на =ɕnel (т. н. причинные) некаузативы ('растить деревья'); (2) глаголы на =ɕnel (причинные) каузативы ('усаживать гостей'); (3) глаголы на =nal «становление признака» ('дерево растёт'), глаголы на =wel — рефлексивы ('шар вертится').

«Объяснительная сила» трансформационной трактовки перечня обеспечивается введением (для центральной конфигурации — четырёхэлементного) членения, разбивающего глагольное слово: (Глагол) = (П + Гⁿ), где П — «предмет, предметное выражение действия» обозначает основу глагольного слова, а Гⁿ — *n*-местное отношение, узел, связывающий элементы конфигурации. Теперь конфигурации (1) и (2) получают различную запись:

(1) [(Д) (П·Г)² (О)]; (2) [(Д) (П+Г³) (А)].

Конфигурация (2) асимметрична (двухвершинна) — к (2) неприменима пассивация, являющаяся симметричным преобразованием; — структура (2) морфологически неустойчива. В статьях, обозначенных в первой сноске, показана возможность вывода (2) из (1); кроме того, устанавливается обширная внеглагольная сфера выражения адресатного отношения. Таким образом, мы имеем основания предположить, что конфигурация (2), а отсюда, по-видимому, и конфигурация (4), не является исконной в сфере глаголообразования и структура глаголообразующей среды соответствует строению конфигурации (1). Конфигурацию (1) назовём объектной.

Теперь попытаемся восстановить «ядерный словарь». Для объектной конфигурации наиболее показательны глаголы двух семантико-морфологических разрядов: причинные некаузативы («содержащие» в своих основах

прилагательные — армянские прилагательные, которые суть «чистые корни») и «орудийные» (П — «орудие действия, материал» типа 'мотыжить', 'солить'). Оценим также преобразовательные форманты, ключевые для обсуждаемого результата: «причинный» суффикс =*ɟn*= (каузативация) и суффикс =*w*= (пассивация). Армянский =*ɟn*= возводят к составу =*skap*. Суффикс =*sk*= (>=ɟ=) широко представлен в адъективных образованиях — прежде всего в прилагательных принадлежности; индоевропейский глагол содержит =*sk*= в значениях итеративном, дуративном, инхоативном, каузативном; Э. Бенвенист считает первоначальным итеративно-интенсивное значение =*sk*=¹. В армянском языке, кроме каузативного форманта =ɟ=, с =*sk*= связывают древнеармянские окончания генитива, датива, аблатива мн. ч. существительных и окончание «цойного» (сигматического) аориста². Формант =*w*= выводится из составного суффикса =*uas* (=w= < =u=) — суффикса современного армянского причастия прошедшего времени; слова на =*uas* древнеармянского языка, существительные или прилагательные, впоследствии вербализовались; всё же ряд существительных на =*uas* в современном армянском сохранился³. Г. Ачарян, приводя подобранные Карстом пары древнеармянских глаголов с =u= и без =u=, замечает, что значение =u= в них усилительное, а вовсе не страдательное⁴.

¹ Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 96.

² Solta G. R. Die Armenische Sprache // Handbuch der Orientalistik. VII. Armenisch und kaukasischen Sprachen. Leiden; Köln, 1963.

³ Абраамян А. Глагол в современном армянском языке. Кн. 1. Ереван, 1962. С. 619. (На арм. яз.)

⁴ Ачарян Г. Полная грамматика армянского языка. Т. IV, кн. II. Ереван, 1961. С. 327. (На арм. яз.)

2.

Постулируем «первичный высказывательный комплекс»; структура комплекса:

$$(I) \quad [(R_1 - s - k - R_2) \leftrightarrow (R_3 - m - w - R_4)] \quad (II)$$

структура описывает две противопоставленные друг другу группы высказываний: в процессе их многократного (сопровождаемого закономерным перераспределением первичных элементов s, k, m, w) воспроизводства вырабатывается система категорий/категориальных форм языка. Структурные формулы первичных высказываний будем называть: (I) «локативная k -структура» и (II) «кваликативная w -структура». R_i — корень; первоначально функциональное значение корня могло совпадать с референционным значением, но со временем получило языковую определённость. Формирование языка начинается с выделения классов референтов. Класс R_1 — предметы, обозначаемые корнями нынешних прилагательных (соответственно — глаголов). Класс R_2 — предметы, бытующие самостоятельно, пребывающие в некотором активном состоянии. Класс R_3 — «орудия». Класс R_4 — объекты орудийного труда. Элементы k, w — знаки отношений («первичные предлоги»). Элемент s/m — знак «точки отсчёта» (m — «сам-ориентир», а затем — знак говорящего). Элементам s и w в группах высказываний соответствуют наборы вариантов:

$$s \{s, j, r, l, \check{d}, b, \dots\}, w \{w, n, p, b, d, t, u, \check{v}, y, \theta, \dots\}$$

— можно говорить о двух противопоставленных множествах первичных высказываний: k -множестве, варьирующем s , и m -множестве, варьирующем w .

Отношение, обозначаемое первичным предлогом, статично: «положение в пространстве». Содержание *k*-высказывания: отнесение R_2 по ведомству R_1 (т. е. к определённомu разряду вещей). Содержание *w*-высказывания: нахождение друг подле друга, совместность R_3 и R_4 . Противопоставление « $\leftrightarrow$ » — тоже реальный элемент в синтагматическом структурном ряду первичного комплекса. Именно из противопоставления $k \leftrightarrow w$, а не из первично статичного предложного отношения вырабатывается в языке содержание «процессуальности»; можно полагать, что глагол функционально возникает на месте первичного предлога, но содержательно — из противопоставления « $\leftrightarrow$ ». На самом деле содержание первичного высказывательного комплекса неразложимо — для каждой воспроизводимой формы актуален весь языковой (т. е. не референционный) объём первичного содержания, и каждая воспроизводимая (составная) форма интериоризует неразложимое первичное содержание на базе своего функционального значения. Вырабатываемое в результате новое содержание функции (новое функциональное значение) есть также очередной вклад в неразложимое содержание целого. Вновь воспроизводимая форма вбирает всё выработанное в языке к моменту воспроизводства содержание, в свёрнутом виде — полную историю генезиса. Содержательная потенция каждой отдельной формы вполне «материальна» — ею как раз и обусловлена прихотливость, кажущаяся непоследовательность языкотворчества.

Неразложимость содержания первичного комплекса объясняет «взаимозамещаемость» первоэлементов (*s*, *k*, *m*, *w*): замещаемые элементы не выводятся из цепочки,

а десемантизируются (нанизывание формантов); освободившись от функциональной нагрузки, они могут изменить звуковой облик (фонетика). На «новом» материале как раз и завершается развитие, обогащение содержания функциональных значений (неразложимого содержания целого) — образование новых категориальных форм. Обогащение содержания функции не может не отразиться на судьбе генетически предшествующих её носителей, — так, с появлением глагола функция «отношение» приобретает содержание «процессуальность» — понятие статичного отношения теперь надо оговаривать, вводить описанием, — в этих условиях первичный предлог не мог сохраниться, нынешний («вторичный») предлог, например, в русском языке — приглагольный (предлог и приставка, предлог и флексия).

На основе «↔» складывается система внутрикатегориальных языковых отношений. Первичное противопоставление генетически активно. Будучи многократно воспроизведено, оно всякий раз предстаёт в конкретном воплощении (грамматический статус языковых отношений зависит и от содержания сопоставляемых форм). Всякое новое воспроизводство «↔» обогащает содержание всех предшествующих его воспроизводств. (Очевидно, что генетическая активность «↔» связана с неразложимостью первичного комплекса.)

Каждая категориальная форма содержит в себе потенцию «↔», т. е. в какой-то момент может выразить «↔» вовне, (так что образуется подкатегория, восходящая к некогда бывшей категориальной форме набором формантов и совокупным содержанием — изменение качества связано с поздним генезисом: элатив и степени сравнения, эргатив и залог).

Итак, в процессе многократных воспроизводств синтагматика первичного высказывательного комплекса (генетически предшествующего «высказывания») перерабатывается в парадигматику категориальных форм («язык» — систематически, грамматически предстающий). Первичная цепочка как бы задана в трёх измерениях языка: синтагматика — парадигматика — формирование.

3.

Проследим формирование категории глагола — прилагательного в армянском языке.

В k -высказывании образуется иерархия $R_1 - R_2$: $[(R_1 = sk) (R_2)]$. Соответственно, в w -высказывании осмысляются R_3 — «орудие» и R_4 — «объект орудийного труда»:

$[(R_3 = wm) (R_4)]$ или $[(m) (R_3 = w) (R_4)]$ или $[(m) (R_3) (R_4 = w)]$ —

точка отсчёта в обоих высказываниях осознаётся как знак говорящего. На основе «орудия» возникает понятие «деятель» — начинается переосмысление знака говорящего в k -высказывании:

$[(s) (R_1 = sk = w) (R_2)] \rightarrow [(s) (R_1 = \zeta = w;) (R_2)]$, или, что то же:
 $[(s) (R_1 = \zeta n) (R_2)]$.

В сфере же w -высказывания теперь имеем: $[(m)(R_3 = wm) (R_4)]$, или, например, $[(m) (R_3 = wm) (R_4 = w)]$. Возникают устойчивые структуры — стадии образования морфологических слов (в w -высказывании — эргативный строй). Складывается субъектно-объектная конструкция (номинативный строй):

$[(s) (R_1 = \zeta n = m)(R_2)]$ или $[(s) (R_1 = \zeta n = m) (R_2 = w/n)]$

образуется глагольное слово (разумеется, есть разнообразие иных раскладок).

На базе $k \leftrightarrow w$ вырабатывается система глагольных видов («завершённость — продолженность»), а затем — времён («локативность + процессуальность = время» — так сказать, единое пространство-время: арм. «цойный» аорист и т. д.)¹.

Иллюстрации выхвачены наудачу. Арм.: s и m — в местоимениях, s — «притяжательный» артикль, m — личное окончание глагола 1-го лица, w/n — определённый артикль, m — локатив, w — инструментальный падеж, u — генитив разряда существительных, ς — генитив/датов/аблатив мн. ч. в древнеармянском.

Иноязычные примеры: s , m , w в разноязычных местоимениях, например, нем. [(wir ... =n)] < [(w=s/r) (R=w/n)...], русск. я < s/j , мы... н — мной < ($m + n + s/j$) или хотя бы то же *мы*; артикли, падежные флексии (русский творительный, грузинский эргативный = m), глагольные аффиксы. Наконец, с местоимениями и артиклями, с именными и глагольными флексиями можно сопоставить систему предлогов, например, немецких или русских (ср. варианты первичного w ; далее, «предлог $k \leftrightarrow$ прочие предлоги»; относительно нынешних «вторичных» предлогов полагаем, например, в русском языке: $k < *k\bar{y}n$, $v < *w\bar{y}n$). С самого начала наблюдаем эффект «нанизывания» формантов (ср. аффиксацию тюркского глагола): само возникновение местоимений — ранний пример нанизывания (ср. для русск. «рамку» «предлог—приставка»). Интересно определить круг языков, материально связанных

¹ См. также: Мелкумян М. Р. Первичные речевые структуры — генетический код языка. // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики [Научный симпозиум]. Ч. I. М., 1971.

с первичным высказывательным комплексом: индоевропеистика, ностратика?.. Структурно формула первичного комплекса должна бы быть языковой универсалией.

Как могло возникнуть армянское (бесфлексийное) прилагательное? На стадии, предшествующей образованию глагола, обнаруживаем ($R_1 = \zeta n$): $(s=k) \rightarrow (sk) > (\zeta) \rightarrow (\zeta n)$ — это переход «локатив $\rightarrow$ посессив $(sk) \rightarrow$ элатив (ζ) »; переход к глаголу обусловлен «процессуальностью» первичного противопоставления: ζn -форма выявляет аспект неразложимого содержания первичного высказывательного комплекса $(\zeta \leftrightarrow m)$. После, образования глагола $(=\zeta n=m)$ элатив (ζ) в прежнем качестве (носитель первично-предложной функции) существовать уже не может. Следует утрата $=\zeta$ — на этой основе «завершается» развитие: «посессив $\rightarrow$ элатив $\rightarrow$ отношение вообще, признак». Новая бесфлексийная категориальная форма интериоризует значение утраченного форманта $=\zeta$ — «чистое содержание», к глаголу же отходит самый формант, но и содержание тоже, ибо содержание неразложимо (пример «образования» смысла — демонстрация семантического феномена). Элатив, однако, не исчезает, а «парадигматически» перевоплощается совокупностью степеней сравнения прилагательного. (К разноязычным примерам добавим русские суффиксы и окончания прилагательных; примечательная параллель: русск. притяж. прил. $(=ow=sk=ij)$ — др.-арм. причин. глагол $(=u=\zeta=an=m)$, с другой стороны, русск. прил. на $=n=$ и т. п.).

За возникновением прилагательного следует (генетически обусловленный) переход: «прилагательное $\rightarrow$ (причастие $-n$) $\rightarrow$ глагол $-nam$ » — «становление признака» (на этот раз потенция « $\leftrightarrow$ » приводит к образованию

параллельного ряда «причинные -օր // глаголы состояния -ամ»). Это новое «содержательное» завоевание — одноместный глагол: симметрия отношения (двухместность) восстанавливается в генетическом «контексте» прилагательного (анализ состава глаголов -ամ: «= $\emptyset$ < (օ) ↔ n=m»).

Статус каузативных глаголов. Анализу каузативов («инициатор — исполнитель — инициатива») была посвящена специальная работа. Здесь же отметим следующее. Хотя армянский не знает эргативной конструкции, эргативную структуру (выводимую из первичного комплекса), наряду с номинативной, следует видеть в «родословной» каузативов: в эргативном построении «разработана» форма активного падежа — каузатив как бы связывает оба активных («именительный» и «эргативный» — в данной реализации «дательный»; ср. «эргативную» ситуацию в грузинском).

4.

1) *Язык и действительность*. Язык начинает формироваться как теория окружающего пространства. Придерживаясь терминологии новой физики, можно сказать, что окружающее пространство для членов раннего сообщества — не классический, а квантовый объект. Для этих условий «...решающим является признание следующего основного положения: *как бы далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные (evidence) должны описываться при помощи классических понятий*».

Обоснование этого состоит просто в констатации точного значения слова „эксперимент“. Словом „эксперимент“

мы указываем на такую ситуацию, когда мы можем сообщить другим, что именно мы сделали и что именно мы узнали. Поэтому экспериментальная установка и результаты наблюдения должны описываться однозначным образом на языке классической физики.

Из этого основного положения... можно сделать следующий вывод. *Поведение атомных объектов невозможно резко отграничить от их взаимодействия с измерительными приборами, фиксирующими условия, при которых происходят явления <...> данные, полученные при разных условиях опыта, не могут быть охвачены одной-единственной картиной; эти данные должны скорее рассматриваться как дополнительные в том смысле, что только совокупность разных явлений может дать более полное представление о свойствах объекта*¹. Тем не менее данные раннего опыта сложились в «классическую» теорию, уже однако, не теорию окружающего пространства, а — язык трудового коллектива.

2) *Моделирование языка*. Мы хотим обратить внимание на две концепции.

Концепция логики теории познания, развиваемая В. Н. Морозом². Если отвлечься от традиционно-логической интерпретации автора, механизм мышления, описываемый В. Н. Морозом, — это также механизм ориентации в пространстве (таким образом, механизм задан как бы до появления речи объективным естественным законом приспособления к окружающей среде).

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 60.

² Мороз В. Н. Мысль и предложение. Ташкент, 1960.

Статистико-комбинаторное моделирование¹. В концепции Н. Д. Андреева представлен механизм «первичной классификации» (необходимый, в нашем случае, и для установления раннего языкового статуса R; ср. содержание w-высказывания).

3) *Язык как объект исследования*. Уникальность языка как объекта исследования состоит, на наш взгляд, в том, что это объект, принципиально наблюдаемый. А если это так, то сквозь призму лингвистических теорий должна просматриваться простая действительность языковых явлений. В чём тогда назначение лингвистических теорий? Поясним на примерах. Поскольку механизм образования системы языка оказывается тем же генетическим механизмом, в нашем распоряжении экспериментальное поле для генетических исследований. Другой пример: серьёзная аналогия между закономерным «ростом» содержания и законом возрастания энтропии. Наконец, на языковом материале могут быть апробированы теории биоэволюции, общественного развития. Речь идёт о расширении исследовательской базы биологии, физики, истории, социологии.

4) *Теория корня*. Важная задача лингвистики — проникновение в механизм образования корней (R). Проблема корня ставит содержательную лингвистику в такое же положение, в каком оказалась физика в пору создания квантовой механики. Вот как пишет об этом Нильс Бор: «Возникшая в атомной физике необходимость заново рассмотреть те основания, на которые должно опираться не-

¹ Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.

противоречивое применение элементарных физических идей, напоминает в некотором смысле ситуацию, с которой столкнулся в своё время Эйнштейн. Эта ситуация побудила Эйнштейна пересмотреть основания, на которые опираются все применения пространственно-временных понятий, и благодаря тому, что в процессе пересмотра было подчёркнуто фундаментальное значение проблемы наблюдения, наше физическое мировоззрение приобрело замечательную стройность и единство. Несмотря на всю новизну и необычность способа рассмотрения, теория относительности сохраняет причинное описание, применяемое внутри каждой данной системы отсчёта; в квантовой же механике мы вынуждены отказаться и от этого, отказаться из-за неконтролируемого взаимодействия между объектами и измерительными приборами. Этот факт, однако, отнюдь не указывает на ограниченность или неполноту квантовомеханического описания»¹.

В обсуждении материала при написании статьи участвовала Л. С. Шишкина.

¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. С. 62.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Рассмотрим выражение «язык актуализуется во времени». Конструктивным является следующее понимание: язык реализуется в речи в момент её порождения (ср. у Й. Домбровского), т. е. реализуется в высказывании, и поскольку имеется в виду актуализация языка, момент порождения определяется не точкой на абстрактной временной оси (момент звучания), а как период выявления неразложимой минимальной высказывательной цепочки, как «речевой квант». Так конструктивно членится и измеряется языковое время: язык функционирует периодически. Пространственная структура языка непосредственно не наблюдаема, она может быть раскрыта путём обнаружения семио-фонологических закономерностей в потоке речи и в системе языковых оппозиций — в архитектонике языка. Необходимо определить основания реконструкции пространства языка. Теоретическая грамматика, если и строится на изучении речевого материала, однако, представляет собой лишь способ упорядочения последнего: речевой материал просматривается сквозь призму грамматической терминологии. Корпус грамматики, по сути дела, — тот же объект лингвистической

реконструкции; грамматика содержит утверждения о действительном устройстве языка в скрытой, неявной форме — выявить эти утверждения в корпусе грамматики призвана академическая лингвистика. С другой стороны, исследуются статистико-комбинаторные свойства реальных текстов (т. е. естественно-упорядоченного речевого материала). Данные статистико-комбинаторного исследования содержат утверждения о временной структуре языка — опять в неявной форме — и требуют содержательной интерпретации. Наконец, должно быть предпринято комплексное исследование логико-синтаксического, синтактико-морфоносемического, фонологического-интонационного строения различных высказываний (простых предложений) с целью усмотрения на всех этих уровнях пространственного изоморфизма.

Непосредственное наблюдение пространственной структуры языка затруднено прежде всего потому, что на различных уровнях язык манифестируется одновременно, синкретически, и уровни манифестации находятся друг к другу в дополнительном отношении. На каждом из уровней, таким образом, высказывательная цепочка может быть представлена лишь отдельными звеньями, что уже вовсе и не противоречит факту её неразложимости. Отсюда также следует — поскольку одним из уровней манифестации языка является уровень семантический, смысловой, или уровень подразумеваемого (не исследуемый, а целиком, адекватно или неадекватно, конструируемый исследователем) — вообще необязательность материализации в речи, хотя и обязательное присутствие в составе подразумеваемого тех или иных пространственных компонентов высказывания; это обстоятельство чрезвычайно осложняет работу

исследователя. Затрудняет непосредственное наблюдение и диахронический фактор. Доминанта языкового выражения переходит с уровня на уровень, это сопровождается переструктуриацией речевого материала, окостенением звуковых формантов и комплексов (с последующим возможным их переосмыслением), пространственная структура начинает складываться на новом уровне (язык как средство общения первоначально функционирует на уровне морфем, затем на уровне слов, что приводит к переразложению в звуковой последовательности, к осмыслению морфем, к развитию аналитизма и т. д.), формируется иерархия пространственно подобных структур (морфоносемической, синтаксической, сверхфразовой), сложно взаимодействующих. Не всё в языке живёт, в нём наличествуют как бы геологические отложения — обстоятельство, которое способствует нашему исследованию; в геологических срезах многое становится наглядным. Имеются эффективные методы работы с окостеневшими языковыми формами; известен метод «оживления мёртвой материи» — он был распространён в советской лингвистической и литературоведческой науке 20–30-х годов (остранение, восстановление внутренней формы и т. п.), из современных лингвистов этот метод применяет Лайонз (использующий результаты однозначного осмысления незнаменательных и полужнаменательных слов в аналитических конструкциях английского синтаксиса при построении своей концепции порождающей грамматики). Динамику временных переструктуриаций языка, формирование его архитектоники обуславливает прагматический фактор, утилитарное назначение языка как средства общения; цель общения со становлением общества непрерывно

видоизменяется, обогащается, сейчас она многообразна — это отражается и на средстве, изначально приспособленном именно к первичной функции общения: ориентированию в пространстве (так что пространство языка в первую очередь специфически отображает пространственную организацию наблюдаемого, осваиваемого мира), значит, действительные пространственные отношения составляют в языке его субстратную основу.

То, что язык имеет двойное выражение (звуковое и синтактико-лексемное) очевидно. Неочевидно другое: что язык семиотически организован и на уровне фонема, что та же семиотическая организация проявляется на всех языковых уровнях, что синтактико-лексемное содержание в языке надстраивается над над семиотическим содержанием (и восходит к нему) — одним словом, неочевидно, что язык имеет также двойное содержание¹. Результат реконструкции семио-фонологической структуры языка — минимальная высказывательная цепочка. Это комплекс, состоящий из пары сопоставленных не-предикативных *фраз*, включающих по четыре позиции, интерпретируемые в плане выражения согласными фонемами, а в плане содержания (т. е. в денотатной интерпретации) — как обозначения двух объектов (в диахро-

¹ Поставим вопрос следующим образом: требуется построить оптимальный фонемный код речевого периода. Поскольку предстоит идти от звукового выражения, речь в данном случае должно представлять как вторичную знаковую моделирующую систему, иначе говоря, систему самоорганизующуюся; следовательно, становится необходимым выделить и увязать ступень языкового кода и ступень речевого сообщения. Обязательно, разумеется, учесть специфику материала, состоящую в непременной содержательности звукового выражения на каждой из ступеней.

нической перспективе: корневые элементы), ориентира (местоименный элемент) и оператора ориентации (предложный элемент). Произносительная база — моновокалическая. Отметим следующее. Минимальное языковое высказывание не просто состоит из звуков, а составляет звуковую структуру; вместе с тем берётся не одна фраза, а две; только в этом случае может быть обеспечена переструктуризация, трансформирующая исходное локативное содержание в позднейшее объектно-предикатное, субъектно-объектное и адресатное содержание современных предложений — самозарождение языка (язык как самоорганизующаяся система). Основной предпосылкой к образованию комплекса *фраз* служит их звуковая природа. Звуковое выражение неадекватно исходному содержанию *фраз*, звуки в данном случае являются не-иконическими знаками, и исходное содержание за ними жёстко не закрепляется. В отдельной *фразе* с развитием общественной организации обозначение оператора ориентации переосмысливается как оператор соотнесения вообще, тогда обозначение ориентира во фразе обесмысливается, окостеневает и, в свою очередь, переосмысливается в знак говорящего. Таким образом, с одной стороны, нарушается устойчивость симметричного построения *фраз*, а с другой стороны, поскольку во *фразах* нет уже единства содержания, сопоставление *фраз* показывает хорошую возможность в рамках данного способа общения выразить идею движения, изменения, насущную ввиду осознания факта активного взаимодействия с окружающим миром: посылка, начальное состояние — итог. Смысловой центр смещается на знак говорящего, становящийся в дальнейшем обозначением деятеля; образуется новая устойчивость, происходит слияние, спайка

внутри парного комплекса *фраз* по образцу отдельной *фразы*, что создает тип нынешнего предложения. Приведённое объяснение в плане выражения можно подтвердить сопоставительным анализом морфоносемического материала разноязычных прилагательных, глаголов, местоимений, артиклей в составе синтаксических конструкций, изучением способов языковой спайки: агглютинации, фузии и др., анализом интонационного рисунка предложения¹. Какая реальность стоит за формулой морфоносемической кодовой структуры (минимальной высказывательной цепочки)? Формула описывает семиотический код, изоморфный коду биологическому, семиотическую структуру, изоморфную структуре биологической. Очевидно, речь должна идти о всеобщности и единстве принципа самоорганизации.

Локативное содержание (пространственная ориентация в условиях общественного существования) составляет необходимое условие семиотической самоорганизации, но недостаточное. Возьмём «язык пчёл», удовлетворительно задаваемый формулой одиночной локативной фразы. В «языке пчёл» ступень кода совпадает со ступенью сообщения; для того, чтобы в условиях

¹ Таким образом, концепция кодовой структуры ложится в основание сопоставительной морфонологии языков. — Опыт изучения состава и строения корня в разносистемных языках: индоевропейских, семитских, тюркских — позволяет выдвинуть предположение об агглютинативной природе корня, т. е., в конечном счёте, свести корневые элементы к «фонемным точкам». Если бы удалось получить удовлетворительную фонемную интерпретацию корневых элементов, это привело бы к построению семантической фонологии (семиофонологии) (ср. программу индуктивной общей грамматики В. Гумбольдта).

пчелиного общения составила двухфразовая структура, должно быть возможным переосмысление «пчелиного высказывания» (смысловой сдвиг). Такая возможность отсутствует: способ ориентирования у пчёл адекватен природе пространства, знаки «языка пчёл» иконические знаки. Знаки человеческого языка — звуки в качестве пространственных обозначений — символические знаки; человеческому способу общения изначально присуща двухступенчатость: пространственный код и звуковое сообщение. Ну, а «язык обезьян», обладающий довольно развитой звуковой сигнализацией? Важнейшее отличие человеческого языка от «языка обезьян» в том, что наш язык — не просто язык звуков, а язык звуковых структур, структурных последовательностей звуков. В «языке обезьян» фактически отсутствует ступень кода. Итак, три условия с необходимостью предопределяют возникновение языка (языкового мышления): 1) структура, 2) звуков, 3) содержащая описание пространственных отношений. Осуществление же необходимости направляется общественно-экономическими обстоятельствами; это и отражено в последовательности переосмыслений местоименных элементов структурной цепочки в процессе воспроизводств. Эволюцию языка в плане выражения можно теперь представить в стройных, аргументированных концепциях. Коснёмся хотя бы проблемы генезиса гласных из первоначально сугубо временной компоненты — многообразного проявления голоса, обеспечивавшего произношение смыслоносителей-согласных во фразовых структурах. Впоследствии иные средства обеспечивают единство структурного комплекса: если первоначальная устойчивость интонационная, то новая устойчивость синтактико-лексемная; в образовавшихся

ненагруженных, внеинтонационных позициях начинает прослушиваться различное качество огласовки: появляются гласные (некоторая фонологизация согласных за счёт выделения гласных). Гласные по функции одинаковы с согласными, но не забудем, что функция согласных изменилась от первоначальной; гласные и согласные объединяются в алфавите фонем. Школьная грамматика рассматривает гласные как слогообразующие элементы, но слогообразование — функция голоса, гласные же остаются-таки функционально тождественными согласным, хотя диахронически у гласных преимущественная роль в формообразовании: следствие их генезиса и (в синхроническом обосновании) того, что они представляли в алфавите фонем инновацию, образуя младший член грамматической пропорции (согласные-гласные). Итак, участие голоса в произношении гласных свидетельствует об их происхождении; но голос имеет самостоятельное и независимое фонологическое значение в языке, формируя его временную структуру. Мы наблюдаем в человеческом способе общения несколько крупных переструктураций, приводящих к становлению естественного языка. В итоге одной из переструктураций образуется возможность выражения субъектно-объектных (или субъектно-предикатных) отношений, в итоге следующей переструктурации образуется возможность выражения адресатных (субъектно-субъектных) отношений. В этот следующий раз заново осмысливаются морфемы (безотносительно к фонемному их содержанию), слова получают полную автономию — развивается аналитизм (градация значений: знаменательные, полужнаменательные, незнаменательные); вследствие «раскрепощения» слов предложение

начинает быть сугубо смысловым их единством, и вот новые смысловые структуры имеют в лексемных единицах то же четырёхпозиционное двухвершинное строение (отправитель-адресат), какое имеют в фонамах разобранные выше первичные фразы. Логико-семантическое (адресатное) предложение изоморфно семиофонологической (локативной) фразе. Теперь заметно возрастает и роль сверхфразовых объединений, в чём видим мы предвосхищение синтеза входящих в новую комплексную структуру логико-семантических предложений. Другой аспект: повсеместно в схемах структурного анализа обнаруживается одна и та же оппозиция (дихотомия), содержательно восходящая к сопоставлению фраз в первичном высказывательном комплексе. Вывод: язык обладает единой пространственной организацией.

Возвратимся к началу нашего обсуждения и, вопреки принятому установлению, разложим «речевой квант», отмеряя вместо языкового времени уже «время звучания». При таком подходе обращает на себя внимание временной характер минимальной высказывательной цепочки: языковая пространственная структура как бы протяжена во времени — своеобразное совмещение пространства и времени и составляет природу языка, предопределяет характер языкового мышления¹.

¹ В ином разрезе подобное совмещение («склейка») даёт математику в качестве независимой от языка компоненты мышления (математическое мышление). Имеется в виду концепция генезиса числа из счёта временных периодов; затем счёт получает пространственное («теоретико-множественное») осмысление как количество.

Пространство языка — непрерывно становящаяся структура, и формирует язык его временная стихия. Собственно временная компонента высказывательной цепочки реализуется в той характеристике языка, которую Бодуэн де Куртенэ определил как «количественность в языковом мышлении», относя сюда явления «в области произносительно-слуховых представлений (психофонетика), в области морфологических представлений в самом широком значении этого слова (морфология предложения, или синтаксис, морфология слов, флексия, морфология морфем и их составных частей, морфология слогов, морфология фонем), в области семантических представлений; в области письменно-зрительных представлений, в отличие от представлений произносительно-слуховых»¹. Установим языковой статус грамматических категорий времени и числа. Категория времени по ходу кодовых воспроизводств выводится из категории вида, так что понятие грамматического времени как бы зиждется на первичных пространственных представлениях. Категория грамматического числа и вовсе оказывается необязательной; правда, это не так уж и неожиданно: ряд языков не знает категории числа; грамматисты связывают категорию числа с категорией рода.

Ещё категория числа связывается с грамматической категорией времени через категории интенсивности и вида. Категория числа оказывается лишь одним из проявлений количественности в языковом мышлении. И так же обстоит дело с грамматической категорией времени. Действительно же время определяет функционирование

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 314.

языка, само говорение, «речь»; временной характер кодовой морфоносемической структурной цепочки (последовательность звуков) чрезвычайно существен: языковой код представляет собой временную цепочку, имеющую пространственное содержание. «Количественность в языковом мышлении» есть реализация в языке временной компоненты морфоносемической кодовой структуры.

Итак, из нашего обсуждения возникает представление «язык как пространство и время»: пространство — отраженная на всех ярусах языка фонологическая структура минимальной высказывательной цепочки, время — отраженная на всех ярусах языка количественная, числовая структура минимальной высказывательной цепочки. В нашем распоряжении — лингвистическая модель физического мира. Лингвистическая модель мира имеет познавательную ценность. Возьмем опять категорию глагольного времени и категорию числа. Мы установили, что в этих категориях реализуется временная компонента языкового кода и, однако, в них заключено пространственное содержание. Соответственно, можно полагать, что наука долгое время интересовалась выявлением содержания категорий и именно потому сущность времени и числа долгое время оставалась невскрытой — число и время получали пространственное осмысление: с этим связаны перипетии развития теоретической физики и математической логики. Затем, лингвистическая модель наглядно вскрывает сущность асимметрии пространства: обсуждаемая теория языка является «биологической» теорией — и не вскрывается ли на лингвистической модели перспектива «биологизации» физической науки?

В свете возникающего представления по-новому предстают давно известные лингвистам факты. Здесь мы напомним только об одном из них, более не кажущемся нам загадочным, — о присутствии среди разнообразных числовых показаний языка «календарных чисел», равных числовому выражению недельного и месячного циклов. (Месячный цикл определяется не только по фазам Луны — это всеобщий биологический цикл; недельный цикл характеризует, в частности, режим течения рек — действительно, родиной календаря является Вавилон, цивилизация древних ирригаторов). Укажем, с одной стороны, на среднюю по языкам длину слова в фонемах (или с учётом модификаций — изображаемую часто символом $7 + 2$) и длину фразы (в словах) и, с другой стороны, на среднюю пропорцию гласные — согласные по разноязычным алфавитам. «Семёрку» в одном и другом случае естественно связать с числом позиций в фонологических фразах первичного высказывательного комплекса (см. выше касательно проблемы генезиса гласных). Что же до второго числа, сошлёмся на его интерпретацию в молекулярной биологии (структура ДНК — белок: 20 аминокислот и 4 разных типа нуклеотидов).

ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ АППЛИКАТИВНОЙ ПОРОЖДАЮЩЕЙ МОДЕЛИ

Обозначим два подхода к представлению информации в ИПС: 1) перевод с естественного языка на ИПЯ (например, подстановка индексов УДК) — переводческий подход и 2) непосредственный ввод исходного текста — свёртка — собственно информационный подход (в этом случае поисковый образ может быть развёрнут до исходного текста).

Пословный перевод на дескрипторный ИПЯ не есть «непосредственный ввод исходного текста», поскольку такой перевод не снимает проблемы «второго языка»: разворачивание дескрипторного поискового образа идёт относительно не исходного текста, а дескрипторного языка как структурного целого (исходный текст переосмысливается в рамках второго языка). Вообще говоря, информационные потери задаются не записью текста, а процедурой его анализа (соответственно — разворачивания). Таким образом, сама исходная запись текста на естественном языке — это информационное представление (естественно-языковой код), которое, дабы минимизировать информационные потери, нужно уметь адекватно развернуть.

В свете собственно информационного подхода, ИПЯ — это совокупность процедур адекватного анализа

и преобразований (разворачивание, сворачивание, перекручивание) естественно-языковой записи (межязыковые переходы — посредством переводных подстановок), ИПС же представляет собой, в принципе, неупорядоченный массив фраз или более крупных текстовых блоков, упорядочиваемый всякий раз в соответствии с поступающими поисковыми предписаниями.

Собственно информационный подход был представлен у «статистиков», например, в пермутационном указателе Луна¹: ключевые слова в/вне контекста при учёте частотных характеристик текста. Необходимость учёта ключевых слов в так называемых дескрипторных словарях (вскрытие лексикологического аспекта: словарь как целое, система, как «второй язык») способствовала утверждению иных принципов, сложившихся ранее в МП-разработках. С другой стороны, в библиотечной практике дескрипторный словарь есть некоторое представление классификационной системы, обеспечивающее механизацию поиска по набору классификационных рубрик. Ещё один пример собственно информационной концепции — статистико-комбинаторное моделирование по Н. Д. Андрееву². Ряд вопросов, связанных с собственно информационным подходом, освещается в статьях авторов сборников «Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода» (М., 1972. Вып. 2) и «Проблемы металингвистики» (Л., 1973).

¹ Luhn H. P. A statistical approach to mechanized encoding and searching of literature abstracts // IBM journal of research and development. 1957. Vol. I, № 4.

² Статистико-комбинаторное моделирование языков: сб. М.; Л., 1965.

Важным с точки зрения собственно информационного подхода к анализу структуры языка является постулируемое С. К. Шаумяном понятие универсального отношения аппликации. Аппликативная порождающая модель С. К. Шаумяна — это теория грамматики языка, т. е. некоторый оптимальный способ объяснения языковой системы. АПМ строится в виде оптимального кода, при этом выполняется требование самозарождения системы языка, как самоорганизующейся системы (ср. требование порождения в ПГ Н. Хомского).

В раннем варианте АПМ¹ (кибернетически) содержится гипотеза «первично» моделируемой языком структуры: схема со спаренными генераторами (мы, разумеется, отвлекаемся от реляторной интерпретации, а берём самое — схему); АПМ-структуру можно интерпретировать как пару сопоставленных взаимодействующих ядерных фразовых цепочек — последовательностей функционально значимых позиций. В статье 1971 года² рассматривается семантико-морфонемная репрезентация «спаренных четвёрок», представляющая фактически такую интерпретацию. Пример естественного кода, принадлежащего к тому же семейству, что и АПМ, — генетический код в молекулярной биологии. Кроме того, в АПМ задан механизм разворачивания смысловой информации (теория семантики).

¹ Шаумян С. К., Соболева П. А. Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке // Доклады Советской делегации на V Международном съезде славистов (София, сентябрь 1963), М., 1963.

² Мелкумян М. Р. Первичные речевые структуры — генетический код языка // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М., 1971.

Предложенное понимание аппликативного порождения (как «самозарождения») не является обычным, во всяком случае, оно как будто не согласуется с принятой в настоящее время эмпирической интерпретацией АПМ. Попытаемся в этом разобраться. С. К. Шаумян вводит следующие интерпретирующие сущности: α — именная фраза — эписемион (существительное в именительном падеже — семион), β — предложение — эписемион (простое предложение — семион), $\alpha\beta$ — глагольная фраза как абстрактный объект (глагол в личной форме)¹. Соответственно обозначаются генератор слов и генератор фраз (или генератор классов символов и генератор комплексов символов). Дается определение фразы: «Фразой я называю любую комбинацию слов. Фразы — это абстрактные аналоги словосочетаний, причём допускается, что фраза может состоять из одного элемента, и в этом случае будет соответствовать просто слову»². И наконец: «Предложение это фраза, имеющая в своем составе две подфразы: подфразу, репрезентирующую эписемион α , и подфразу, репрезентирующую эписемион $\alpha\beta$. Первую подфразу будем называть именной подфразой, а вторую — предикативной подфразой»³. Две сущности при такой интерпретации не играют конструктивной роли. Их задание обусловлено необходимостью иного рода, интерпретирующейся как принцип двойственной природы лингвистических объектов, причём осознание существа дела требует уточнения: в соответствии с приведёнными определениями правильно говорить о генерации фраз

¹ См.: Шаумян С. К. Структурная лингвистика. М., 1965.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 226.

и генерации предложений. Невыявленность краеугольного принципа двойственности отрицательно сказалась на развитии концепции, поскольку уточнение могло быть получено на разных путях. В «Философских вопросах теоретической лингвистики» (М., 1971) Шаумяна, где уже имеется чёткое различие фраз (слов) и предложений, от первоначальной АПМ-концепции остаётся одна терминология. Исходным моментом эмпирической интерпретации здесь называется существование двух фундаментальных универсалий: α — существительного и β — предложения. Вводится представление о преобразовании существительного в предложение, причём преобразователем $\Delta \alpha \beta$ объявляется одноместный предикат. Таким образом, если в «Структурной лингвистике» имеется смешение, некоторое неразличение словообразовательного и синтаксического аспектов АПМ, то в «Философских вопросах...» происходит обычное переименование, подмена: словообразование попросту выдаётся за синтаксис. Действительный смысл $\Delta \alpha \beta$ — не в преобразовании существительного в предложение, (что не соответствует лингвистической реальности, ибо механизм образования предложений иной, но об этом ниже), а в преобразовании существительного в глагол. И там, где говорится о предложениях, восходящих к α , следует видеть восходящие к α одноместные предикаты. Заметим тут же, что лингвистически реальна другая важная операция — операция номинализации предложения (образование фраз, в частности, слов) — $\Delta \beta \alpha$.

Разъясним наши утверждения на примере анализа категории глагола. Вслед за Г. Б. Джаукяном¹ согласимся

¹ Джаукян Г. Б. Развитие и структура армянского языка (краткий очерк). Ереван, 1969. (На арм. яз.)

определять два уровня анализа глагольного слова: знаковый и предикативный, что обусловлено природой глагола, обозначающего не только действие, но и ситуацию. Для построения удовлетворительной теории глагола двух уровней анализа оказывается недостаточно. Вряд ли можно разобрать строение глагольного слова, не выходя за его границы (назовём хотя бы проблему разрешения нейтрализации залоговых противопоставлений: на морфологическом уровне нейтрализация разрешается произвольно). Необходимо установить ещё третий уровень анализа — конфигурационный, или уровень неделимых глагольных словосочетаний (ядро-актанты). Глагольная конфигурация представляет собой непредикативную единицу строя предложения (ср. у Г. Б. Джаукяна об отношении к языку, а не к речи схемы синтагмы). Конфигурация не строится, а задаётся; строится предложение: оно складывается из атрибутивной синтагмы (содержащей имя деятеля) и глагольной конфигурации (глагольно-обстоятельственной синтагмы). Сложение сопровождается преобразованием глагольной конфигурации, в результате чего и порождается предикативная фраза. Г. Б. Джаукян пишет о минимальных элементах синтагматики и парадигматики: первый — трёхчленный (члены синтагмы и отношение), а второй — двучленный (член парадигмы и признак). На конфигурационном уровне наблюдается синтагматический двучлен: член синтагмы как неразложимого целого и, значит, принадлежность к синтагме — признак. Если на знаковом уровне содержательный диапазон категории определён вдоль парадигматической оси, то на конфигурационном уровне он задан в двух измерениях, так что и полную картину плана содержания можно получить в результате изучения парадигматики глагольных конфигураций.

Уточним теперь состав аппликативного порождения:
а) *генератор фраз*, или слов (преобразование предложений во фразы — строевые единицы предложения; при лексической репрезентации — номинализация, а при морфоносемической — номинация); б) *генератор предложений*, в сфере действия которого протекают словообразовательные процессы. Заданной считается АПМ-структура, или исходная фразовая структура, о чём говорилось выше (пара соотнесённых *фраз*, «спаренные четверки»).

Чтобы понять механику порождения предложений, соотнесём исходную фразовую структуру со схемой предложения. В таком соотнесении фразовая структура представляет собой как бы расслоение предложения, его логическую, идеализированную конструкцию. Акт предикции состоит в переходе (скачке) от первой «четвёрки» ко второй: от старого к новому, от темы к реме, от группы подлежащего к группе сказуемого. В исходной структуре фактически вскрывается подводная, интериоризованная часть конструкции предложения, причём с исходной фразовой структурой связана и семантическая актуализация предложения. В таком образом интерпретированной АПМ эксплицируется понятие «язык-система». Предложение порождается путём своеобразной склейки фразового комплекса: род синтаксической агглютинации.

Изучение структуры слова в разных языках обнаруживает всеобщую агглютинативную базу морфологического строения, агглютинативная схема как базовая является наиболее удобной для целей морфологического описания («грамматика порядков», «двухэтажная» морфология в МП-разработках; ср. у Г. Б. Джаукяна). В таком смысле можно говорить об изоморфизме на синтаксическом и морфологическом уровнях: строение предложения

изоморфно строению слова. Вообще же лингвистическое понятие агглютинации адекватно интерпретирует операцию аппликации. Это утверждение можно проиллюстрировать и приведённым выше определением предложения в «Структурной лингвистике» Шаумяна. Необходимо, однако, подчеркнуть внешний характер этой иллюстрации, ибо помимо эмпирической интерпретации существует ещё и логическая интерпретация модели, на которой, собственно, эмпирическая интерпретация и зиждется¹. В отличие от Шаумяна, мы понимаем α и $\alpha\beta$ в определении предложения, как обозначения частично пересекающихся, «тавтологических» словосочетаний; в реальном тексте этой «тавтологии» нет. При синтаксическом же анализе предложения говорят о «месте» S (субъекта) в глагольной конфигурации, или об абстрактном выражении в ней S .

Перейдём к рассмотрению фундаментального принципа двухступенчатости аппликативного порождения. В соответствии с предлагаемым пониманием информационной природы АПМ, ступени генотипа и фенотипа выступают не как ступени абстракции, но как ступени проникновения в языковую материю, вскрывающие разные конститутивные уровни организации языкового материала (сравни молекулярный и нейронный уровни в строении биологического организма — не простая аналогия, а указание на изоморфизм.) *Генотипическая ступень:*

¹ В качестве логической интерпретации АПМ укажем на концепцию логики теории познания, разработанную В. Н. Морозом. Построенная В. Д. Писцовым система алгебры логики В. Н. Мороза является по сути дела независимым вариантом «аппликативной» алгебры.

порождение предложений путём «склейки» фразового комплекса, аппликация; *фенотипическая ступень*: в том же процессе порождения — преобразование фраз, трансформации (грамматика НС, трансформационная грамматика, словообразование). На фенотипической ступени имеем не склейку, а синтез.

Для объяснения внутриязыковых процессов (происхождение речевого мышления, эволюция языка), помимо признания принципа двухступенчатости, важен учёт первичной взаимообусловленности, нерасчленимости планов выражения и содержания: специфику языковой материальной формы составляет её содержательность.

Теперь, опираясь на принцип двухступенчатости, дадим предварительное, рабочее определение смысла. *Смысл* есть эффект соотнесения генотипической и фенотипической структур, проекция со ступени фенотипа на ступень генотипа.

Например: словообразовательные процессы на фенотипической ступени приводят к возникновению глагола. Само образование глагольного слова не есть предикация, но проекция глагольного слова на генотипический уровень покрывает а) морфонему, выражающую первичное статичное предложное отношение, б) элемент, обозначающий один из членов этого отношения, и в) морфонему, выражающую первичную местоименную функцию, охватывая тем самым межфразовую границу в исходном фразовом комплексе. Таким образом, в глагольном слове осмысливается идея скачка, перехода от «старого» к «новому», что в синтетическом морфонемном комплексе даёт смысл действия, движения, процесса — категорию глагола на фенотипической ступени. Новый смысл образуется

в результате переструктуризации, переразложения генотипических элементов на ступени фенотипа.

Обратно. При анализе предложения нельзя получить исходную фразовую структуру простым разбиением. Предложение сначала следует перевести на ступень генотипа, где и «расклеить» глагол (на ступени фенотипа глагол разбивается не на имя и связку, а всего лишь на две морфемы; связка — это уже понятие генотипической ступени, обозначающее стык между двумя фразами исходной фразовой структуры). Становится понятно, что именно «одноступенчатая» идеология, а вовсе не пренебрежение планом содержания, составила причину кризиса дескриптивной лингвистики. Дело в том, что хотя предложения и складываются из слов и морфем (и молекулярная биология, и нейрофизиология объясняют целостный организм), тем не менее лексикон — это не собрание строительных деталей, а некоторый аспект языка, то есть тоже структурное целое: всякий словарь как лингвистический объект есть род тезауруса (словарные категории и есть функциональные классы, переводящие из лексики в синтаксис).

Обратим внимание на изоморфизм аппликативного порождения на ступенях генотипа и фенотипа: трансформациям на фенотипической ступени соответствуют тождественные преобразования склеиваемых фраз (поляризации) на генотипической ступени. Точно в том же смысле можно говорить о тождественных преобразованиях, соответствующих трансформациям, сопровождающим номинализацию. В данном случае мы приближаемся к пониманию двух ступеней АПМ как ступеней абстракции. Существенно то, что на обеих ступенях имеем

материальные структуры и материальные процессы. Таковы выводы, следующие из уточнённой интерпретации фундаментального принципа двухступенчатости. Неучёт принципа двухступенчатости (например, в разработках Н. Хомского¹) изобличает переводческий подход: перевод с изучаемого языка («поверхностная структура») на универсальный язык («глубинная структура»). Поверхностная и глубинная структуры взаимообусловлены, но глубинная структура трактуется произвольно — слишком «поверхностно» (объявляется расслоение планов содержания и выражения, но как уже говорилось, в лингвистической реальности за этим ничего не может стоять).

В связи с оценкой АПМ интересно указать на систему лексико-синтаксических параметров, приведённую в книге Жолковского и Мельчука². В ней развивается концепция «дескрипторного синтаксиса». Компоновка лексико-синтаксических параметров даёт систему залоговых отношений, резюмирующую теорию описательного синтаксиса (залоговые метаструктуры). С другой стороны, можно показать, что залоговые метаструктуры принадлежат к семейству АПМ-интерпретаций. В частности, результат Жолковского и Мельчука идентичен результату Мелкумяна³. Этот обобщённый опыт можно описать с помощью структуры «спаренных четвёрок».

¹ Chomsky N. Language and Mind. New York, 1968.

² Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. М., 1967.

³ Мелкумян М. Р. Армянский глагол: каузативный залог и схема глаголообразования // Проблемы моделирования языка (3.2). Тарту, 1969.

Морфоносемическая структура «Спаренные четвёрки»

$$(I) [(R_1-s-k-R_2) \leftrightarrow (R_3-m-w-R_4)] (II)$$

Структура описывает две противопоставленные группы сообщений (фраз). Содержание сообщений:

(I) локативное: R_2 относительно R_1 , ориентация;

(II) кваликативное: отнесение R_4 к разряду R_3 , адресация.

В группе I варьируется местоименный элемент — морфонема s : $s \{s, j, r, l, \check{y}, \text{ь}, \dots\}$.

В группе II варьируется предложный элемент — морфонема w : $w \{w, n, p, b, \check{d}, t, u, \text{ь}, \text{о}, \dots\}$.

R_1 — знак корня; морфонема k , w — знаки отношений (статичное отношение: «положение в пространстве»), морфонема s , m — знаки «точки отсчёта» (m — «сам-ориентир»).

Система речи складывается по мере того как в процессе многократного воспроизводства (сопровождаемого закономерным перераспределением — «нанизыванием» элементов s , k , m , w) синтагматика исходной фразовой структуры перерабатывается в парадигматику категориальных форм («речь»). Для получения последовательности воспроизводств, приводящей к «поверхностному» синтактико-морфонологическому каркасу предложений, необходимо постулировать следующие классы референтов: R_1 — предметы, обозначаемые нынешними адъективными корнями, R_2 — предметы, бытующие самостоятельно, независимо — активно, R_3 — «орудия», R_4 — объекты орудийного труда. Тогда

1) в структуре I складывается иерархия R_1-R_2 ; репродуцируется, например, цепочка $[(R_1-sk) (R_2)]$;

2) иерархический принцип распространяется на структуру II: $[(R_3-mw) (R_4)]$.

В иерархии (переструктуризация) «точка отсчёта» осознаётся как знак говорящего: $[(m)(R_3-w) (R_4)]$ или $[(m) (R_3) (R_4-w)]$.

3) осмысливается «знак говорящего» в I — подготовлено переосмысление 4;

4) на основе понятия «орудие» возникает понятие «деятель» в II;

5) «деятель» в I: $[(s) (R_1-sk-w) (R_2)]$; развитие 1–5 соответствует переходу от локативной/квалификативной конструкции к посессивной и, наконец, к элативу;

6) в II репродуцируются цепочки, соответствующие конструкциям эргативного строя: $[(m) (R_3-wm) (R_4-w)]$, $[(m) (R_3-mw) (R_4)]$ — образуются устойчивые местоименные структуры, формирующие в своём составе морфологические слова;

7) репродуцируются: $[(s) (R_1-skn-m) (R_2)]$ или $[(s) (R_1-skn-m) (R_2-w/n)]$ — субъектно-объектные конструкции (номинативный строй); налицо местоимение, суффикс и личное окончание глагола, артикль.

К ОБОСНОВАНИЮ МОРФОНОСЕМИКИ

Аспекты языка-речи

Традиция выявления аспектов бытования естественного языка восходит к Вильгельму Гумбольдту. Ф. де Соссюр выделяет из сферы языка систему языка, противопоставленную речевому (языковому) материалу. Система языка есть часть речевой деятельности вообще (очевидно, сферы языка, языка в целом), её социальный элемент, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять. Индивидуальной стороной языка, по Соссюру, является речь, процессы говорения/понимания. Л. В. Щерба обозначает троякий аспект языковых явлений: речевая деятельность (речь по Соссюру), языковые системы (словари и грамматики), языковой материал (тексты, совокупность говоримого и понимаемого с учётом условий места и времени; тексты — результат речевой деятельности, и именно из текстов получают все языковые величины, сведения о языковых системах).

Н. Д. Андреев и Л. Р. Зиндер различают речевой акт, речь, речевую вероятность, язык (речевая вероятность определяет статистическую структуру текстов, тогда как язык характеризуется их теоретико-множественной

структурой и алгоритмами их порождения и распознавания). Л. Н. Засорина расчленение языковых процессов и явлений изображает схематически в виде четырёхугольной пирамиды с вершиной С — система языка, основанием А — внеязыковая действительность, В — речевой материал, Д — речевая (речемыслительная) деятельность, Е — языкотворческая деятельность¹.

Рассмотрим схематическое представление иного рода.

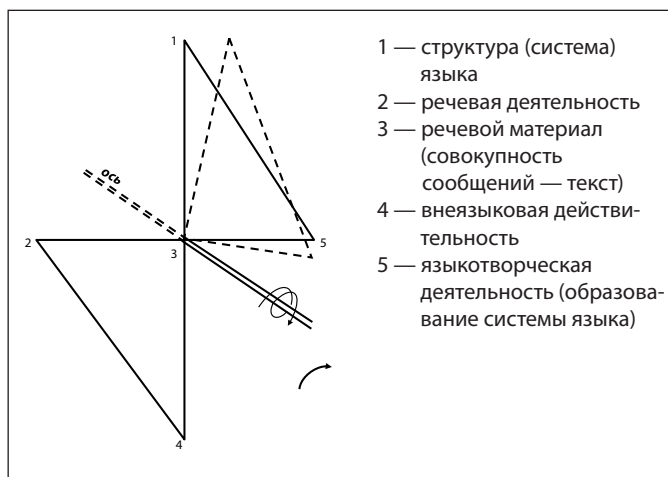

Рис. 1

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933; Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. 1931; Андреев Н. А., Зиндер Л. Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка // Вопросы языкознания. 1966. № 3; Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. Л., 1973. С. 9.

Треугольник 234 отслаивается от треугольника 135 и поворачивается по часовой стрелке вокруг оси с винтовой нарезкой; ось вращения перпендикулярна плоскости рисунка.

В исходном положении, когда треугольники совмещены, в 2/5 языкотворческая деятельность совпадает с речевой, а в 1/4 внеязыковая действительность отвечает структуре языка (последняя есть тоже внеязыковая действительность). Это естественно при условии понимания речевой деятельности как коммуникации, которая поставлена в соответствие схеме коммуникации, а внеязыковой действительности — как содержания коммуникации, которому ставится в соответствие структура сообщений (их содержание).

В исходном положении внеязыковая действительность ограничена рамками коммуникации, сводится к коммуникации; однако, внеязыковая действительность определяется также расширяющимся языковым опытом, и исходный треугольник на схеме неизбежно расслаивается: речевая деятельность оказывается волевым актом применения 3 к 4, языковая же продукция (образующаяся система языка) производится объективным (не контролируемым говорящими), механизмом переструктуризации, т. е. применения речевого материала к 1.

Языковая единица оказывается представленной на двух автономных уровнях: лексико-синтаксическом (234) и морфоносемическом (135). Морфонема, в отличие от морфемы, связана не со словом, а со структурой морфоносемического уровня; на лексико-синтаксическом уровне морфонема мобильна, одинаковые морфемы встречаются в разных позициях, в различных разрядах слов и в разных словоформах; морфема,

неразложимая на лексико-синтаксическом уровне, как правило, распадается на морфемы, сочетанием которых должна объясняться её лексико-синтаксическая и семантическая потенция. Морфоносемический анализ приводит не к отдельному элементу, а к структуре или к системе. Синтез, сопологаемый с морфоносемическим анализом, сводится не к порождению множества предложений, а к самозарождению системы языка.

В информатике имеем мы опытное поле для лексико-синтаксических учений. Конструирование информационных языков (т. е. искусственных языков, для которых ориентирующая функция языка осуществлена как ориентирование в тексте) обеспечивается традиционной грамматикой. В самом деле, лежащая в основе грамматики логическая концепция сводит познание к классификационным процедурам (такова сущность Аристотелевой силлогистики), а литературный национальный язык в рамках грамматики — фактически тот же искусственный, род эсперанто. Между тем, грамматике никогда не предназначалось быть теорией языка — она полагалась описательной дисциплиной учебного цикла. Правоммерно обращение к традиции и в случае порождающей грамматики; уже было замечено, что генеративная теория есть теория не языка, а теория предложения¹.

Структурная единица морфоносемического уровня

В модели порождения глагольных конфигураций является ядерная конфигурация лексико-синтаксического

¹ Звезинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973. С. 50.

уровня. С учётом принципа соответствия, формулируемого в терминах межуровневых корреляций, постулируется глобальная языковая единица — автономная структура морфоносемического уровня¹. Специфика подхода состоит в учёте факта наблюдения и в выявлении «места наблюдателя» (говорящего) в морфоносемической структуре сообщения². Таким образом реконструируется первичный высказывательный комплекс (ПВК) —

$$[(R_1 - f_{\{s\}} - f_k - R_2) \leftrightarrow (R_3 - f_m - f_{\{w\}} - R_4)].$$

ПВК — это морфоносемическая структура, лежащая в основе грамматического предложения и определяющая иерархическую организацию грамматических категориальных форм языка. Её составляют назывные (т. е. описывающие статичные отношения) фразы двух видов:

¹ Мелкумян М. Р. (1) Армянский глагол: каузативный залог и схема глаголообразования // Проблемы моделирования языка. Вып. 3.2. Тарту, 1969; (2) Армянский глагол: система глагольных конфигураций // Вопросы металингвистики. Л., 1973; (3) Формирование армянского глагола (семиотическая реконструкция) // Вестник общественных наук. АН Арм. ССР. 1972. № 8.

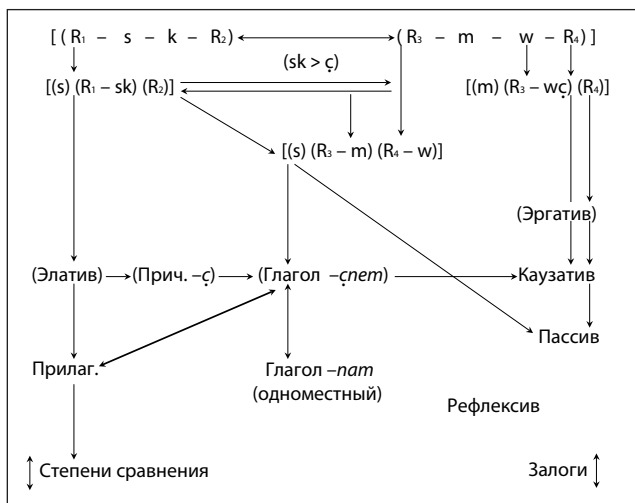
² Ср.: Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6; Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике // Вопросы философии. 1972. № 11; Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Вып. 4. 1973; Гарибян А. С. О морфологии глагола армянских диалектов // Проблемы сравнительной филологии. М., 1964. — Его концепция иного рода — антропологическая — учитывает факт осознания и осмысления языка его носителями. См. также: Гарибян А. С. Система склонения имён древнеармянского языка // Вопросы языкознания. 1972. № 6; Мельников Г. П. Детерминантная классификация языков и языки банту // Африканский этнографический сборник. Т. XI. Л., 1972.

локативная (R_2 по ведомству R_1 , соотнесённость) и квалификативная (R_4 по ведомству R_3 , отнесённость). R_i — знак радикала: виды имён; $\{s\}$, m — местоименные элементы, первичные местоимения; $\{w\}$, k — предложные элементы, первичные предлоги; фигурные скобки означают набор вариантов. Знак межфразовой оппозиции (стрелка), или цезуры — конструктивный компонент структурной формулы ПВК. Формула изображает сообщение, задающее пространственную ориентацию друг относительно друга и относительно наблюдателя некоторых объектов¹. С другой стороны, ПВК — текст, являющийся продуктом диалога: формула содержит реплику и отклик, подтверждение. (В социальный механизм понимания, без которого говорение ещё не есть речь, должны входить интериоризованный повтор и внутреннее разворачивание сообщения). Образование текста обусловлено постоянным нарушением тождественности отклика реплике, случай же их принципиальной идентичности соответствует способам зоокоммуникации. Вообще говоря, не существует возможности интерпретировать формулу ПВК, при сохранении его статуса, иначе как посредством подстановки на место f членораздельных звуков, наличие каковых явилось в действительности уникальной предпосылкой развития человеческой речи. Радикалы в формуле ПВК требуются как первоначально диффузные слова. Употребляясь в составе звуковых матриц в членораздельно

¹ Мелкумян М. Р. (1) Образование системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1972: сб. М., 1973; (2) Естественный язык в пространственно-временном представлении // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. 2. М., 1973.

означенной синтаксической рамке, радикалы подвергаются уподобляющему звуковому анализу, унифицируются. В структуре ПВК, становящейся из гетерогенной гомогенной, радикалам более не присуща делимитативная функция. Структура растворяется в однородном потоке членораздельной речи, оптимально размечаемой с помощью алфавита из трёх, примерно, десятков фонем.

В конечном счёте, к структурной формуле ПВК — двуплановому (неразложимому) лингвистическому конструкту — восходит категориальное богатство языка. К однократным процессам восходят и языковые навыки, т. е. схема возникновения, преобразования языковых структур в генезисе становится в речи механическим навыком синхронических трансформаций. Покажем, как из формулы ПВК выводится развитие категориальных форм армянского глагола-прилагательного:

Функционирование данной схемы есть регулярное воспроизводство морфоносемической структуры: репликация и переструктуризация. План развития задан не извне, не символами метаязыка записан, а заложен в саму звуковую структуру, осуществляющую стремление к динамическому равновесию. Исходная структура — одновременно и план построения, развития, и план строения, организации, она же и строительный материал. По существу, это — звуковая матрица, на базе которой должно было происходить отчуждение обеспечивающих биосоциальную ориентировку коллектива стереотипных сообщений, формирование отчуждаемой сферы мышления — прафеномена человеческой культуры. Звуковая матрица ПВК — предпосылка языковой эволюции, складывания языка на лексико-синтаксическом уровне.

Вновь обращаясь к схематическому представлению начального раздела, можем сказать, что на рис. 1 — модель физического мира — порождение, но не отражение. По отношению к исходной морфоносемической структуре речь как система самоорганизующаяся оказывается вторичной знаковой моделирующей системой. В речи соплагаются морфоносемический уровень кода и лексико-синтаксический уровень сообщения.

Значение, которое имеют для формирования человеческой речи (языка членораздельных звуков) первичные предложные и местоименные звуковые составляющие ПВК, отводилось в концепции «четырёх элементов» Н. Я. Марра так называемой кинетической речи. Согласно представлению о ПВК, членораздельная речь имеет автономное происхождение. На место кинетической речи выдвигается звуковая структура — рамка, внутри которой развивается членораздельный анализ

первоначально диффузных корневых элементов. Связь посредством матриц ПВК могла быть дополнительным периферийным средством приспособления в человеческом сообществе, воспроизводство же звуковой структуры — врождённой, природной способностью предка человека; ступень звукового кода составила качественный скачок в сфере семиозиса. Кинетическая речь как один из аспектов поведенческой пластики обнаруживается у истоков не языка (хотя отмечается сходство с жестом универсальных языковых характеристик, например, интонации¹), а словесности, где она (кинетическая речь) была пластическим отражением, «передразниванием» бытия, перерастая в мировоззрение, идеологию, формируя образный, терминологический строй речи; в данной своей ипостаси наша речь антропоморфична и восходит, более чем к ПВК, к структурам символическим.

Развивая схематическое представление аспектов языка-речи, переходя на схеме от идеи однократного поворота к картине вращения на винтовой оси, замечаем, что парой 135 и 234 принципиально задана система аналогичных треугольников. Совмещение с отстоянием на шаг винта возникает на нашей картине периодически, и каждый раз оно сопровождается новым расслоением; вновь отслоенный треугольник $2_1 34_1$ продолжает винтовое вращение относительно двуслойного 234/135 и т. д. И исходное положение, в котором 135 и 234 совмещены, следует трактовать как принципиально неоднослойное; таким образом, речь человека в обосновываемом представлении — это искусственный информационный язык

¹ Болинджер Д. Интонация как универсалия // Принципы типологического анализа языков разного строя: сб. М., 1972.

с естественно-языковым субстратом на всём протяжении своей эволюции. Известный пример языкового состояния: литературный язык в отличие от языка литературы. В качестве «естественно-языкового» субстрата выдвинут ближайший нижележащий, в терминах заданной схемы, слой, так что изучаются в данной связи по крайней мере три речевых слоя. Исследование символической деятельности первобытного человека помогает судить о раннем состоянии языка: «Как показал лингвистический анализ, корни многих позднейших выделившихся понятий уходят в первобытный изобразительный синкретизм... Исходный пункт семантических рядов — *рука*, яснее всего может быть объяснён как пережиток того времени, „когда сама рука служила орудием выражения человеческой мысли“» (И. И. Мещанинов)... Звуковая речь, на начальной ступени её развития, обнаруживает стремление к образному описанию предметов в наглядно воспринимаемой форме, что, несомненно, является порождением предшествующих форм мышления с иными, отличными от языкового строя средствами коммуникации»¹. В качестве одного из языковых слоёв выступает изобразительная деятельность (во все не кинетическая речь; если же и кинетическая речь, то как вид изобразительной деятельности), наслаивающаяся на естественно-языковую подоснову. Она вбирается становящимся языком, который, поэтому, всегда есть язык культурный (в частном случае — литературный). Сфера становления языка человека — идеологическая сфера, сфера искусства, сфера средств массовой информации.

¹ *Изотов М. К.* Возникновение и начальная эволюция семиотической системы символической классификации как модели мира первобытного человека. (Рукопись)

Динамика глаголообразования

Членораздельность — инобытие «кинетической речи», её своеобразная метаморфоза; «кинетическая речь», интериоризуясь, обеспечивает таким образом членораздельную унификацию речевой последовательности высказываний ПВК. Первичные образцы фонемной унификации — местоименные компоненты *s/m*. Их природа изначально двойственная, переходная. Это и фонемы, к которым эволюционно восходят составляющие глагольных суффиксов, это и диффузные слова, из которых впоследствии развиваются местоимения¹. Предложные компоненты *k/w* — изначальные морфемы; произносительно — смычки гортанная и губная — они представляют собой звуковой жест, символический дефис², соотносящий радикалы простым их объединением. Функционально предложные компоненты предвосхищают в структурной цепочке ПВК её центральную, межфразовую оппозицию. В динамике глаголообразования (становления грамматической системы) в тесной связи с ними, в ряду предикатных слов, образуется сочинительный союз.

Взглянем на союзы с точки зрения морфоносемики — корреляционного, межуровневого изучения языкового материала. Первоначально условия для возникновения сочинительного союза осуществлены в «кваликативной фразе» (справа от цезуры в структурной формуле ПВК). Здесь на основе понятийного отношения $R_3 — R_4$ («орудие-объект орудийного воздействия») и значения

¹ Эти {*s*} — очевидно, тотем рода. Родовой принцип {*s*} сменяется принципом личным — *m*.

² Прогноз заикания.

«знак говорящего» морфонемы *m* (восходящего к значению *s*) формируются понятия деятеля/деятельности (действия). Союз возникает как общий множитель в разнообразии оттенков значения множества предложных морфонем {*w*}. Следы как раз такого происхождения отражены довольно-таки наглядно в немецком *und* (-nd < и.-е.*nt) Так же трактуются, скажем, французский *et* или и.-е. **kwe* (поскольку значение указания и значение «как», посредством которых они объясняются, — то же обобщение предложных значений; но-стратическая реконструкция из «Сравнительного словаря» В. М. Иллича-Свитыча *kʷol* «постпозитивная усилительная и соединительная частица» возведена *sub specie morphonosemica* на контаминации морфонемных значений *k* и *w*).

Последующее продвижение сочинительного союза нельзя проследить без обращения к артикуляционной проблематике ПВК. И сразу обращает на себя внимание переходное качество звучания *w* (полугласный звук). Произносительная база структурной цепочки ПВК — моновокалическая, устойчивость — интонационная. Значение голоса в произношении гласных свидетельствует о их происхождении (различное качество огласовки в образующихся, при переходе к новой, лексико-синтаксической, устойчивости внеинтонационных позиций), однако, голос имеет самостоятельное и независимое фонологическое значение в языке. Голосовая составляющая определяет первичную, речевую парадигматику в языке; в структурной формуле ПВК голосовой составляющей соответствует опять цезура «↔» (тракуемая в качестве просодического элемента, так сказать, вертикально).

Значения, разработанные в первичной парадигматике, — степенные, количественные, видовые¹. Исходную голосовую парадигматическую оппозицию в ПВК будем толковать как э/а, т. е. противопоставление по подъёму, что на следующем шаге даёт ряды закрытых/открытых гласных. Вообще говоря, «огласовка» структурной формулы, или экспликация в ней позиционных гласных — это попросту более точное, нежели в обозначении, установление фонетического облика морфонема (фонетических условий их произношения), но, в то же время, и установление наиболее общих принципов динамики звукового развития. «Двойная» природа гласных (просодическая и оральная, — откуда акустический и артикуляционный аспекты изучения звуков речи) заставляет допустить для них два способа бытования на уровне ПВК: фонетический (дополнительные артикуляции) и речевой². Получается, наконец, следующая картина первоначального вокализма ПВК: $[[i:] (>y)/\text{э/ъ}; a] \leftarrow a/\text{э} \rightarrow (o; y; [i]/\text{э/ъ})$. Для объяснения (порождения) очередного, принципиально важного

¹ Рефлексом первичной парадигматической оппозиции можно считать индоевропейский аблаут. — Числовая парадигма русского имени ы/ъ. — Семантический фактор е-и-а (составляющие глагольных суффиксов) в порядке возрастания количественного, степенного, временного значения, выявленный при исследовании группы русских глаголов (*Шишкина Л. С.* Вид и способы непереходных глаголов движения в современном русском языке: дисс. ... канд. наук. Л., 1980. Гл. II, разд. 1).

² Так же должна трактоваться в ПВК фонетика, соответствующая обозначению морфонема, почему, например, $k[h]$ и $ko[h]$ — веллярный и лабиовеллярный; противостояние k — w , как и s — w , характерно для рассматриваемой структуры, оно же характеризует её «по вертикали».

ряда речевых звуков необходимо ввести ещё один сонантический коэффициент¹ (другим таковым фактически является постулированный собственно голосовой, на вертикали а/э), ответственный за палатализацию и «горизонтально», орально воплощаемый палатальным согласным j (русский 'й'; симметрично, «горизонтальное» воплощение собственно голосового коэффициента -h). Такова общая фонетическая характеристика структуры ПВК.

А теперь вновь обратимся к сочинительному союзу, к динамике его формирования. Последующее развитие идея союза претерпевает на материале «локативной» фразы структурной формулы ПВК. Если первый этап этого развития (в вокальном окружении и) был по сути своей «предложным», то второй — это местоименный этап развития союза. Идея сочинения, разработанная первоначально в «правой» структурной фразе, в «левой» — приводит к появлению, наряду с новым союзом, личного местоимения (и впервые — идеи личного местоимения). Можно сказать, что если формирование союза тяготело к предложному центру «эллипса» правой фразы, то в «эллипсе» левой оно уже тяготеет к местоименному центру. Союз в левой фразе формируется на основе палатальной морфемы (теперь — морфемы). Заново оформляется предикация. Союз, становящийся вместе с новым глаголом, основанном на идее личного местоимения (тогда как первый глагол, «правый», развит из идеи притяжательности; сама идея притяжательности происходит тем не менее из левой фразы структурной формулы ПВК), усваивает значение «связки» (↔). Укажем,

¹ Сонантические коэффициенты у нас — неявные гипотезы о расчленённом составе совокупного звучания диффузных слов.

в качестве иллюстрации, на «й» в русском союзе «и», русском глаголе, в окончании русского прилагательного, но тут же формативы -н-, -м-, -в-; в составе связки «есть» (армянский «ē», английский «is», связанный по происхождению с анафорическим местоимением, ср. латинский «is»; восходит к правому [i]; и.-е.*esti; ср., в то же время, русское «суть», восходящее к типу прил./прич. на -nt).

Резюмируем. Глаголообразование в языке протекает на фоне становящегося местоимения, оформления идеи местоимения личного. Последнее обстоятельство определяет строй языка. Хотя аффиксация формирующегося глагола основывается не на одной, а на двух морфонемах — и предложной, и местоименной — определяющей становится одна из них: либо первая — посессивное, по внутренней форме, построение в локативной фразе; либо вторая — номинативное построение в квалификативной фразе. Индикатором изменений в языковом строе может служить сочинительный союз. Напрашивается ещё одна интерпретация формулы ПВК как структурной единицы языка. Типологически в ходе первоначальных морфоносемических переструктураций в правой, квалификативной фразе структурной цепочки ПВК, разрабатывается система морфоносемики кентумных языков. Палатализация не распространяется на кентумные языки, ибо застаёт их перестроившимися, сменившими уровневые установки. Морфоносемический уровень более не актуален для кентумной речи. Но зато доформировывается система сатэмной предикации; в сатэмных языках, где она ещё в становлении, ей, таким образом, предстоит быть завершённой на совсем других началах — на ином звуковом материале и на другой понятийной ступени. Если кентумный предикат «предложный», то сатэмный —

собственно-местоименный. На смену конструкции пришло свободное построение. Освоение новой, местоименной идеи предикации происходит в кентумных языках на уже сложившемся языковом материале посредством его нового осмысления (вторичные явления — грамматический плеоназм¹). И поскольку строй кентумных языков, безусловно, номинативный, мы предпочли бы подчеркнуть у них его предложный (именной) характер, тогда как у сатэмных — местоименный (глагольный). Замечательно тем не менее, что, согласно формуле ПВК, постулатом для всякого языка является изначальная «смешанность», разрешаемая выяснением того, на каком из этапов морфонемных переструктураций подключалась к процессу глаголообразования левая, либо правая, фраза структуры ПВК — структурной единицы морфоносемического уровня языка.

Онтологический статус морфоносемики

Матрица ПВК локализована на нейрофизиологическом уровне², управление через мозг передаётся гортани.

¹ Тюркский аффиксальный плеоназм тоже отражает смену осмыслений местоименной идеи; внешняя причина может быть и несколько иной — ср. аналитизм арм. глагола *grum em* «пишу».

² «На уровне нервной деятельности, т. е. в процессах создания памяти и теории интеллекта, мы вновь стремимся отыскать более изящные кодовые структуры, позволяющие делать максимально надёжные предсказания в самом широком смысле с тем, однако, условием, чтобы эти структуры могли возникать из сравнительно кратких символических описаний. Вероятно, мы могли бы даже сказать, что характерным признаком биологической активности на всех уровнях служит наличие эффективных и надёжных

Роль гортани как синтезатора звука рассматривается в статье Жинкина и других¹. Вспомним также тезис Бодуэна, поддержанный Поливановым, об очеловечивании языка, состоящем в переходе фонации из гортани в полость рта². В свою очередь, алфавит фонем, не являясь однородным набором, как система, стратифицируется³.

По Иммануилу Канту, познание, или продуктивная способность воображения, основывается на схеме универсальной деятельности, имеющей пространственно-временную выраженность. Кант пишет: «Непосредственное эмпирическое понятие стоит всегда в связи только со схемой способности воображения, как с правилом определения нашего наглядного представления соотносительно известному общему понятию. Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений и чистой формы их есть

кодов» (*Патти Г.* Кодирование и надёжность в эволюции // На пути к теоретической биологии. 1. Прологомены. М., 1970. С. 89).

¹ *Жинкин Н. И., Соболев В. Н., Хренов Л. Н.* Работа гортани при произнесении интервокальных смычных глухих // Вопросы языкознания. 1973. № 1.

² Морфоносемическое ядро структуры ПВК — диахронический «канал» f_k в котором как бы предварены значения всех компонентов: $R_k R$ есть свёртка нашей формулы; формула с гипотетической подстановкой вариантов звучаний на месте радикалов, приводится к виду: $(\Pi) [(R/L/N-\{s\}-k-B/P/V) \rightleftharpoons (Y/K/Q-m-\{w\}-D/T/S^h)] (\Pi)$, где $\{s\}$ местоименные элементы $s, j, r, l, d, b \dots$; $\{w\}$ — предлож-ные элементы $w, n, p, b, d, t, n, u, \tau, y, \varepsilon$; (Π) — «левая фраза», (Π) — «правая фраза».

³ *Якобсон Р. О.* 1) Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Принципы топологического анализа языков разного строя. М., 1972; 2) В поисках сущности языка // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М., 1970. С. 9.

сокровенное в недрах человеческой души искусство, настоящие приёмы которого нам едва ли когда-либо удастся проследить и вывести наружу. Мы можем только сказать, что образ есть продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения, а схема чувственного понятия как фигуры в пространстве есть продукт и как бы номограмма чистой способности воображения *a priori*; благодаря схеме и сообразно ей впервые становятся возможными и сами образы, но сочетаться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем и сами по себе они не совпадают вполне с понятиями¹. М. Хайдеггер, анализируя понятие времени («Бытие и время»), показывает, что эта схема принадлежит бытию; согласно Хайдеггеру, предъявлена она в языке: «Язык — дом Бытия»².

Ранний человек (язык) регистрирует, упорядочивает, именует, а принцип классификации (набор категорий, классов, определяющийся природой социума) объективирует — персонифицирует имена объектами мира, используя окружающее пространство как инструмент, прибор. Фетишизация последнего знаменует собой возникновение мифа. Структура ПВК, таким образом, есть миф языка³; его предпосылка — в диктуемой целостностью

¹ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. 2-е изд. Пг., 1915. Раздел о способности суждения. Гл. О схематизме чистых понятий рассудка.

² Heidegger M. Platons Lehre von der wahrheit. Bern, 1954. S. 53.

³ Миф — в первоначальном своём выражении (ср.: «Словесные мифы — только одно из метафорических выражений мифа. Но миф охватывает и выражает собою всю без исключения жизнь первобытного человека. Он может поэтому быть и вещным и действенным» (Фрейндерберг О. М. Введение в теорию античного

культуры, единством мыслящего субъекта (лево-право-полушарного мозга) необходимости соотнесения двух картин, двух способов освоения мира — созерцательного (локативная фраза) и продуктивного (кваликативная фраза) — как дополнительных аспектов человеческого бытия. Эта совмещённость разных установок, систем отсчёта, в том или ином осмыслении — характернейшая особенность всякой мифологической системы¹: «Как ни слитно представление о едином тотеме, но в реальности всегда присутствуют две его стороны — сторона преисподней-смерти и неба-жизни. Один из тотемов всегда обращается к другому, к своему антиподу; реально это две группы людей или вожак со своим коллективом. Действенный поединок представляет собой агон этих

фольклора // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 86). В свете сказанного приобретают точную содержательность структуралистские максимы: «Бессознательное структурируется как язык» (Ж. Лакан). «Миф — это язык, но язык, который работает на очень высоком уровне, когда, если можно так выразиться, смысл отрывается от лингвистической основы, вокруг которой он начал создаваться» (*Леви-Стросс К.* Структура мифов. Ч. 1 // Вопросы философии. 1970. № 7).

¹ Близнечный миф, возникающий в земледельческий период: «Единый активно-пассивный образ тотема теперь имеет активный аспект в женском начале, пассивный — в мужском, хотя они ещё слиты... Образ двойника, возникший из двуединого пассивно-активного образа о тотеме-нетотеме, имел оформление не только в фигурах братьев и отцов» (*Фрейденберг О. М.* Введение в теорию античного фольклора). Упомянем в данной связи: «Разделение первобытного стада на две экзогамные половины составило крупнейший рубеж в первобытной истории, а возникшая при этом дуальная организация явилась древнейшей и всеобщей формой родового строя» (*Золотарёв А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964).

же двуединых носителей положительно-отрицательной стихии — воплощений в живом виде „да“, жизни, и „нет“, смерти» (О. М. Фрейндерберг).

Воплощением мифа (единственного мифа, мифа как такового) является и так называемая трёхчленная символика: «И вещь, как слово, покоится на ритме. Здесь это прямая и обратная симметрия, главным образом соответствие правого и левого в отношении к середине. Эта симметрия сказывается обычно в троичности построения вещи и осмысливается, подобно речевым и мусическим ритмам, как единство расчленённого тотема-нетотема в его цельности»¹. В соответствии с одним из описаний («Самобытные композиции куро-аракской культуры — промежуточный локальный этап развития трёхчленной символики, универсальная структура которой отражает, по-видимому, наиболее ранний общечеловеческий пласт идеологических представлений») — это «Трёхэлементная зеркально-симметричная структура, правые и левые звенья которой нередко образуют спирали и спиралевидные фигуры, а центр — или замкнутые фигуры (треугольники и ромбы), или же близкие к ним по форме открытые углы и „ломанные“»². Именно таким образом, в виде «двойной спирали» и интерпретируется структурная схема ПВК по концепции одномерного кристалла, спирали как упорядоченной прямой, Дж. Бернала³.

¹ Фрейндерберг О. М. Введение в теорию античного фольклора.

² Демирханян А. Символика трёхчастных композиций в идеологии древнего мира // Идеологические представления древнейших обществ. Тезисы докладов конференции. М., 1980.

³ Бернал Дж. Обобщённая кристаллография. Приложение 3 // Возникновение жизни. М., 1969. — Структура ДНК предстает здесь в качестве, так сказать, естественного «прамифа», «мифа живой материи».

Назовём, наконец, ряд новейших теоретических построений, подобных структурной схеме ПВК. И. П. Шмелёв развивает идею модулора Корбюзье («Корбюзье располагает основной квадрат в пределах двойного квадрата таким образом, чтобы взаимосвязь обоих подчинялась закономерности золотого сечения»), преобразуя плоскостное изображение модулора в полиструктурную топологическую модель, именуемую спиралоидная дуплекс-сфера (СДС — «мёбиус наиобщего вида»). «СДС оказалась ключом, позволившим раскрыть механизм гармонии ритмических взаимосвязей в пропорциях мужского и женского тела, их динамическую дополняемость по отношению друг к другу»¹. М. А. Марутаев разрабатывает концепцию структурированной октавы как модели порождения золоточленных отношений — вскрывается содержательность температуры: «Фундаментальность музыкального ряда, как выражающего закономерности нарушенной симметрии. Последняя оказалась присущей и пропорции золотого сечения»². Б. Ф. Поршневим предложен нейрофизиологический механизм возникновения речи: схема двух фокусов, двух одновременных доминант (два противоположных способа соединить все идущие в организм из внешней, как и из внутренней, среды сигналы). Принцип тормозной доминанты — принцип «бидоминантности» в работе нервных центров состоит в том, что «...всякому возбуждённому центру,

¹ Шмелёв И. П. (1) Дуплекс — модулор или система модульных квадратов — полный канон // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Вып. 4. Л., 1974; (2) Канон. Ритм, пропорция, гармония // Архитектура СССР. 1979. № 2.

² Марутаев М. О гармонии как закономерности // Принципы симметрии. Историко-методологические проблемы. М., 1978.

доминантному в данный момент в сфере возбуждения, сопряжённо соответствует какой-то другой, в этот же момент пребывающий в состоянии торможения. Иначе говоря, с осуществляющимся в данный момент поведенческим актом соотнесён другой определённый поведенческий акт, который преимущественно и заторможен. Эти два вида деятельности биологически отнюдь не сопричастны друг другу». Для объяснения феномена речи выдвинута гипотеза о физиологической природе неадекватных рефлексов (мире скрытых противовесов, или антагонистов всем формам биологической активности организма), «многообразных деятельностей, обычно заторможенных в роли тормозных доминант, но активизирующихся и выступающих в деятельной, видимой форме в условиях ультрапарадоксальной „перестановки знаков“, т. е. превращения возбуждения в торможение и обратно»¹.

Это перечисление ряда новейших теоретических построений, подобных структурной схеме ПВК, подытожим ссылкой на положение А. Ф. Лосева о единстве эстетических моделей как эстетических, единственности эстетической модели как эстетической: поскольку целостное представление явления (объекта) есть философская система: «Во многих философских системах их порождающая модель часто носит ярко выраженный эстетический характер» — «эстетика как завершающий момент онтологии»².

¹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.

² Лосев А. Ф. Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь. Вып. 6. М., 1979.

Традиция морфоносемического анализа: *a posse ad esse*

В лингвистике, с обнаружением автономного морфоносемического уровня актуализации языка, складывается познавательная ситуация, требующая осуществления взаимно-дополнительных исследовательских программ: синтетического подхода к изучению морфоносемического уровня, наряду с аналитическим, описательным (к изучению лексико-синтаксического), встаёт вопрос о межуровневых корреляциях (требование принципа соответствия). В лингвистику проникает естественно-научное мировоззрение. Синтетический подход, в свою очередь, основан на следовании принципу относительности: в морфоносемической схеме ПВК явно задана система отсчёта (место «наблюдателя» *s/m*), с этой заданностью методологически согласуется последовательное развитие установки на изучение языка с точки зрения его носителя, как родного («язык сам мыслит своими формами», по К. С. Аксакову).

Отечественную традицию морфоносемического анализа составляют труды блестящей плеяды русистов: «Филологические наблюдения над составом русского языка... Рассуждения 1–3» протоиерея Г. П. Павского (СПб., 1841–1842 (2-е изд., доп. 1850 г.)); «О русских глаголах» (М., 1855), «Опыт русской грамматики» (М., 1869) и др. К. С. Аксакова; «О значении форм русского глагола» Н. П. Некрасова.

Традиция восходит к концепции языка В. фон Гумбольдта: «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно всё, что делает его единым

целым»¹. В другом месте Гумбольдт пишет: «В соединении простейших понятий, пронизывающих весь язык до основания, проявляется вся глубина гения языка. Понятие лица, а следовательно, местоимения, и пространственные отношения играют здесь главную роль; часто оказывается возможным показать, как оба эти элемента соотносятся друг с другом и соединяются в ещё более простое представление»².

Синкретический взгляд на язык в творчестве А. А. Потебни, одного из основоположников русской академической лингвистики, разлагается на «лингвистическую поэтику» и «учение о грамматических формах» (ср. школьное подразделение на риторику и грамматику; академический задел богато развит трудами В. В. Виноградова; из «психологизма» Потебни выйдут впоследствии отечественная психолингвистика и лингвосомиотика, предтечей которых является И. А. Бодуэн де Куртенэ). К методическим разработкам Г. П. Павского возвращает «Грамматика древнеармянского литературного языка. Этимология» Н. Я. Марра (СПб., 1903). (Позднейшее «вульгаризаторство» Марра связано с отнесением им своих разысканий к академической, потебнианской струе, включением их в идеологическую парадигму гуманитарного знания, не опознанием морфоносемического статуса «палеонтологии речи».)

¹ Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 307–323.

² Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–297.

Несколько строк о применении. Реконструкция мифологической структуры целостного текста «вдоль схемы ПВК»; в случае художественного текста — психотерапевтическая акция (демифологизация), а в случае текста научного — переработка его в квазитеорию морфоносемического толка (универсальная информационно-логическая система). Другая задача: переформулировка «в морфоносемическом ключе» проблемы создания искусственного интеллекта (квази-членораздельной речи, на компьютерной базе, в сообществе приматов — морфоносемический *experimentum crucis* с привлечением «стрессовой» методики Б. Ф. Поршнева¹).

¹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974.

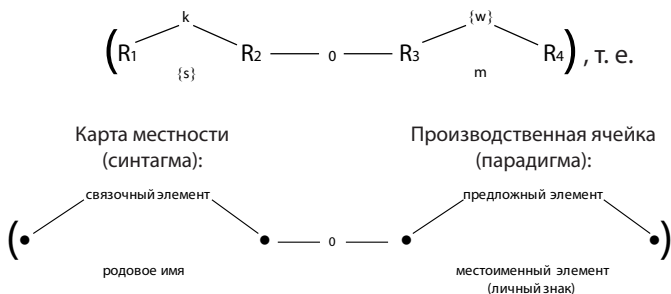
ЯЗЫК — ВРЕМЯ

Памяти Юрия Владимировича Рождественского

Язык есть время, принадлежит времени, а разворачивается как пространство (своеобразная склейка пространства — времени): посредством языка, во времени разворачивается и само пространство. Язык весь — время, но в речи о времени можно лишь метафорически: пространственная метафора. Всякий текст — актуализуясь, в любом своём проявлении, в каждом обращении к нему — сиюмгновенен. Отблеск времени на пространстве — мера, золоточленная пропорция — внутренний ритм (прозы). В стихах — рифма, ритм, размер; увязывают настоящее-актуальное, время ведения речи, чтение, момент произнесения (производства), или актуализации (воспроизводства). Увязывание с настоящим актуальным, дление момента. Связь отвременна (связность): в предложении — не глагол, но связка, узел («распалась связь времён», время, выскочившее из пазов). Синтаксис — ткань (времени). На лексико-синтаксическом уровне (слова в предложениях) время неуловимо, оно наличествует в порождении речи.

Иной автономный уровень, выделяемый в языке, — морфоносемический, уровень грамматически значимых

морфоне́м. Язык в ядре задаётся — не алгебраически! — морфоне́матической произносительной структурой первичного высказывательного комплекса (ПВК):

Точки радикалов — объекты окружающего мира. Именование — по смежности (метонимичность). Но между четвёрками неразложимого комплекса — зияние: переход, перескок — метафорическое глаголение. Время — квант соотнесения, смены нераздельно-неслиянных в сопряжении моментальных срезов бытия, рамка принципиально-дополнительного единства освоения-усвоения, мгновенно-длительного существования.

Квантовое задание времени коррелирует с вращениями мировых пространств — с верчением космических тел, с круговоротами. Скорость (качественно) — скачок во времени, временной сдвиг (невозможная возможность парадоксального обгона Ахиллесом черепахи).

Морфоносемическая структура ПВК оборачивается, таким образом, определением времени: заданием це-зуры, зияния в контексте пространственных значений. И не случайно ведь приобщать ко времени обозначает-ся — на площади, на театре — как высокое умение дер-жать паузу.

Итак, время на морфоносемическом уровне (в структуре ПВК) — это всего лишь протяжённость спонтанного членораздельного высказывания: реплика-отклик, включающая межфразовую оппозицию — зияние, или цезуру между ними.

Зияние в структуре ПВК средоточит собственно две составляющих потока речи: голос и дыхание; они и удерживают диалогический состав смыслового целого, синтезируемого в едином языковом высказывании, в определённом временном периоде. Последнее становится первейшим языковым смыслом, усваиваемым в дальнейшем на лексико-синтаксическом уровне — уровне реально постигаемой человеческой речи — понятийно. Таким образом, на основе материальной данности протяжённости речи формируется понятийное достижение, обеспечивается прорыв к постижению — созиданию и освоению — понятия времени.

Временная связь предложения (языковое выражение дления) обозначена в нём согласовательным пунктиром — цепочкой притяжательных, указательных морфем: артиклей, вспомогательных глаголов, личных глагольных окончаний. Обратимся, например, к рассмотрению армянского языкового материала. Армянский вспомогательный 3-го лица ед. ч. *ե՛ր* 'он есть' в качестве согласовательной частицы может и должен быть возведён к определённому артиклю *ա/ն* (он же притяжательный 3-го лица; парадигма спряжения вспомогательного глагола настоящего времени: *em, es, ե, enk', ek', en; n, s,* — местоименные морфемы, *к'* — показатель множественности). Так оно для настоящего времени (аналитический армянский глагол: причастие плюс вспомогательный; для полноты восприятия добавим, что окончание причастия

настоящего времени совпадает с окончанием местного падежа: *grum em* 'пишу' может быть трактовано как 'я есмь, пребываю в состоянии письма'); то же *ē* в сочетании с формантами, наблюдаемыми в грамматическом простом так называемом будущем прошедшего желательного / условного / предположительного / побудительного (*-ēi* / *-au*, в соответствии со значением русской частицы *бы*) и повелительного наклонения (*-ir*) формирует парадигмальный ряд вспомогательных глаголов прошедшего времени: *ēi*, *ēir*, *ēr*, *ēink'*, *ēik'*, *ēin*. Другая морфонема (предложная — *k*) представляет настоящее глагольное время в армянских диалектах группы «кə», на основе которых сложился западно-армянский современный литературный язык. В восточном варианте армянского литературного языка *k* образует будущее простое время глагола. Выступающий — в препозиции или в постпозиции (в западном, в качестве послелого) — формант соответствует глаголу существования *ka* 'имеется, наличествует, есть': *kat* 'есмь', но то же *kat* 'или'; укажем на наречие *katas* 'тихо, еле', *katas-katas* 'еле-еле, помаленьку'; см. раздел о становлении сочинительного союза в окружении первичных морфонем¹ в (русск. и, арм. *u/ow*, *ew*). В словарном поле *kat* встречаем *katk'* 'воля', *katavor* 'вольный, добровольный', *akata* 'невольно' (с отрицательной частицей *a-*), *katakor* 'своевольный' (*kor* 'кривой' — злая воля, ср. с русск. кривда), *kaṣ* 'погоди!' (повеление), соответственно — *ver kaṣ* 'встань, stand up'; *kayaran* 'станция', *kyank'* 'жизнь', *kin* 'женщина' и т. п. Приставка *k*

¹ Раздел Динамика глаголообразования в статье: Мелкумян М. Р. К обоснованию морфоносемики // Семиодинамика. СПб., 1994. С. 116–130.

в сочетании с суффиксом -ēi/-ayī образует глаголы, соответствующие сериям русских приставочных, например, с -писываю, -казываю.

Еще один глагол существования обнаруживается, по нашему убеждению, в показателе превосходной степени прилагательного современного армянского языка, отсылая к праформе — элативу, то есть к первичному обозначению качества в абсолюте: -goyn. Формант -goyn (-giyn, омонимичное слово 'цвет', ср. инд. гуна 'качество, свойство') располагается между k-n (тот же бытийный ka, суффикс прилагательного -akan; армянские прилагательные предстают либо в виде «чистых» корней, либо с суффиксами -akan, -ayin, -avor и др.) и каузативным суффиксом -ɟn- < -skan-; он представляет их, ср. тоже частицу gone 'хотя бы', глаголы gnat 'пойду', gat 'приду', трактуемые нами как глаголы-предлоги. (Давайте закончим начатое, по-армянски ekēk' verɟaɟnenk' skəsasə. Тут ekēk' 'придите' соотносится с *давайте* через *стать, становиться*, из понятийной группы глаголов: *делать, иметь, дать, быть*; но тут же *ступать*. Ср. также ari goɟenk' 'иди/давай восклицать' при ara/anel 'делай/делать'.)

О мифогенности языка. — К характеристикам тотальность, тоталитарность, переход всего во всё мифу добавляется характеристика единственности, лежащей в основе многообразия. Глаголообразование есть изначальное мифотворчество. Структура ПВК, будучи мифом языка¹, есть также миф Времени.

¹ Раздел «Онтологический статус морфоносемики»: Мелкумян М. Р. К обоснованию морфоносемики.

Мысль речевая противостоит языку-Логосу: принадлежит культуре, стройна, произвольна–свободна, арьергардна. Аполлонична. Язык — дионисиен: стихия. Речь течёт вперёд, но языково — пятаётся лицом к началу, свеяется с языковым истоком: отначальность речи.

Время — понятие, добываемое сознанием из языка (языковая категория: длительность, удерживаемая «согласовательной» цепочкой) схематизируется до шкалы времени (настоящее, прошедшее, будущее), придаётся языку же из внеязыковой понятийной сферы.

Предикация, глаголообразование составляет, однако, существо, квинтэссенцию постижения временности. «Время — вперёд», пробегая по цепочке согласований, аккумулируется в смысловом фокусе — глагольном узле предложения.

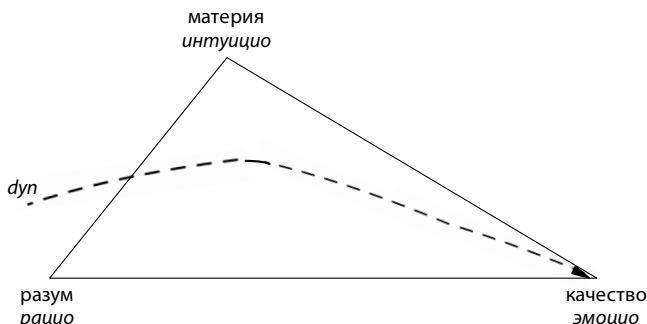
Система грамматических форм глагола-прилагательного восходит к реликтовой причастной праформе — *эллативу* (русский формант *-щ-?*): качество в абсолюте, признак по преимуществу, «превосходная степень» до и вне каких-либо соотношений. Рядом откликом возникает форма, выражающая значение устремления, восхождения к абсолюту, предваряющая замысел *сравнения* (это как в партитуре Листа: «быстро как только возможно», а следом — «ещё быстрее»). Тезис требует антитезиса, в полном согласии с макросхемой формулы ПВК. Нейтрализующий синтез завершает формирование категории, доставляя ей и утверждая новое основание: *степени сравнения*. На базе регулярных перестроений складывается и система видо-временных форм (для причастий, для собственно глагольных образований). Времени, на первых порах, предшествует выражение чаемого — выжидательно-ожидаемое, до и вне временной

шкалы; рядом, параллельно — идея свершения; дихотомия разрешается образованием нейтральной формы, знаменующей собой явление настоящего времени в возникшей системе глагольных времён. Так оно в принципе. Конкретные данные исторической грамматики языка подскажут выбор иной последовательности процесса формообразования с учётом взаимодействий на всём поле языкового развития, но механизм остаётся тот же и он задан уже на морфоносемическом уровне. Ход становления речемысли вмешивается в процесс изначального языкотворчества и его перекрывает. Речемысль овладевает языком, владеющим нами: язык на лексико-синтаксическом уровне в полной мере подвластен речемышлению человека, прорываясь звучать разве что в пророчески-поэтической речи.

На сегодня в философской культуре сложился круг ключевых слов-понятий, которыми можно подытожить наши выкладки: Язык и Время, Время и Бытие, Язык — Дом Бытия. «Трамвайные звоночки» (по слову Анны Ахматовой) местоименных, предложных морфонемам, предстающих попеременно в местоимениях, артиклях, глагольных аффиксах, во вспомогательных глаголах, в личных глагольных окончаниях, etc. нам постоянно это напоминают. Постижение нам задаётся изначальным.

От собственно системной триады, принадлежащей преимущественно к сфере риторики, следует, по-видимому, отличать триаду динамическую, или языковую (лингвистическую): триаду развития. Последняя формируется операцией разрешения дихотомии путём медиации по стреле времени. Общий случай динамической триады задан в метафизике качества Р. Пёрсига:

«Разум, Материя и Качество»¹. В каноническом треугольнике Р. Баранцева² это выглядело бы следующим образом: дихотомия рации и интуицию со-бытийно разрешается в эмоцию. Схематически:

Пёрсиг сопоставляет свою систему мышления с принципом дополнительности Н. Бора и относит эмоцию к эстетической сфере. Приобщим к сему лингвистический конструкт — формульное задание первичного высказывательного комплекса (ПВК):

$$[(R_1 - f\{s\} - f_k - R_2) \leftrightarrow (R_3 - f_m - f\{w\} - R_4)] \text{ —}$$

слева от двойной стрелки имеем *интуицию*, справа — *рацию*; зияние (цезура, знак межфазовой оппозиции) соответствует стреле времени *dyn*, вдоль неё создается язык слов, язык на лексико-синтаксическом уровне — формулируется речь.

¹ См.: Пёрсиг Р. М. Субъекты, объекты, данные и ценности. (1995). URL: <http://www.48.org/txt/lit/sub.obj.data.value.htm>.

² Баранцев Р. Г. Тринитарный архетип единства // Наука и богословие: антропологическая перспектива. М., 2004. С. 178–190.

К УМОПОСТИЖЕНИЮ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

*Что созерцаем мы вокруг нас? —
Ориентиры. Рельеф окрестный.
Время — слышим: в нас
вращенье током крови отдаётся
миров, запущенных первотолчком Творца.*

Пространство измеряется временем; вырабатывается во времени.

Пространство размечается временем: временится.

Пространство постигается в языке: в языке только и возможно внятное умопостижение времени.

Времени в языке нет, а язык сам время.

Язык целостно задан на двух автономных уровнях, соотносимых межуровневыми корреляциями: 1) уровень грамматически значимых звуков (морфоне́м) — морфоносемический, 2) уровень словесный — лексико-синтаксический. На морфоносемическом уровне язык может быть представлен структурой первичного высказывательного комплекса (ПВК) — двузвенной, с зиянием (цезурой), цепочкой морфоне́м (членораздельных звуков) и диффузных радикалов; на лексико-синтаксическом уровне — всевозможные грамматики, глубинные либо поверхностные, объяснительные, описательные, etc.

Формульное задание структуры ПВК:

$$[(R_1 - f\{s\} - f_k - R_2) \leftrightarrow (R_3 - f_m - f\{w\} - R_4)],$$

где левая тетрада — локативная, правая — квалифика-
тивная. R_i — знак радикала — виды имён; $\{s\}$, m — место-
именные элементы, первичные местоимения; k , $\{w\}$ —
предложные элементы, первичные предлоги; фигурные
скобки означают набор вариантов. Знак межфазовой
оппозиции, или цезуры (стрелка) — конструктивный
компонент структурной формулы ПВК.

В формуле — всё статика, всё о пространстве: ориенти-
ры, наблюдатели, — но представлено определение време-
ни, задана единица времени, время — в зиянии, в цезуре,
к которой стянуто двузвенное построение, через кото-
рую/над ней осуществляется скачок «из» — «в», от и до.

Увязываются два дополнительных момента — по го-
ризонтالي — карта местности, по вертикали — деятель-
ность, это даёт представление о ходе времени. Само
мгновение проваливается в цезуру, время к познанию
Бога, это способ узнать Бога, а узнать Бога — только его
имя: Сущий, — и о времени знаем только, что оно есть
(через структурное целое ПВК).

Время языка — связность текущей речи, творимого
текста. Ближайшим коррелятом представленной форму-
лы предстаёт на лексико-синтаксическом уровне пред-
ложение, увязываемое вторением — в местоимениях,
артиклях, окончаниях (согласование, управление) — ин-
тонационное единство. Осуществлён акт непрерывного
наблюдения.

Связность — непрерывность, временная размет-
ка, фиксируют позицию пишущего/говорящего и чи-
тающего/слушающего как «сейчас»; при этом «потом»

и «раньше» у них разное, личностное, посему любое прочтение другим, любая цитата суть интерпретация. Текст — актуален, способ его бытования — сиюмгновенная актуализация. Момент последовательного произнесения/усвоения.

С зиянием на лексико-синтаксическом уровне коррелирует глагольное слово, в которое стягиваются окрестные морфемы (мостик, переправа, осуществление плавного перехода между структурными звеньями): узел связи, управления — путём осуществления обратной связи формируется отчуждённое суждение, в котором место наблюдателя занимает субъект, а место ориентиров — прочие актанты (наблюдение трансформируется — преобразуется, преображается).

Разметка территории — это и есть функция времени в языке. А также предпосылка его постижения. От организации жизненного пространства до организации рабочего места.

Временем размечаем пространство (место, окоём), в пространстве прозреваем время. Постигание времени — постижение Бога. Всё в постижении времени — Бога знаменует, символизирует. Так, формулу ПВК можно (должно) интерпретировать как Имя Божие. Язык и возможен как путь постижения недостижимого.

Вперёд — до поры — заявим, что в цепочке ПВК осуществляется плотная (размеренная голосом и дыханием) упаковка первоэлементов, структура мёбиусно скручена, композиты соотнесены по принципу нарушенной симметрии, на ней задана золоточленная пропорция. Таков же отпечаток, отсвет времени на пространстве, таково есть пространство-время. (Пространство искусства, пространство науки — территория познания мира

и жизни.) Мы постигаем время, поскольку оно прежде осуществилось в нас. В языке — предстало.

Пространство — объём, который можно ухватить как две плоскости, две тени, две проекции. Язык принципиально двумерен. Мышление человека возникает именно на базе языка двумерного. Сосредоточить внимание на объёме невозможно, возможно только расширить точку фокуса до плоскости. Пространство возникает вторично в языке как реконструкция объёма.

Прорывы в объём (космос), во время (жизнь), в смысл (мысль).

Мысль — объёмна, язык — в плоскости, речь — вытягивается нитью из ткани, вытекает струйкой из запруды.

Строка ПВК — это строка гекзаметра.

Всё на свете осмыслено благодаря тому, что время движется в одну сторону. Пока мы не связаны с логическими операциями, мы видим всё сразу, но даже если художник видит всё заранее, он прорисовывает последовательно; отсюда следствие: прозрение наступает, если отрешиться от мысли; всё схлопывается, и это мы выявляем всецелостью. Это схлопывание — единство — в смерти — в этом смысле идёшь к Богу — всё стянуто в узел и не может быть как космос, но может быть как вспышка света. То есть ты постиг всё в целом. Но исходный образ — объёмен.

Теория — суть узрение языка: языковидение. Одна на все отрасли и дисциплины. Она же — Богопознание.

Одновременность спонтанного высказывания, его разметка (вокруг зияния, разворачиваясь во времени, формируется предикат) создаёт предпосылку возникновения/проявления категориальных различий, формирования понятий. Выявляются понятийные категории.

Аристотель выдвигает 10 категорий, во 2-й Аналитике сосредоточивается на 8-ми; Вундт сводит 10 к 4-м: субстанция (существительное), атрибут (прилагательное), состояние (*situs, habitus, actio, passio*, то есть глагол, отличающийся от атрибута изменчивостью) и отношение (место, время — соответствующие наречия, предлог, союз, падежные окончания).

Язык складывается по вертикали, речь горизонтальна (тексты размещаются в двух, трёх измерениях). Пожалуй, пространство-время — подобие речи-языка.

Формирование языка по сути дела и есть постижение времени, язык формируется по ходу постижения времени. На морфоносемическом уровне размечено пространство, здесь язык сам есть время, а на лексико-синтаксическом уровне время осмысляется и возникает глагол, предикативность; глагольность (не время глагола!) и есть время, глагол и возникал как постижение времени. Время суть связность, мы наблюдаем время по ходу движения текста, движение текста уже само даёт время. Время — понятие, добываемое из языка. Это языковая категория дления, удерживаемая цепочкой согласований, связывающая весь состав предложения, текста, корпуса текстов.

Ход времени определяется расширением пространства: ширится — время (или временем). Временем же — разнообразится, потому как — одна река, ведь поначалу «Земля была безвидна и пуста». Унификация — катастрофична: «остановись, мгновенье!».

ИМЯ ЯЗЫКА

К славному имени протоиерея Герасима Павского (1787–1863) — опять же к пушкинской поре становления/расцвета современного русского литературного языка — следует возводить отечественную традицию лингвистической антропологии. Сие альтернативное языковедение является в случае Павского уникальным теоретическим предприятием в сторону Гумбольдта, а по конкретному результату — общепризнанным памятником русской словесности¹. Фактически Павским обнаруживается и утверждается автономный уровень бытования языка, который мы условимся называть морфоносемическим, в отличие от усвояемого в школе по словарю и грамматикам уровня лексико-синтаксического. В языке примечательны предлоги, союзы, местоимения, частицы — разумеется, слова (части речи), но только ввиду принятой грамматической конвенции. А если сменить исследовательскую позицию и взглянуть на язык со стороны членораздельности? Что раньше — слово или «буква»? Это не к спору, а к принципиальной исследовательской установке. Сменив её, мы ставим в начало языка членораздельный звук, наряду со словом (прасловом):

¹ Филологические наблюдения над составом русского языка Протоиерея Г. Павского. СПб., 1850.

контроверза не снимается, и это свидетельствует лишь о серьёзности предприятия. Итак, задан уровень грамматически значимых звуков — морфоне́м. Морфоне́ма может быть получена путём дальнейшего членения морфем до «букв», но вот, в отличие от морфемы, морфоне́ма оказывается подвижной, она одновременно и вдруг обнаруживается в самых разных изгибах слова и предложения.

Внимательный читатель сейчас же отметит, что мы ведем разговор о морфоносемике в терминах, так сказать, межуровневых корреляций, а иначе не можем: язык нам дан на уровне лексико-синтаксическом. На морфоносемическом же уровне реконструируется/обнаруживается (у истоков человеческой речи) структурное образование с морфоне́мными ключами, местоименным и предложным, между радикалами — диффузными (по произношению, — предположительно) прасловами. Отправляясь от данной структуры, путём последовательных переструктураций мы выстраиваем здание грамматики и выходим на уровень наличного языка-мышления. Какого языка? Структура — не алгебраическая, а языковая морфоносемическая, но она универсальна, через неё можно ходить из языка в язык: межъязыковая универсалия. Вот она в формульном выражении:

$$[(R_1-s-k-R_2) \leftrightarrow (R_3-m-w-R_4)] —$$

некоторое множество $\{s\}$ и m — местоименные, а k и некоторое множество $\{w\}$ — предложные морфоне́мы; в морфоне́мном ряду располагается разъём между четвёрками, цезура, пауза («дыхания» Павского) — глагольное значение возникает в переходе/перескоке из четвёрки в четвёрку; морфоносемически, по составу глагол располагается аркой, мостом между указательными, назывными высказываниями (в отдельных скобках). Левые

скобки — ориентирование: описание, исчисление в пространстве; правые — квалификация операций. В целом структура описывает, определяет некий «первичный высказывательный комплекс». Местоименные морфемы фиксируют, задают место наблюдателя, что в дальнейшей динамике языкотворчества, в морфоносемических перестроениях мифологически переосмысливается (самоосознание, его предпосылки)¹. Описываемую морфоносемическую структуру можно полагать мифом языка, его сокровенной глубинной реальностью. Это и есть собственно язык, сквозь морфоносемическую структуру провидятся всякие речь, текст, грамматический строй, сюжетное построение, композиция произведений словесности. Скажем, в нашей структуре находит органичное завершение морфология сказки, разработанная В. Я. Проппом. С другой стороны, здесь мы оказываемся в круге естественнонаучного в гуманитарной области (нейтрализация) перед лицом грядущих синтезов. У нашей структуры отыскиваются далеко идущие аналогии, положим, с биохимической двойной спиралью. Если всерьёз осмыслить то обстоятельство, что человеческое знание формируется в языке и на языке, то намечается научная программа тысячелетия: перебазирование всей теоретической науки с математических рельс на языкотворческие (переворачивание вектора вперёд: синтез вместо анализа, понимание идущих смыслов как изначальных — «ветры богов слова веют из будущего», по известному слову Велимира Хлебникова). Взять хотя бы первый абзац, первую строфу, Евангелия от Иоанна; тут простое, но глубочайшее: прежде вещали пророки.

¹ Мелкумян М. Р. К обоснованию морфоносемики // Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994.

Однако, из глыбы сей произошла мистическая полнота христианского богословия. Искомое у нас впереди, но не позади, мы исследуем созидательно: таково не-пременное условие, следующее из человеческой погружённости в сферу языка (человек в этом аспекте и есть язык). И, наконец, — глобальные синтезы: намечается возможность научного конструктивного подхода к постижению единства человеческой культуры на путях языка, к обретению всё новой творческой (динамической) устойчивости в живительном многообразии сменяющихся культурных ландшафтов.

Хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Наши попытки осмыслить языкотворческий механизм на морфоносемическом уровне встречаются со схожим описанием в... библейской пророческой книге Иезекииля, в непостижимой и неподражаемой его херувимологии. Но что может быть величественный опыт Богопостижения на берегу реки Ховар, как не погружение пророка в стихию языка, сновидческую подсознательную его подоснову, когда над ним отверзлись небеса огненной божественной буре, шедшему от севера бурному ветру, великому облаку и клубящемуся огню, «и сияние вокруг него», «и из середины его видно было подобие четырёх животных, — и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого — четыре лица, и у каждого из них — четыре крыла», «на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их». «Над головами животных было подобие свода. И голос был со свода, который над головами их...». Исследователь текста М. Скабланович сообщает: «Только с Ховарского богоявления стала возможна речь о Боге, как Свете. С этого времени свет стал мыслиться в понятии Бога едва не с такой необходимостью, с какою мыслятся в нём разум, воля, жизнь.

Ещё одну новую черту вносит в образ явления человеку Славы Божией видение Иезекииля, но только черта эта указывается как бы с таинственной прикровенностью, с мысленным „что да разумеет“. Пришедший к пророку Господь даёт ему знать Себя прежде всего как неопределяемый ничем и никак ближе *qol*, голос, звук. Этот божественный шум ясно отличается, если не прямо противопоставляется шуму явления херувимов, который очень подробно описывается, тогда как первый определяется только как „голос с тверди“. Новозаветная экзегетика получила бы новые точки зрения, если бы генетические розыски о Логосе продвинула до Иез. 1, 25»¹.

Обратимся вновь к морфоносемической структуре первичного высказывательного комплекса языка. Определённая по звуковому исполнению, явственно задана по содержанию своему, но остаётся непроизносимой и неопределённой в совокупном смысловом восприятии. Все языковые дорожки, его ручейки и тропки ведут в сей заповедный вертоград, все нити языка сходятся в нём, но где он? — Ненаблюдаемо есть. Присутствует — всюду. Повсеместно и незримо — откликается. Не секрет, но тайна — в словоупотреблении Достоевского. — По истине: Имя Языка.

Всё, высказанное на языке, возглашает к Господу. Интимнейшее философское Богопознание: звёздное небо над нами — моральный закон в нас. И философское же установление схематизма нашего рассудка, схемы чувственных понятий — Альфы и Омеги — не отсылка ли к Имени?

¹ Что даёт богослову первая глава книги пр. Иезекииля // Труды Киевской Духовной Академии. 1905. № 6.

ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ ЛОГОСЕ

«Речь наша есть тот песок, в котором затерялась маленькая жемчужина — „отворись“. <...> Слово изначально было тем ковшом, которым из ничего черпают живую воду. <...> В мире важен беззначный язык, потому что у прозревших слово есть постижение огня над ним. Но для этого нужен тот самый дар, при котором Гёте, не обладая швабским наречием, понимал Гебеля без словаря. <...>»¹.

По результатам трансформационного анализа речевых глагольных конфигураций делается возможным постулировать, в качестве обобщения, структурированное образование — цепочку морфонем и радикалов — структурную единицу морфоносемического уровня, которую, не изощряясь, удаётся соотнести со структурой ДНК — с знаменитой двойной спиралью. Морфемы, или грамматически значимые членораздельные звуки, принадлежат, таким образом, к иной целостности, нежели морфемы, выделяемые в словах, на уровне лексико-синтаксическом. На уровне слов и предложений

¹ *Есенин С.* Отчее слово // По поводу романа Андрея Белого «Котик Летаев», 1918.

морфонема мобильна, одна и та же — встречается в разных позициях, в различных частях речи; морфема, неразложимая в слове, распадается на морфемы, сочетанием которых должна объясняться её потенция, смысло-, словообразующая. Морфоносемический анализ приводит не к отдельному словесному элементу, а к матричной структуре, к упомянутой уже структурной единице — к структуре ПВК (так называемого, первичного высказывательного комплекса). Последняя лежит в основе предложения, периода, связного текста, она прошивает их; к ней восходит, ею определяется, иерархическая организация грамматических категориальных форм языка. Звуковая матрица ПВК предпосылается языковой эволюции, складыванию словесной речи, ею задана и модель физического мира — порождение, а не отражение. Осмыслен механизм языкотворчества: миф языка (миф — по Лосеву; в детской книжке И. Жеребиной это — «сокровенное знание, оформленное в связный рассказ»). Схожее с морфоносемическим описание находим у пророка Иезекииля, и не есть ли величественный опыт Богопостижения на берегу реки Ховар также погружение в языкотворческую стихию, в сновидческую подсознательную подоснову языка? Имя Языка — опять же, по А. Ф. Лосеву: Имя — сам Бог, но Бог — Он не имя. Уж не является ли обнаруживаемое в речи языковое образование той самой уникальной структурой, утверждаемой у истоков жизни в контексте молекулярной биологии? Райские древа Жизни и Познания добра и зла. И схоластические споры: одно, два? — Одно в двух. Два суть одно. В древесной природе своей.

Во всяком случае, постижение бытия Божия, выражаемое нами в речи, то есть на уровне лексико-синтаксическом, протекает под знаком невысказываемости Имени, воспроизводимого регулярно морфоносемически.

ИНТОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ МОРФОНОСЕМИКИ

Всякое живое существо — свободно мыслящее тело, оно передвигается в пространстве, ориентируется в нём, питается и защищается. Регулярно воспроизводящиеся человеческим существом членораздельные звуки, увязывая диффузные звукокомплексы наименований, образуют тонкую материю зарождающегося в нём автономного мыслителя, свободно мыслящего, мифотворящего и сопряжённого с мыслящим телом данного человеческого существа. Зародившееся в человеческом существе мыслитело — язык человека. Иначе говоря, язык человека материален; двузвенная структурированная звуковая цепь последовательно воспроизводимых гортанью и носоглоткой морфоне́м и радикалов в закономерном развитии (через установленный ряд репликаций/переструктураций) представляет собой тонкую материю человеческой мысли: ею выстраивается мыслитело языка, приданное мыслящему телу — человека. Связь между сказываемым и выражаемым, речью в нас и мыслью для нас, собственно, и постигается нами как нераздельность-неслиянность двух тел. Постигается — прослеживанием межуровневых корреляций, языкотворчески.

Но — по порядку. С чем имеет дело лингвистика? Что наблюдает исследователь языка? Рекомое. Оно фиксируется, запоминается, накапливается. Слоится. Какими

обстоятельствами обеспечен процесс, или что предположено бытованию человеческой речи? Можно вообразить ось с винтовой нарезкой, вокруг которой вращаются отслаивающиеся один от другого треугольники, связывающие/соотносящие между собой пять основных позиций:

- 1) структура (система) языка / первоМысль,
- 2) речемыслительная деятельность,
- 3) речевой материал (совокупность сообщений — массив текстов),
- 4) внеязыковая действительность,
- 5) языкотворческая деятельность — метаморфозы мысли, мыследеятельность (образование системы языка).

Первоначально треугольники совмещены в одном; внеязыковая действительность отвечает структуре языка, которая, в начале, есть тоже, строго говоря, внеязыковая действительность; при этом поначалу языкотворческая деятельность совпадает с деятельностью речемыслительной.

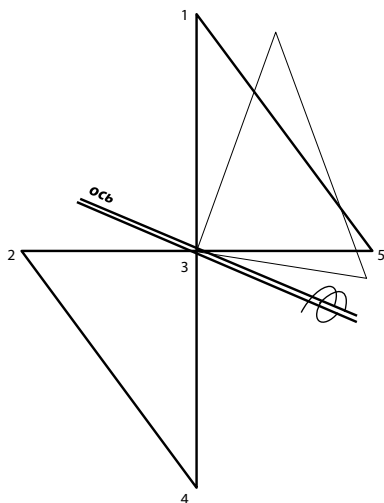
Треугольник на следующем шаге расслаивается на два (плоскость языкового поля скручивается, выгибается), языковая единица оказывается представленной на двух автономных уровнях: лексико-синтаксическом (234) и морфоносемическом (135). Мы владеем речью на уровне слов и предложений; на уровне грамматически значимых членораздельных звуков, или морфонема, из которых складываются морфемы, задан язык. Изначально «язык владеет нами» — так пребываем мы в сфере речи народной, родной, являющейся достоянием детей, поэтов, философов. Морфонема на лексико-синтаксическом уровне мобильна, одинаковые морфемы встречаются в разных позициях, в различных разрядах слов и в разных словоформах; в отличие от морфемы, морфонема связана не со словом, а со структурой морфоносемического

уровня. Синтез, соплагаемый с морфоносемическим анализом, по существу, сводится к реконструкции процесса самозарождения системы языка.

Воссоздаётся первичный высказывательный комплекс (ПВК), реконструируется его морфоносемическая структура. Морфоносемическая структура ПВК определяет иерархическую организацию грамматических категориальных форм языка; в конечном счёте, к структурной формуле ПВК — неразложимому лингвистическому конструктору — восходит всё категориальное богатство языка. Ею задаются диалог, предложение, связный текст. Формула морфоносемической структуры выглядит следующим образом:

$$[(R_1 - f \{s\} - f k - R_2) \leftrightarrow (R_3 - f m - f \{w\} - R_4)].$$

В ней обозначены два вида назывных (т. е. описывающих фиксированные, статичные отношения) фраз, заключённые каждый в свои отдельные круглые скобки: фразы локативные и фразы квалификативные. R — знаки радикалов: виды имен; $\{s\}$, m — местоименные морфемы, первичные местоимения; k , $\{w\}$ — предложные морфемы, первичные предлоги; фигурные скобки означают набор вариантов. Знак межфразовой оппозиции / цезуры между круглыми скобками — конструктивный компонент в структуре: глаголообразующее её средоточие, на месте зияния (переход, перескок — квант делания). Интонационное единство: реплика — отклик, тема — рема, тезис — антитезис. Учтён факт непреложности наблюдения; обязательность позиции наблюдателя во фразах — это решающий в языке формообразующий фактор, обеспечивающий действие механизма переструктуризации по ходу регулярных репликаций морфоносемической структуры ПВК.

Можно полагать, что процесс языкотворчества погружён в структурированную среду семантического вакуума — аналога вакуума физического. Возникновению мысле-тела языка наверное предшествует пространственно и социально-экономически устроенное мысле-тело родоплеменной организации. Речемыслительный/языкотворческий процесс протекает на земном ландшафте под звёздным небом и в пространственно и экономически организованном социуме. Речемыслительная деятельность имеет в виду внеязыковую действительность так же, как языкотворчество — язык. Речь течёт, мысль формулируется; мысль «колесит/велосипедит», в речи — пульсирует. Язык человека, усматриваемый как мысль, формулируемая на одном и протекающая на другом сопряжённых автономных уровнях, функционирует как живой организм. Дальнейшие пояснения — на модифицированном представлении нашей формулы.

Формулу морфоносемической структуры ПВК разместим / интерпретируем следующим образом.

Точки радикалов — объекты окружающего мира. Радикалы в формуле ПВК трактуются как диффузные по звучанию образования, именующие эти объекты. Употребляясь в составе звуковых матриц, в членораздельно означенной синтаксической рамке, диффузные именованья подвергаются уподобляющему звуковому анализу, унифицируются. Высказывания становятся из гетерогенных гомогенными, возникает однородный поток членораздельной речи. Значение, которое имеют для её формирования первичные предложные и местоименные составляющие, отводилось в концепции «четырёх элементов» Н. Я. Марра так называемой кинетической речи. Согласно представлению о структуре первичного высказывательного комплекса, членораздельный звуковой язык имеет автономное происхождение. На место кинетической речи выдвигается регулярный набор значимых членораздельных звуков — рамка, внутри которой развивается членораздельный анализ первоначально диффузных назывных элементов. Кинетическая же речь как один из аспектов поведенческой пластики обнаруживается у истоков словесности; сродни жесту — интонация и ряд других универсальных языковых характеристик.

Корнеслов может складываться искусственно, по ходу работы описанного механизма, по схожей схеме, с выделением в диффузном звучании радикалов — пар морфоносемически уподобляемых звуковых точек, в соответствии с интонационным рисунком, накладываемым на эти диффузные звучания. Вообще говоря, формирование корнеслова должно быть включено в стихию

хорового мим-действия. Применительно к современности, для воплощения на сцене театра пантомимы, хоровое мим-действие определяется как искусство коллективного чтения. Зрителям заранее известна литературная основа спектакля, актёры пластически реализуют внутреннюю форму и интонацию авторского текста, составляющих его фрагментов (периодов, предложений, слов).

Музыкальное сопровождение тоже не произвольно, а по возможности определяется авторскими подсказками¹.

Сформированные в унифицированном предложении членораздельные слова возвращают нас к мысли как таковой, к сокровенно выражаемой мысли, к загадке таинственных проявлений мыслящего тела. Посему обратим внимание вот на что. Морфоносемическая структура нами считывается, речь изустно выписывается. Родоначалник отечественной традиции лингвистической антропологии протоиерей Герасим Павский так и называл морфемы: буквами. Если природные объекты объёмны, то (естественный же) язык принципиально двумерен, плосок. Словно нотное письмо по отношению к звучащей музыке; живописное полотно — к натуре: кстати, ведь и созерцаем мы одни поверхности. Порыв к телесности завершается для языка прорывом к смыслу. И да позволено будет выразиться следующим образом: медитация путеводит из плоской тавтологии речемышления в космологический объём верховодящей мысли. Мыслящее

¹ В «жанре» хорового мим-действия готовился к постановке в 1977 году в студии пантомимы Низового спектакль «Э.-Т.-А. Гофман. Крейсериана» в двух частях (Любовь артиста; Tintinnabuli / Колокольчики — музыка А. Пярта). Оригинальный сценарный план разрабатывался по заказу студийцев.

тело движимо мыслью пространственной; её языковое осмысление есть бесконечные попытки плоского к постижению мысли — приближение. Чем не основание для простейшего доказательства знаменитой теоремы Ферма? Условие теоремы становится интуитивно схватываемым, чуть ли не очевидным утверждением.

Процесс познания у нас протекает, по сути, как процесс языкового самопознания, процесс самопознания языка. Это так, поскольку познающая мысль имеет языковое выражение. И, таким образом, язык уникально наблюдаем. Он — единственный из объектов мира, открытый адекватному постижению. Постижению проницающему. И, как дом Бытия, он есть прозрачное обиталище обитающей в нём Мысли.

КАК МЫСЛИТ ЯЗЫК **(интонологический этюд)**

К середине истёкшего века в лингвистике было обнаружено и структурно задано внутриязыковое образование, которое, глядя из сегодня, следует полагать сущностью собственно интонологической — структура ПВК, так называемого первичного высказывательного комплекса. Это — мысле-тело языка: единица, через каковую всё в языке представляется едино, в соответствии с переводческой интерпретацией дефиниции в первом начале Евклида. Эта же интонологическая сущность была обозначена для архитектуры И. П. Шмелёвым — его дуплекс-модулом¹, заявлена в музыкознании М. А. Марутаевым — концепцией структурированной октавы². Все три разработки были представлены рядом в рамках научного движения «Семиодинамика»³. До того указанную интонологическую сущность угадал и провозгласил яфетидолог Н. Я. Марр в так называемой теории 4-х элементов,

¹ Шмелёв И. П. (1) Дуплекс-модуль, или Система модульных квадратов — полный канон // Проблема синтеза искусств и архитектуры. Вып. 4. Л., 1979. № 2; (2) Язык структурной гармонии в архитектуре // Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994.

² Марутаев М. А. О гармонии как закономерности // Принципы симметрии. Историко-методологические проблемы. М., 1978.

³ Баранцев Р. Г. История семиодинамики: документы, беседы, комментарии. М.; Ижевск, 2006.

а предсказал её ещё И. Кант в «Критике чистого разума»¹: по Канту, познание, или продуктивная способность воображения, основополагается на схеме универсальной деятельности, имеющей пространственно-временную выраженность. Мартин Хайдеггер показал, что объектом Кантова анализа был, по сути дела, язык, следовательно, мы можем смело назвать Канта онтологом (анаграмматически — почти что интонологом!). Резюме Хайдеггера общеизвестно: «Язык — дом Бытия, в этом доме обитает Бог».

Человеческое существо, являясь мыслящим телом, обладает прежде всего доязыковым мышлением. Как творчество мыслящего тела предстаёт у А. Ф. Лосева явление в античности — род древнегреческой пантомимы (пластические искусства). Языковой человеческой мысли безусловно предшествует замысел. Но заёмна ли языковая мысль или первична? По-видимому, нам следует заявить принцип эквивалентности — локальной неразличимости (для нас) мысли верховодящей (в конечном счёте, космологической) и продуцируемой в речи языковым мышлением. Возможность языкового мышления, или прорыва к постижению космологической мысли, обеспечена в лексико-синтаксически сопряжённой человеческой речи заложенной в её глубинное течение цепочечной структурой, содержащей морфонемы, т. е. грамматически значимые членораздельные звуки, или буквы. Да, прежде чем природный звук смог стать носителем смысла (осмыслиться!), он должен был выделаться, стереться до буквы, выказаться буквой, буквой осознаться. Да и могла ли бы связная мысль выразиться речью

¹ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. 2-е изд. Пг., 1915. Раздел о способности суждения. Гл.: «О схематизме чистых понятий рассудка».

по-лапутянски?! И, вот, на очередном этапе гетерогенная структура (включающая, наряду с морфонемами, диффузные по звучанию именованья) предстаёт гомогенной: речь становится фонематической. Итак, язык двумерен, плоскостен. Соответственно, языковое осмысление вещного мира является плоскостным. Зато смысловая составляющая языка компенсирует невозможность третьего измерения для рода языковой материи, собственно, буквенной, а не звуковой. Расподобление с природой и новое по качеству уподобление в высшем проявлении: так созидалась новая материя для усвоения либо освоения горнего. И ноосфера, явленная вслед за биосферой. Ибо если что и может стоять за термином ноосфера, так это массив текстов на языке человека и только он. Наш язык располагается среди вещного мира как холст живописца перед натурой. В живописи, положим, необходимо соблюсти законы передачи перспективы. Так, Л. С. Шишкина-Ярмоленко, разрабатывая адекватное описание значений первообразных предлогов, реконструирует семиотическую модель пространства русского языка; попутно замечает, что подобная модель формирования и освоения пространства получена независимо от неё Н. В. Четвериковой, при анализе истории изобразительного искусства. В заключение вернёмся к вопросу в начале второго абзаца — о мышлении и Мысли. Мышление движется навстречу Мысли (или к ней). Есть мера соответствия. Если она нарушена, мысль может возобладать над Мыслью. Это, рассудим, есть подоплёка диалогичности романного искусства Достоевского. И, кстати, — оппозиции: Богочеловек — человекобог! Но — стоп: принцип эквивалентности.

ЧТО ЕСТЬ ЯЗЫК / В УЗРЕНИИ ВСЕОБЩЕГО БРАТСТВА*

*Они всегда у наших ног,
Почти что наши антиподы;
Они звено, они порог —
Шаг в полноту живой природы,
Творцом порученную нам;
В крестители зверью Адам
Был призван — ономотетом,
Речеблюстителем: поэтом!..
Благословил (!!) на то нас Сам.*

Итак, что есть язык? И вовсе — не то, постижению чего посвящают свой научный труд языковеды. Более того, язык пребывает вне компетенции языкознания. О языке

* Этот мой текст в замысле посвящён памяти Валерия Степановича Светлова, актёра и барабанщика. Последнее появление его на экране — в чеховском фильме 2003 года Сергея Соловьёва «О любви».

В Ленинграде Валеру рисовала чудная Амаяк; на большом холсте из триптиха замечательного московского художника Ирины Сергеевны Мещеряковой карлик Валера стоит на пустой Лубянской площади — спиной к Железному Феликсу и со свёрнутой в трубку «Советской Россией» в руке.

и мышлении лингвисты лишь проговаривают, забывая о прокламируемой ими строгости своей дисциплины. Угадывают — поэты; так, Есенин, в «Отчем слове», о «Котике Летаеве» — трижды: «Мы очень многим обязаны Андрею Белому, его удивительной протянутости слова от тверди к вселенной. <...> Речь наша есть тот песок, в котором затерялась маленькая жемчужина — “отворись”. <...> В мире важен беззначный язык, потому что у прозревших слово есть постижение огня над ним». Лингвистика, как должно, занята речью, именно её устройством — но и только; в том состоит тем не менее её, лингвистики, достойное предназначение.

Язык прежде всего задан, он владеет нашей речью, или — говорено ещё славянофилами — нами владеет. Задан язык на двух автономных уровнях, и для нижнего он вычленяется с помощью процедур над составом глагольных фраз — конфигураций. Нижний уровень языка — морфоносемический, т. е. уровень грамматически значимых морфем, в конечном счёте букв, из которых сложены морфемы. Побуквенно, аксиоматически, складывается грамматический материал в основополагающем труде гебраиста Г. П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» (ФН). ФН входят в золотой фонд отечественной русистики, за свой труд

Валерий Светлов вёл занятия по сценическому движению в Школе драматического искусства Анатолия Васильева на Поварской, играл в музыкальных ансамблях, любил.

В своей домашней библиотеке Валера берёт издания трудов Н. Ф. Фёдорова. В Валериной квартирке над Яузским акведуком мы с примкнувшей к нам студенткой из МГПИ Машенькой Щепиловой не однажды сходились в жарких диспутах на Фёдоровские темы.

в середине XIX века протоиерей Герасим был удостоен звания академика. В его наблюдениях возобладал над позицией учёного взгляд носителя родной речи: язык в них постигнут подлинно естествоиспытательски. Мы же обречены изучать родную речь не иначе как иностранную, последовательно себя от неё отчуждая, как того необходимо требует наша отвлечённая наука. Между тем, наша речь — чуть ли не единственный в научном обиходе объект, доступный непосредственному наблюдению. Рассмотрим хотя бы русские части речи: будучи по определению словами, предлоги, союзы, местоимения явлены по большей части буквами. Вильгельм фон Гумбольдт — а именно Гумбольдту и Боппу наследовал филолог Павский — утверждал, что в соединении простейших понятий лица (местоимения) и пространственных отношений (предлоги) проявляется вся глубина гения языка и означенные понятия пронизывают весь язык до основания.

Языковая матрица, соответствуя таковому постижению в полной мере, представляет на уровне морфоносемическом некое речевое образование, так называемый первичный высказывательный комплекс. Верхний уровень для нас, говорящих, актуальный, — лексико-синтаксический, собственно речевой: слова, увязываемые во фразы. Уровни, нижний и верхний, сопряжены меж-уровневыми корреляциями. Примеряя языковую матрицу к речи, устанавливаем, что морфемы, в отличие от морфем, мобильны, не привязаны к единственной позиции и могут быть представлены в разных частях речи. Обнаруживаем местоименную морфему в окончании глагола, предложную — на месте

приставки. Намеренно тут приведено очевиднейшее из школьной грамматики, а надобно ощутить преимущества расширения взгляда. Скажем, морфема -ск- (суффикс русского прилагательного: детский, морской, горский) состоит из двух предложных морфем и в отдельности — их где только не встретишь, смысл их устойчив, всегда при них (установить его можем, оглядываясь на соответствующие русские предлоги, кстати — уточнять, перебираясь из одной иноязычной речи в другую; звуковые соответствия — особая тема). Так вот, ежели морфема членится до букв-морфем, то их пунктиром речь вяжется, их строчкой скрепляется.

Языковая матрица предстаёт звуковым единством — парой близких по составу назывных фраз, разделённых цезурой (зиянием); в каждой из фраз неопределённо звучащие радикалы (именования) перемежаются членораздельными связками-морфемами: местоименной и предложной — итого по четыре составляющих во фразе. Содержание фраз — ориентация в пространстве и упорядочение в нём. По форме — реплика-отклик с временным сдвигом, взаимодействие с нарушенной симметрией. По ходу диалогового взаимодействия, заданного в матрице, с учётом перестроений (репликации, естественно, сопровождаются переструктурациями), возникает текст, воспроизводящий всё богатство языковых категориальных форм. Матрица, представленная в общем виде, символизирует единственность, сугубую уникальность общечеловеческого языка: многообразны его речевые реализации, языки; и именно функционирование языковой матрицы обеспечивает многообразное проявление человеческой речи

в мире¹. Не является неожиданным и схематическое сходство матрицы с картинкой двойной спирали ДНК: такое уподобление принципиально. Судя по всему, схема, дающая начало зарождению-самопорождению, единственна. Следует допустить, что жизнь направлена промыслительно. Живое в земном космическом пространстве мыслит пластически, поведенчески — оно со-общается, но человеку дана возможность членораздельного произнесения сердцевинной (определяющей строение вселенной, социума) мысли, и тонкая материя членораздельности далее уже обеспечивает развитие мысли собственно человеческой, дольней. В языковой матрице запечатлён, таким образом, Логос, она есть по сути своей Имя Божие, мысль горняя. А речевым токам человеческого волеизъявления посвящены, в свою очередь, напластования размышлений, суждений социологов, культурологов, философов.

Важно отметить следующее обстоятельство. Членораздельная речь выделяет человека из среды животных, противопоставляет его прочим живым существам. Что до языковой способности, она нас с живыми тварями единит, и, следовательно, способна объединить. Человек, пожалуй что выше, призван языковыми путями подтянуть до себя зверя. В этом видится насущность восполнения воскресительной программы Н. Ф. Фёдорова; если в одной её ветви имеем русский космизм

¹ Шмелёв И. П. 1) Дуплекс-модульор, или Система модульных квадратов — полный канон // Проблема синтеза искусств и архитектуры. Вып. 4. Л., 1979. № 2; 2) Язык структурной гармонии в архитектуре // Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994.

(звёздные миры над нами), то в другой — должен бы моральный закон в нас проявиться. Такова, по-видимому, миссия человека, особо уясняемая нами в узрении поры всеобщего братства. Хотя бы — пусть ещё предстоит долго осмыслять, что есть в широком охвате и в глубинном постижении воскрешение душ предков, но, как знать, не окажутся ли дома меньших наших братьев лучшим пристанищем для родственных нам душ, нежели далёкие небесные просторы.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ,
или
ЧТО ЕСТЬ ПОСТИЖЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА**

С позиций лингвистической антропологии фактор членораздельности является для языка решающим, так что первоначально нас должно занимать не то, что делает речь немецкой, финской, татарской, малийской, то бишь иностранной, как отображают это словари и грамматики, сколько то, что язык, будучи языком человека, зачинается в общечеловеческом морфоносемическом субстрате, где формируется как доподлинно родной.

Традиция рассматривать естественный язык в опоре на, прежде всего, компетенцию его носителя получила развитие в трудах российских лингвистов. Восходит традиция к выдающемуся сочинению Г. П. Павского (1787–1863) — «Филологическим наблюдениям над составом русского языка», в двух прижизненных изданиях, принесшему автору Демидовскую премию и академическое звание.

Герасим Петрович Павский был студентом первого выпуска Санкт-Петербургской Духовной Академии, закончил курс первым магистром. Был назначен на кафедру древнееврейского языка, сделался видным гебраистом.

Свой специальный интерес к языку объяснял потребностью глубокого проникновения в смысл Св. Писания. В дальнейшем Павский исполнял также обязанности главного редактора в Российском Библейском обществе, а из своих собственных переводов он более всего ценил переводы книг Иова и прор. Иезекииля. Ему же принадлежит замечательный перевод «Слова о полку Игореве». С 1819 года протоиерей Герасим занимает кафедру богословия в новосозданном Санкт-Петербургском императорском университете, с 1821 — доктор богословия. Являлся законоучителем престолонаследника, будущего царя Александра Второго; прослужил воспитателем Пушкинского класса в Царскосельском лицее в течение года — Павскому посвящена запись на страничке, завершающей Пушкинский дневник.

В процессе исследования древнееврейского языка Г. П. Павский проникается интересом к своеобразию родной речи, что предопределяет его дальнейший творческий путь, на который он подвигается и волей жизненных обстоятельств. Следуя гебраистской традиции, но учитывая и достижения молодого сравнительно-индоевропейского языкознания, он в своих «Филологических наблюдениях» идёт к слову и речи, так сказать, от буквы. Задолго до А. А. Потебни и Бодуэна де Куртене, Г. П. Павский показал, что грамматическая форма есть значение (функция), а не звук. Преемственность этой позиции, развитая пражским структурализмом, не прекратилась и в современном языкознании. В соответствии с тем, как это позднее было чеканно сформулировано, Павского занимала не одна только сфера нашего владения языком, но и то, как «язык владеет нами», что согласуется с представлениями В. Гумбольдта:

«Язык есть не мёртвый продукт (Erzeugtes), а созидающий процесс (Erzeugung)»¹.

Исследователями отмечено стремление Г. П. Павского к изоморфному описанию фонетики и морфологии на основе принципа позиционного анализа и обращение к синхроническому изучению морфологии русского глагола. Павский отводит новую роль буквам ъ и ь, похожую на роль сонантов в системе индоевропейского вокализма Ф. де Соссюра: особенностью еров, как и индоевропейских сонантов, так называемых «сонантических коэффициентов», была их способность выступать то в виде согласных, то в виде гласных. Ещё Буслаев заметил, что «учение о гласности или полугласности букв ъ и ь относится к учению о придыхательности этих букв, как целое к части».

По отношению к постижению лингвистических сущностей Г. П. Павский занимал позицию естествоиспытателя. Работая в лингвистике как систематик, он сумел дать глубокий разбор системы современного ему русского языка. Русский язык изучается как родной: язык представлен в антропологической перспективе, т. е. совмещены точки зрения носителя речи и исследователя. Именно первая точка зрения становится конструктивным фактором: язык осмысляется через интуицию носителя речи, а не через внеположное ей знание учёного. Таким образом, он рассматривается не столько в аналитическом ключе, как материал, сколько в аспекте языкотворчества — целостно, как мир, моделирующий сознание и поведение носителей речи.

¹ ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 123.

На исследовательские конструкции Павского ориентировались славянофильские труды по русской грамматике, отличающиеся философичностью, тягой к постижению национальных основ грамматического строя русского языка, последовательным подчёркиванием связи языка и мышления. К Павскому примыкал и оппонировал ему Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Константин Аксаков (1817–1860) строил самобытную русскую грамматику¹.

На ниве, возделанной К. С. Аксаковым, славно потрудился видный грамматист Николай Петрович Некрасов (1828–1913). Николай Яковлевич Марр (1865–1934) вывел наметившуюся традицию на общезыковедческий уровень. Он искал продуктивный подход к проблемам возникновения и эволюции языка. В рамках академической науки корректная постановка указанных проблем представлялась едва ли возможной, для лингвистической же антропологии данные вопросы становились насущными.

Павский, судя по всему, руководствовался Бопповской теорией агглютинации; западные лингвисты указывают на прецедентное значение «Филологических наблюдений». Автор в них последовательно использует

¹ Примечательно, что в грамматике К. С. Аксакова специфическим образом предвосхищены некоторые аспекты художественного мира Достоевского. С лингвистической антропологией коррелирует христианская православная антропология, развёрнутая в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского (намечена к представлению исследовательская программа «Русская ПаГоДа»: Пушкин-Гоголь-Достоевский как сверхличность в русской литературе XIX в., воплотившая славянофильский почин; славянофилы восприняли учение Канта из первых рук; Мартин Хайдеггер явился вслед уже за Фридрихом Ницше).

методику позиционного анализа. Лингвистические воззрения Н. Я. Марра типологически сходны со взглядами Г. П. Павского и выкладываются для нас в обратной перспективе. Эволюция воззрений Н. Я. Марра такова: армяно-грузинская филология, языки Средиземноморья, языки Заволжья и Закамья, африканские языки, стадиальность, палеонтологический анализ, новое учение: четырёхэлементный анализ. Марр вплотную подходит — не успевает выработать — к аксиоматической базе собственного учения о языке. Пожалуй, сюда были бы отнесены представления об анализе аффиксов до отдельных членораздельных звуков — морфонем, об уровнях языка: лексико-синтаксическом, морфоносемическом (об автономном уровне грамматически значимых морфонем), о виртуальной единице морфоносемического уровня.

Можно набросать проект переиздания серии языковедческих трудов, практически не переиздававшихся:

- *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждения 1–3. Изд. 2. СПб., 1850.
- *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845.
- *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики; Несколько слов о нашем правописании; О русских глаголах; Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева // Аксаков К. С. Полное собр. соч. Т. 3. М., 1880.
- *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
- *Марр Н. Я.* Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб., 1903.

Совокупность этих несомненно преемствующих друг другу работ выполнена в традиции отечественного языкознания и до сих пор в достаточной степени не осмысленна.

В рамках академического языковедения язык как объект научного анализа должен быть отчуждён от своего носителя, вследствие чего, однако, он изучается как система, изъятая из обихода, из живой языковой практики. При таком рассмотрении разница между родным языком и иностранным нивелирована: язык описывается как лежащий вне сферы компетенции носителя речи. В рамках же исследовательской традиции, идущей от прот. Герасима Павского к Н. Я. Марру, язык представлен в антропологической перспективе, относительно носителя речи, в соответствии с его языковой практикой, с опорой на его компетенцию. Тут точка зрения носителя речи и исследователя совмещены.

Наука не может существовать без механизмов отчуждения и абстрагирования. Исключение здесь способна составить только наука о языке, ибо язык — едва ли не единственный научный объект, который может быть предъявлен нам в непосредственном наблюдении (как не разъятая и не отчуждённая целостность). Если обычная лингвистика, идущая путём отчуждения языка, лишает нас такого объекта, то отечественная лингвистическая традиция, экспонируемая в проектируемой серии, напротив того, позволяет воспользоваться уникальностью того предмета изучения, который представляет собой язык.

О СТИХАХ

Из <Идентификации> Елены Гуро

...носит её работа характер слишком больной, определившейся покорности к приходу новых понятий. Она их никогда не называет, она пользуется только шифром своим, чтобы дать возможность понять эти достижения. Кто не сумеет разобрать этого шифра — для того она окажется никогда не жившей.

(Ник. Асеев, в письме к М. В. Матюшину
от 4-го мая 1915 года)

Мне часто случается вдруг испытывать необъяснимое беспокойство, тоску тяжёлую и вместе приятную. — Это признак рождения высокой мысли, — так сказать, моральные потуги.

(Лев Толстой, записано на листочке
17–18 окт. 1853 г.)

<...> Тело мысли / мыслетело. Осуществление в себе — в мыслящем теле человека — мыслетела. Елене Гуро было не выразить этого терминологически, пора не созрела. Термин *мыслящее тело*, вариант: *мыслетело*, был

введён — Т. Я. Радионовой, в контексте научной концепции общей интонологии¹ — в наше время.

Целесообразно, следом, различить (языков-е/и-дчески: к бытованию членораздельной речи) *мыслящее тело* — о всякой твари, как носителе космической мысли, и *мыслетело* — орган языковой мысли, мысли специфически человеческой. Под *мыслетелом* мы намерены понимать являющуюся зерном языка — определённую нами на языковом материале — структурированную упорядоченную конечную последовательность членораздельных звуков и диффузных звукообразований, грамматически значимую, осмысленную, задающую собой первичный высказывательный комплекс (ПВК), представляющую собственно язык во всех его проявлениях². Язык, производящий речь.

Жизнь — сфера выражения космической мысли (интонационно, пластически; живое — носитель провидческой мысли Космоса). Человек — выразитель также языковой мысли, устремляющей в будущее, преобразующей, преображающей (мысли — в/при человеке, обладающем органом языкотворчества — мыслетелом): мысли, опережающей время. Мысли членораздельной — речемышления <...>

Это — скажем так — женское начало, ИНь. Теперь ЯН, начало мужское.

¹ Радионова Т. Я. Единая интонология: теория интонаре — теория бытия мысли // Единая интонология. Академические тетради: тринадцатый выпуск. М., 2009. С. 39.

² Мелкумян М. Р. 1) Интонологический профиль морфоносемии // Единая интонология. Академические тетради: тринадцатый выпуск. М., 2009. С. 298; 2) Как мыслит язык // Единая интонология. Академические тетради: тринадцатый выпуск. М., 2009. С. 348.

У Хлебникова в «Свояси» (1919), в тексте, осмысляющем собственные творческие свершения, содержится знаменитое положение: «В «Кузнечике», в «Бобэоби», в «О, рассмейтесь...» были узлы будущего — малый выход бога огня и его весёлый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днём, я понял, что родина творчества — будущее. Оттуда дует ветер богов слова». Так вот, с позиций новейшей лингвистики (в полном соответствии с заветным программным Хлебниковским: «...найти единство вообще мировых языков, построенных из единиц азбуки...») постижение ЦЕПИ в «Бобэоби» (перевёртыш ПЕВЦА) может представить следующим образом. Языковое построение, предваряющее и организующее складную членораздельную человеческую речь, состоит из цепочки букв-звуков, перемежающихся с нечленораздельными выкриками; буквы — первичные местоимения и предлоги, а выкрики — именованья (меты) вещей и явлений. Поэлементно огласуясь, огубляясь, подвергаясь регулярным перестановкам и сопряжениям, языковая цепочка преобразуется в речь. Доподлинно ГЗИ-ГЗИ-ГЗЭО!

Сердцевинная в языке предложно-местоименная цепочка (*s-k-m-w, такова её фиксация) — уж не предъявлена ли среди «агрессивных означающих» в ДЫР БУР ЩЫЛ-зауми как СКУМ? Это — в пику утверждению Дубравки Ораич-Толич на стр. 19 её книги «Хлебников и авангард», М., 2013 г.: «Текст Кручёных совершенно непонятен и потому за-умен, поскольку не существует никакой семантической системы, никакого кода, в котором он был бы понятен».

Наконец, Хлебников постигает подлинную — плоскостную природу языка, соразмеряясь поэтической речью с современной ему аналитической живописью, с живописью авангарда начала прошлого века. Или иначе: поэтическая речь, творимая, так сказать, на холсте художника, обретает первозданную языковую природу — будто возвращается в лоно языка, делается в определённом смысле адекватной. — «Так на холсте каких-то соответствий // Вне протяжения жило лицо».

Можно, разумеется, также додумать, что ЦЕПЬ — просто зубы. Что ж? — «если Гомер мог сказать о слове, что оно „как птица, вылетает из-за городьбы зубов“» (Есенин, в «Ключах Марии»)... А то у самого Хлебникова: «О числа... // Вы позволяете понимать века // Как быстрого хохота зубы». Во рту у нас язык без костей, вернее, положим, зубы, ртовая полость есть его, языка, внеположная костная среда: мы опять оказываемся у истока человеческой речи. И вот он ход от мыслящего тела к мыслителю языка, сотворяющему, по эстафете, речь. Речь сама не мыслит, она хранит мысль, мысль в речь упакована, из неё «вычитывается», пластически ею разворачивается. Мыслит — язык; языковая мысль — уникальна, но она и универсальна: многолика и многорука. Действительна. Воплотима. <...>

ВеХа

Средь декадентов хворый гений
смирненно языку внимал,
он слов атомы расщеплял,
высвобождая силу речи
энергией,
взамен картечи:
негэнтропийный идеал.

И если вдуматься, то в том
поэзии предназначенье;
она не складное реченье,
хотя б представленное тут, —
пусть виршей строчки и не лгут,
пусть даже больше: very good!..

Два этюда о Мандельштаме

*Да, МЫСЛИ. Но не СТИХИ за редкими исключениями.
<...> Они — никакая не «СЛОВЕСНАЯ МУЗЫКА» <...>
они имеют ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ характер.*

Пауль Целан¹

1. Бабочка

Великолепные сами по себе «Восьмистишия» Осипа Мандельштама в совокупности действительно выглядят тезисами, набросками, из которых предстоит возникнуть поэтическому тексту — скорее всего, труду в прозе, еще одному его, Мандельштама, «Разговору о...»: увы, не ставшая бабочкой — куколка бабочки. Что, собственно, до третьей октавы, она, определённо, о моменте рождения мысли. Поясню. — Язык, в отличие от словесной речи, порождаемой им, представляет собой сдвоенную цепочку членораздельных звуков с зиянием между звеньями. Возникает язык в связи с формированием способности — у человека — к членораздельному звукоизвлечению. До того у всей живности, в ней, т. е. в составе живого, жизни, присутствуют обязательные мыслительные два блока, состыкованные, обеспечивая возможность пребывания живых существ в мире, их окружающем: к ориентации в пространстве и к различению всего и вся — двуединый состав схожих автономных инструкций (пример иного рода инструкции —

¹ Из текста передачи для Северо-немецкого радио 19 марта 1960 г. (Поэзия Осипа Мандельштама // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 2013. С. 397–398).

к исполнению вышнего завета плодиться, размножаться). Итак, всё живое снабжено перво-мыслью: непременно мыслит. Стык между мыслительными блоками, двумя звеньями перво-мысли, Логоса — зияние; оно преодолевается «на-одном-уровне-с-членораздельностью»: над зиянием складывается глагол (часть речи) — воистину «мост над бездной» — порождается человеческая речь, Логос оборачивается Языком, речь порождающим — автономным внутри нас мыслителем, вслед за мыслящим телом нашим, как живого существа, ведающим, теперь уже, рече-мышлением, зачинающим цивилизационное развитие человеческого рода на Земле.

В представленном контексте миссия поэта выглядит следующим образом: поэт сам собой встроен в Логос, между двумя мыслительными блоками, мостом на месте зияния, то есть — себя размещает в зиянии, обеспечивая собой языкотворчество непосредственно. Два мыслительных блока, два звена перво-мысли — крылья бабочки, её экзоскелет. По слову Пауля Целана: «В стихотворении — не передача сообщения, в нём — передача себя»¹. Язык поэтом создается сызнова, поэт — глаголет. И опять Целан: «Поэзия же — это то в языке, что является судьбоносно однократным»². Наконец, тот же Целан пишет о поэзии как способе ориентации: «...их (стихов) Откуда и Куда — вопрос „остающийся открытым“, „не ведущий ни к какой цели“, а лишь увлекающий в открытое и доступное, в пустоту и в зияние»³ — «Именно это напряжение между двумя временами, собственным и чужим,

¹ Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 2013. С. 471.

² Там же. С. 459.

³ Там же. С. 398.

сообщает мандельштамовскому стихотворению то беззвучно-болевое Vibrato, по которому мы его безошибочно узнаём. Поэт — человек, для которого язык — это всё, происхождение и судьба <...>»¹. Немецкий поэт рассказывает о стихах Мандельштама так, будто комментирует неведомую, заведомо ему неизвестную — морфоносемическую формулу языка. Потому-то и бабочка — душа. Архетип.

2. Сталин

Феллини снимает «Амаркорд» в декорациях на киностудии «Чинечитта» в Риме, хотя Римини его юности неходится неподалёку и со временем вряд ли сильно изменился. И Достоевский в Санкт-Петербурге, на его улицах, лестницах, в домах и квартирах продолжает небось разыгрывать сцены из представлений московского своего детского домашнего театра. Отвлечёмся ли от того обстоятельства, что Достоевский рос в самом что ни на есть петербургском углу Москвы (музею Достоевского следует, пусть в макете, воссоздать для посетителей утраченные сравнительно недавно окрестности московской Мариинской больницы), от знаменитого въезда юного Фёдора Михайловича из Москвы в Петербург — на Невский мимо конных Клодтовых близнецов — и за угол по Литейной... к той же Мариинской? Белинский, выскажемся пристойней, продулся с Достоевским «Двойника», так как, по-видимому, недообозначил для себя преображенческое дарование Гоголя в каждом слове художественного

¹ Там же. С. 401.

письма: от Пушкина, Гоголя к Достоевскому вырабатывается метод фантастического реализма.

Мандельштам в путешествии в Армению, к Горе, обретает прародину. Армянская речь усваивается им по учебнику Марра, наставниками по орфоэпии, судя по замечанию о произношении армянского «голова» (глух — с мягким «л»: «тот же корень, что по-русски») являются карабахцы. В стихотворении «Фаэтонщик» — беспрецедентная для того времени информация, сообщение об очередном погроме в Нагорном Карабахе. Для поэта в этом стихотворении важно событие, ВСТРЕЧА, разгадка феномена Сталина, явившаяся ему озарением: поэт встречает вождя в погонщике лошадей. Коллеги, друзья-писатели, размышляют над образом вождя, пытаются постичь его умозрением, а тут вдруг является перед тобой ОН, собственной персоной. После этого становится возможным «Мы живём, под собою не чуя страны...» и не кажется сему противоречащей Ода. Так, для Пушкина «Гавриилиада» — никакое не святотатство, а свидетельство его глубинной православной религиозности, прозрение-узрение. Вольно было вождю среди ночи звонить растерявшемуся со сна, сбитому с толку Пастернаку... Слабо было ему постучаться, наведаться к Мандельштаму — самому? — смотришь, с глазу на глаз и разобрались бы.

Касаясь Хайдеггера

Согласно Хайдеггеру, Кант, полагая, что разбирается с Бытием, выяснял, что такое есть язык. Но как ни проныцателен был Хайдеггер в своем анализе, Канту удавалось ни на миг не терять Бытия из виду, ибо Хайдеггеру

языком представлялась речь, а другой возможности ему не представлялось. В результате человек у Хайдеггера соделался переменной, неким иксом

(Христос-матрос Блока — в ожидании Другого...

да: Бог и Ничто! <Логос>;

державинское «Я царь — я раб — я червь — я бог»).

И, однако, человек Dasein сказывается у позднего Хайдеггера в речи, теснейше приобщённой к языку (для Хайдеггера это поэтическая речь Тракля, Гёльдерлина, Рильке), отражающей рельеф (облегающей пространство) малой родины. — Поэты получают первотолчки к соТворению «свыше», из языка, и велика магия их первых стихотворных строчек, а далее поэты пробираются речью, и затем судьбу поэтической вещи решают культура, одарённость, прочие качества и обстоятельства. — Пример из крымских стихов лета 1978 — Виктора Кривулина, присланных с письмом М. Ю. Ивашинцовой:

где трещина, там речь. Расколота глыба.

О, камень голоса — античные черты.

У гипсовой улыбки, у изгиба

мелькает змейка темноты

волосной источник смысла...

Далее — темно, но вступает Пауль Целан: «...темнота, если присуща поэзии, то, пожалуй, придана ей ради какой-нибудь встречи...». И встреча бы для нас состоялась, но на тропе реализма — «фантастического»... Ежели произволу речевому отдаваться.

ЯЗЫКОВЫЕ ШТУДИИ

Хотя лингвисты всяко судят-рядят о языке и речи, постижение языка остаётся вне разумения лингвистической науки, всецело посвящённой изучению и устройству речи. Соответственно вне пределов лингвистики постигается и мышление. Обратимся к взгляду философа. А. В. Гулыга о том, что занимало Канта в пору первой Критики: «В главном труде Канта, хотя и нет специального раздела о языке, но чётко обрисована сфера, в которой язык находит своё применение. ... Между чувственными данными и абстрактными понятиями Кант обнаружил промежуточную сферу, которую назвал трансцендентальной схемой. ... „Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека“ (В. фон Гумбольдт) — без языка „представление не может стать понятием“ (он же)». На Канта опирается Гумбольдт в своём утверждении: «Язык целиком зависит от бессознательной энергии» (по Канту, бессознательное — „акушерка мыслей“»). И далее Арсений Гулыга предполагает, что Кант, возможно, не связывает продуктивную деятельность воображения строго с языком потому, что «бессознательные компоненты мышления оказываются шире пределов языка». Дело, однако, в неразграничении, в смешении понятий языка и речи, каковое присутствует

в представлениях о занятиях и предназначении научной дисциплины лингвистика от самого её основания до наших дней. Решимся предложить дефиницию: язык человека есть первоначальная вселенская мысль, заданная членораздельно к развитию речемышления на всём множестве человеческих наречий, а иначе говоря — Логос (то самое сущее первоСлово). Один язык (единый, тот же) — в речевом многообразии: неявен — выявляем (задан), пронизывает, прошивает речь всякого народа, в народной речи растворён. То, что в лингвистике, однако, называют языком, есть духовное основание, подоплёка речи; но изучают-то — речь. Родной язык — (обще)человеческий, язык человека (лингвистическая антропология). Родная речь — ветвление по стволу языка; к сему — антропологическая лингвистика. Должно бы так.

Можно полагать, что отношение между языком и речью то же, что между Мыслью (первомыслью — Логосом) и мышлением. Мысль (язык) единит всё живое (равно — мыслящее; всё живое причастно к Мысли), мышление (речемышление) — удел человека.

Наметим исследовательские направления в сфере, так сказать, языковидения:

а) сопоставительная грамматика в глубинном развороте (в отличие от сравнительной) — синтез возможных морфематических построений на разных путях речемыслительного развития. Морфологический состав речемышления создается до наличествующего. Тут намечается контур сопоставительной стилистики;

б) Пушкин-Гоголь-Достоевский как целостная духовная сверхличность в корпусе русской литературы 19-го века (исследовательская программа «Русская Па-ГоДа»). Постигание этого единства предугадывается

в Пушкинской речи Достоевского, начальным ключевым словом которой является самосознание. Наследуя друг другу, запрашивая язык, три писателя создают фактически свертхтекст, действительно способный и заслуживающий быть современным Евангелием народа-богоносца. Отметим попутно присутствие летучей тени Вильгельма фон Гумбольдта в разделах гл. 3 «Дневника писателя» за 1876 год, июль–август, «Русский или французский?» и «На каком языке говорить будущему столпу своей родины?», а также то обстоятельство, что наставником пушкинского лицейского класса был первый выпускник СПб Духовной академии, гебраист Герасим Павский, впоследствии выдающийся русист, основатель отечественной традиции лингвистической антропологии, в русле которой выстраивается обсуждаемое тут исповедание языка. Можно показать, что составляющие элементы строго грамматического учения Константина Аксакова, следующего установкам Павского, предваряют понятийный состав мира Достоевского: одно-однозначное соответствие;

в) пантомимический спектакль по известному литературному произведению, как искусство коллективного чтения: хоровое мим-действие. Собственно пантомима следует внутренним формам, обнаруживаемым в лексико-синтаксическом ряду художественного текста, на котором она основана. Атмосфера: в музыкальном сопровождении, оформлении и прочем учитываются авторские прямые подсказки или сведения, почерпнутые из документальной биографии автора произведения. В этом ключе в Студии пантомимы Евгения Низового при Московском Доме культуры и техники ставился в 1978 г. спектакль «Крейслериана», по произведениям Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

Крейслериана. Спектакль-пантомима

Литературно-музыкальная композиция по Э.-Т.-А. Гофману. Сцены размечены по изданию «Библиотека всемирной литературы», 1967.

- 1-я вариация. Andante. — «Золотой горшок».
- Ансельм на берегу Эльбы. Змейка с тёмно-голубыми глазами.
Стр. 400 (середина: «Вдруг раздался какой-то шёпот...») — 401 (конец).
 - Старуха и Вероника. Ворожба в поле на перекрёстке («живая картина Рембрандта или Адского Брейгеля»).
Стр. 435 (начало: «Когда они вышли в поле...» — конец: «... визжал и вскрикивал...»), 437 (середина: «...Вероника должна была в мучительном страхе...») — 438 (начало: «...в своей кровати...»).
 - Ансельм у Вероники. Конректор Паульман, регистратор Геербранд.
Стр. 447 (середина: «Только проснувшись...») — 449 (конец: «“Сerpентина, Вероника!” — вздохнул он»), 459 (начало: «Вчера, после того...» — конец: «...всем его экзерцициям»).
 - На пороге Линдгорстова дома. Ансельм под стеклом.
Стр. 407 (середина: «Студент Ансельм был искренно рад...») — 408 (середина: «...быть в стекле!»), 454 (начало: «...пусть твоё живое воображение...») — 455 (конец: «...на дорожку Сerpентину»).
- «Дон-Жуан» Моцарта: увертюра и интродукция (до «Смерти Командора»). «Ифигении» Глюка.
- Примечание:* Крейслер — капельмейстер; он же — Ансельм.

Затемнение.

- 2-я вариация. Allegro. — «Песочный человек».
- Клара и Натанаэль.
Стр. 535 (середина: «Но в эту минуту образ Клары...» — конец: «...богатый, весёлый ландшафт»), 537 (начало — конец: «...в гнев убежал в свою комнату»), 539 (начало: «Он тотчас вынул тетрадь...» — середина: «...воскликнула она, рыдал»).
 - Натанаэль и Олимпия.
Стр. 544 (начало: «Нельзя было не восхититься...») — 546 (начало: «...необъятное сияющее небо»), 547 (середина: «Натанаэль совсем позабыл») — 548 (конец: «полетел к Олимпии»).
 - Скандал с кукой-автоматом. Сумасшествие Натанаэля.
Стр. 548 (конец: «Топанье, звон, толчки...») — 550 (начало: «...перевезти в дом сумасшедших»).
 - Высокочитимые господа и дамы.
Стр. 550 (конец: «Профессор поэзии и красноречия...») — 551 (начало: «...отвести от себя всякое подозрение»).
- 1-я часть 5-й симф. Бетховена. «Коппелия» Делиба.
«Дон-Жуан»: конец интродукции («Смерть командора»), 1-я часть 14-й («Лунной») сонаты Бетховена.

Затемнение.

- 3-я вариация. Скерцо. — «Житейские похождения кота Мурра».
- Кот Мурр встречает маменьку Мину.
Стр. 72 (середина: «Стояла жаркая погода...») — 76 (начало: «...припас её только для себя»).

- Явление Крейслера Юлии и Гедвиге.
Стр. 77 (начало: «...Юлия последовала за принцесой...») — 83 (конец: «...роль в "Арденнском лесу"»).
- Мартовские иды кота Мурра: Мисмис.
Стр. 184 (конец: «Наступили мартовские иды...») 190 (начало: «Ты...»).
- Крейслер беседует с советницей Бенцон.
Стр. 90 (начало: «(Ман. л.)...») — 95 (конец: «...своего конька...»).
- Мурр беседует с Понто.
Стр.134 (начало: «Мы медленно зашагали...») — 137 (начало: «...гнушаются мной»).
- Любовная трапедия: Гедвига — принц Гектор — Юлия — Крейслер.
Стр. 193 (начало: «И вот принц Гектор...») — 194 (конец: «...велел подавать карету»), 295 (конец: «Ах, — сказала Юлия») — 297 (конец: «...обжог губы Юлии»), 209 (середина: «Пока мы можем лишь...») — 212 (середина: «...всё уже позади!»).
- Сообщение кота Муция. Любовный треугольник: Мурр — Мисмис — Пёстрый.
Стр. 204 (середина: «Однажды меня посетил» — 206 (конец: «...приналёг на искусства и науки»), 256 (середина: «Действительно, вскоре Пёстрый...») — 260 (начало: «...полученные побои»).

Танец «Кота и Кошечки» из «Щелкунчика», ещё трижды затем прерывающий «Крейслериану» Шумана.

- Дуэт Крейслера и Гедвиги: «Любовь артиста». Пение Юлии. // Параллельно: Мурр-юная Мина-Мисмис.
Стр. 164 (середина: «—Это значит,—...») — 166 (конец: «...но и ему не приносит счастья»), 147 (конец:

«Крейслер не в силах вымолвить ни слова...») — 148 (середина: «...из растерзанной груди».);

Стр. 306 (конец: «Кто не знает...») — 309 (начало: «...не было никаких раздоров»), 201 (конец: «—Ах! —...») — 202 (конец: «...в моём вкусе»).

Дуэт-баркаролла из «Сказок Гофмана» Оффенбаха (в вокальном и инструментальном изложении).

Затемнение.

4-я вариация. Финал. «Крошка Цахес».

— Бальтазар у Кандиды.

Стр. 583 (начало: «Бальтазар решил...») — 584 (конец).

— Скрипач Сбьокка.

Стр. 588 (начало: «—Я играю...» — конец: «...как с ума-лишённым»).

— Циннобер разоблачён.

Стр. 625 (конец: «В освещённой сотнями свечей...») — 628 (конец: «...небесным блаженством и восторгом»).

— Свадьба Бальтазара.

Стр. 641 (конец: «Свадьбу Бальтазара справляли...») — 642 (середина: «...и сладостное благоухание»).

39-я симф. И увертюра к «Свадьбе Фигаро» Моцарта.
Актёры выходят на вызовы. — *Антракт.*

II. Tintinnabuli (Колокольчики).

1. Calix (чаша, кубок). — «Золотой горшок».

Стр. 466 (середина: «С тихим шелестом...») — 467 (конец).

Аарво Пярт, Tintinnabuli, ч. 1-я.

Примечание: Акробатический этюд «Женщина-змея».

2. Modus (мера, длина, ритм, предел, образ, способ).

— Школа пантомимы.

Пярт, 2-я часть.

3. Проспер Альпанус. — «Крошка Цахес».

— Выезд (стр. 592, середина: «В небольшом отдалении...» — конец: «...приветливо им кивнул») — Фабиан и Бальтазар (стр. 598, конец: «Тут отворилась дверь...» — 601, конец: «...описывал большие круги», 602, середина: «— И так, —...» — 603, конец). Фея Розабельверде (стр. 610, начало: «Доктор Проспер...» — 613, конец: «...счастливо и беспечно»).

Пярт, части 3–7.

Примечание: Пантомимические фокусы, т. е. без предметов — лишь пластика; состязание с феей: фея исчезает — «чёрное на чёрном» (фокусы с женщиной-ассистентом: исчезновение из сундука, четвертование и др.), исчезновение в световом столбе и т. п. Сценические эффекты.

4. Маэстро Абрагам Лисков. — «Кот Мурр».

Примечание: Переход от 3-й картины — без перерыва; д-р Альпанус превращается в маэстро Абрагама. — Феерия в парке (стр. 52, середина: «Празднество началось...» — 53, конец: «...в крошечной тьме»).

41-я симф. («Юпитер») Моцарта.

Затемнение.

— Маэстро Абрагам, Кьяра — Северино (стр. 176, начало: «...на стене, как раз против двери...» — 179, середина: «...тайны его ремесла»; 181, начало: «Ах!» — середина: «...для моей малютки»).

Примечание: Симметричное построение. Кьяра отражена в «зеркале». Северино обращается к зеркальному двойнику «невидимой девушки», а Абрагам обращён

к той, которая перед зеркалом. — Сцена с «зеркалом». Дуэты из «Жизели» Адана. — «Путешествие Зигфрида по Рейну» из пролога и «Траурный марш» из 3-го действия «Гибели богов» Вагнера.

5. Сансара-нирвана. — Асаны.

2-я часть 32-й сонаты Бетховена. Примечание: Сцена постепенно наполняется ликующим светом; незаметно включается освещение в зале. Такты перед окончанием музыки ещё осенены сиянием, но затем вдруг свет на сцене растворяется. В сумерках актёры спокойно покидают сцену и не выходят на вызовы. Зал освещён.

Конец.

Отклонение от темы языка только кажущееся: языку в членораздельном варианте — человеческом — соответствует/предшествует язык телесный, пластический: им владеет отродясь всё живое — тут она и есть, пожалуй, заявленная Кантом схема универсальной деятельности, «номограмма чистой способности воображения *a priori*»; это же — предмет исследования основанного Т. Я. Радионовой научного направления Единой интонологии, теории бытия мысли. — В подтексте Гессевской «Игры в бисер» обнаруживаем три балетных либретто, переплетение танцевальных сюжетов. — «Моби Дик» Германа Мелвилла может быть предложен для сценического воплощения пляшущим под музыку дункановкам-босоножкам, но их выходу должен будет предшествовать основательнейший курс американоведения: рельеф, растительность, народонаселение, наречия, быт, культура, литература, экономика, промыслы, мореплавание (плюс практикум на местности — в путешествиях

по стране) — после чего танцовщица вправе, наконец, выпорхнув на сцену, пробовать импровизировать, под музыку Чарлза Айвза, замысел великого романа.

г) Строгость естественных наук обеспечивается применением в них математики, методов моделирования. Между тем (родная) речь — чуть ли не единственный в научном обиходе объект, доступный непосредственному наблюдению. «Алгебраические» выкладки от ПВК до грамматического пунктира текущего состояния речи — трансформационная картина развития — сходны с биохимическими преобразованиями в молекулярной биологии. О «Филологических наблюдениях над составом русского языка» зачинателя отечественной традиции лингвистической антропологии Г. П. Павского говорим, что в них над позицией ученого возобладали естествоиспытательский взгляд носителя родной речи. В названном труде грамматический материал складывается/формируется побуквенно, аксиоматически. В перспективе возникает вопрос о возможности перевода теоретического естествознания с математических рельс на рельсы языковые: вопрос о замене формализма.

д) В свете Единой интонологии — теории бытия мысли — живое в земном космическом пространстве мыслит — пластически, поведенчески — оно общается, человеку же дана возможность членораздельного произнесения сердцевинной (определяющей строение Вселенной, социума) мысли, и тонкая материя членораздельности далее уже обеспечивает развитие мысли собственно человеческой. Но если членораздельная речь выделяет человека из среды животных, противопоставляет его прочим живым существам, то сама языковая способность, будучи присуща всему живому

изначально, нас с живыми тварями объединяет. Человек, пожалуй что, свыше призван языковыми путями подтянуть до себя зверя. — Ответственность за всё живое на Земле осознаётся в качестве природной миссии человека, особо уясняемой и в связи с предвидением поры всеобщего братства выдающимся религиозным мыслителем Н. Ф. Фёдоровым. Можно даже предположить восполнение выдвинутой им воскресительной идеи с подключением языковедческого подраздела в состав философии общего дела. Если на одном из путей реализации проекта возникает русский космизм (звёздные миры над нами), то на другом должен бы также моральный закон в нас проявиться.

Часть 2

АРМЯНСКИЙ ГЛАГОЛ — МЕЖУРОВНЕВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

Введение

Являясь лингвистически релевантной языковой единицей, предложение, в свою очередь, вычленяется из сверхфразового единства, в котором оно бытует как элемент содержания. Формальную завершённость сверхфразового единства затруднительно установить, предложение же, несомненно, есть формально завершённая языковая единица. Что составляет языковое, но не конкретно референционное содержание ситуации, обозначаемой предложением? Таким образом, мы намечаем определить языковую единицу в неразрывности формы и содержания, причём поиск направляем вглубь предложения, как манифестации искомого, намереваясь вскрыть искомое на морфоносемическом уровне — выявить лежащую в основе предложения устойчивую значимую морфоносемическую структуру. Языковая единица оказывается представленной на двух автономных уровнях. Слово, принадлежа лексико-синтаксическому уровню, тождественно предложению, из которого

выделено, оно знак целого, одна из его сторон¹. Морфология — учение о формах отдельно взятого слова — чётко отграничивается от морфоносемики. Морфонема, в отличие от морфемы, связана не со словом, а со структурой морфоносемического уровня; на лексико-синтаксическом уровне морфонема мобильна, одинаковые морфемы встречаются в разных позициях, в различных разрядах слов и в разных словоформах; морфема, неразложимая на лексико-синтаксическом уровне, как правило, распадается на морфемы, сочетанием которых должна объясняться её лексико-синтаксическая и семантическая потенция. Морфоносемический анализ приводит не к отдельному элементу, а к структуре или к системе. Синтез, соплагаемый с морфоносемическим анализом, сводится не к порождению множества предложений, а к самозарождению системы языка. Итак, мы приходим к предположению о существовании оптимального морфоносемического кода системы языка.

То, что язык имеет двойное выражение, очевидно. Не очевидно другое: что язык семантически организован

¹ Иное дело, слово, морфема, фонема, выделенные посредством теоретико-множественных процедур — элементы, не полагающиеся двусторонними лингвистическими сущностями. Синтез предложений из этих элементов по схемам порождающей грамматики (ПГ) осуществляется механистически в направлении, обратном процедурам разбиения, т. е. программа всякой ПГ-сборки уникальна. В ПГ нет необходимого звена — не постулируется языковая единица, отсутствует план содержания, так что само порождение оказывается тавтологией и ПГ-комплекс сводится к списку типов порождаемых предложений, т. е. исчерпывается представлением для них же результатов теоретико-множественного анализа.

и на звуковом уровне, что лексико-синтаксическое содержание надстраивается над морфоносемическим содержанием, — неочевидно, что язык имеет двойное содержание. Постулируемая ниже кодовая структура — минимальная высказывательная цепочка, лежащая в основе грамматического предложения и определяющая иерархическую организацию грамматических категориальных форм языка, — это комплекс, состоящий из пары сопоставленных непредикативных фраз морфоносемического уровня. Кодовая структура понимается нами как формула первичного высказывательного комплекса (ПВК): формула изображает сообщение, задающее пространственную ориентацию друг относительно друга и относительно наблюдателя некоторых объектов. С другой стороны, ПВК — текст, являющийся продуктом диалога: формула содержит реплику и отклик, подтверждение (в социальный механизм понимания, без которого говорение ещё не есть речь, должны входить интериоризованный повтор и внутреннее разворачивание сообщения). Образование текста обусловлено постоянным нарушением тождественности отклика реплике, случай же их принципиальной идентичности соответствует способам зоокоммуникации. Вообще говоря, не существует возможности интерпретировать формулу ПВК, при сохранении его статуса, иначе как посредством структурно организованной цепочки членораздельных звуков, наличие каковой и было, по-видимому, в действительности уникальной предпосылкой возникновения естественного языка: морфоносемический код материален. Код «прочитывается» самим нарождающимся языком, т. е. кодовая цепочка является строевой единицей системы языка: функционирование системы есть регулярное

воспроизводство кодовой структуры — репликация и переструктуризация. Находящаяся в динамическом равновесии звуковая структура — одновременно и план построения, развития, и план строения, организации, она же и строительный материал¹.

Предвосхищение идеи языкового кода находим у Гумбольдта и его последователей и, в частности, в известном соссюрдовском утверждении, что знаки — не субстанция, а система отношений. Тем самым провозглашается интерес к форме как содержательной форме, т. е. интерес к генезису. Внутренняя лингвистика де Соссюра («внутренним является всё то, что в какой-либо степени видоизменяет систему») должна быть посвящена реконструкции не системы вообще, а конкретной уникальной системы, хотя и мыслится она шире, нежели языковая, — семиотической системы. Форма содержательна — следовательно активна. Языковая единица (знак) неразложима², язык «мыслит», поставляет содержательный тезис. Первоначальное содержание не стирается, а сохраняется

¹ Синтез не есть опрокинутый анализ. Полная картина анализа включает исследователя, а синтез должен быть осуществлён без его участия как самоорганизация, самозарождение языка. Механизм синтеза — ряд сменяющихся состояний, тактов порождения, а не сумма аналитических кирпичей. В конечном счёте, категориальное богатство языка восходит к одной структурной формуле. К однократным процессам восходят и языковые навыки: так, механическим навыкам синхронических трансформаций предпослана генетическая схема переструктуриаций в формуле ПВК.

² Говорить о фигурах можно, если считать означаемыми референции. Не реконструировать знак как имманентную сущность, а брать денотативное значение; имеются в виду иные знаки, иная плоскость — внеязыковая.

в форме неявно и именно над ним надстраивается новое содержание, то есть происходит вовсе не новое осмысление формы, а переосмысление старого её содержания. Форма в языке неизменна, извечна¹, изменчив и богат надстраивающийся мир означаемого: природа содержания в речи — «слоистая». В этом речь сродни искусству². Относительно языка (структуры морфоносемического уровня) речь является вторичной знаковой, моделирующей системой.

В чём морфоносемическая структура себя проявляет? В существовании на разных уровнях становящихся содержательно богаче взаимно подобных грамматических категорий. Таковы подобие друг другу аффиксальных категорий в агглютинативной цепочке тюркского глагола (т. н. аффиксальный плеоназм), рефрен флексивных

¹ Извечный круг воплощений формы очерчен схемой переструктураций в морфоносемической цепочке. Языковое строительство протекает как постоянный процесс созидания структур второго уровня; при этом непрерывно наращиваются морфемные компоненты. Нарощенные компоненты не расформировываются и, либо продолжают своё движение на морфологическом уровне, обретая там некоторый функциональный статус, либо «выбрасываются» на лексико-синтаксический уровень в качестве морфем и включаются в разнообразные морфологические композиции. Происходит напластование морфем и накопление морфем.

² «Мысль требует чисел, линий, симметрии движения в пространстве и времени и этим сама убивает себя ... Она подводит всё под требования симметрии, непрерывности, круга и приходит к мысли, а сущность предмета оставляется. Однако искусство не знает ни условий времени, ни пространства, ни движения, — одно искусство, всегда враждебное симметрии, кругу, даёт сущность» (Толстой Л. Н. Записные книжки, 1870 г. // Толстой Л. Н. О литературе. Статьи, письма, дневники. М., 1955).

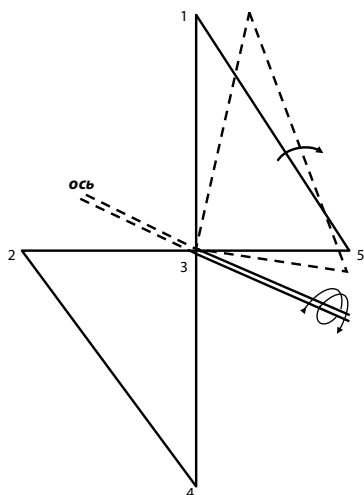
категориальных форм в аналитических формах, взаимоотношение глагольных окончаний и местоимений, предлогов и глагольных приставок и т. д. Интересно соотнести агглютинацию и флексию: флексия сопровождается укрупнение структуры, становящейся из морфоно-тактической морфосинтаксической; в начале оказывается, так сказать, аплютинативная фраза. С другой стороны, противопоставление семитского и индоевропейского корней разрешается точечной структурой «агглютинативного» тюркского корня. В пользу «агглютинирующей» морфоно-семической структуры свидетельствует панхронический сопоставительный анализ разноязычного материала.

Мы специально займёмся глагольной конфигурацией, в дальнейшем она будет изучена подробно (конфигурационный анализ — разновидность морфоносемического анализа). Возьмём для первого приближения глагольный узел по терминологии функционального синтаксиса Л. Теньера (ядро, актанты, сирконстант). Будем рассматривать глагольный узел как непредикативную единицу строя предложения с актантами и сирконстантом в качестве вакансий. Установим ещё одну вакансию — место, занимаемое глагольным словом; заданный так узел получает статус структуры морфоносемического уровня. Ядром узла на морфоносемическом уровне является связка. Можно считать, что предложение образует предикация узла с замещением вакансий на лексико-синтаксическом уровне; глагол по занимаемой им вакансии — присвязочное слово. В разряд присвязочных слов входят предлог и прилагательное, замещающие соответствующие вакансии в предикациях предложного и атрибутивного узлов (определённых по аналогии с глагольным). В синтагматической цепи русского или немецкого

предложения предлог занимает постглагольную позицию, подкрепляя, конкретизируя связочную функцию, осуществляемую в глаголе; предлог обычно перекликается с глагольной приставкой. В индонезийском предложении предлог (или предложную морфему) обнаруживаем в позиции глагольного суффикса; ср. также китайский глагол-предлог. Морфоносемические пересечения прилагательного и глагола, рассматриваемых, как правило, в иерархии категориальных форм, — общеизвестное языковое явление. Сирконстант глагольного узла содержит предложную, атрибутивную, глагольную морфему наряду с падежной: в обстоятельном маргине предложения присвязочные компоненты и имя существительное сплавляются побочным словообразовательным процессом, как бы дополнительной предикацией — таково объяснение совокупной морфологии наречий. Местоимения на местах актантов морфоносемически перекликаются с глагольными суффиксами и окончаниями; в иных языках эта перекличка находит регулярную синтагматическую реализацию в системе классных показателей. Наконец, и семантическая классификация падежных форм (замещающих вакансии актантов и сирконстанта) может служить выявлению синтаксического инварианта предложения либо даже морфоносемического инварианта глагольного узла; при этом соположение присвязочных слов позволяет обозначить диахроническую перспективу в способах выражения связочной функции¹.

¹ Адекватная порождающая модель: параллельное нанизывание морфем вдоль схемы предложения с «пультом управления» в глаголе (морфологическая структура глагола отображает состав

Выявление автономного уровня бытования языка равнозначно утверждению ещё одного аспекта языковых явлений.

На чертеже: 1 — структура (система) языка, 2 — речевая деятельность, 3 — речевой материал (совокупность сообщений — текст), 4 — внеязыковая действительность, 5 — языкотворческая деятельность (образование системы языка). В исходном положении треугольники 1–3–5 и 2–3–4 совмещены: 2 совпадает с 5 и 1 с 4 — (1 — это тоже внеязыковая действительность¹), речевая

и грамматику предложения). Ср. концепцию грамматики порядков Г. Б. Джаукяуна.

¹ В 1 нет отражения — структура задаёт не топографию, не слепок с окружающего пространства, а схему со-общения (ориентирования). С самого начала отсутствует иконичность — это и есть

деятельность понимается как коммуникация, которой поставлена в соответствие схема коммуникации, а внеязыковая действительность — как содержание коммуникации, которому в соответствие ставится структура сообщений (их состав). В исходном положении внеязыковая действительность ограничена рамками коммуникации, сводится к коммуникации; однако, внеязыковая действительность определяется также расширяющимся вне-языковым опытом, исходный треугольник неизбежно расслаивается (на чертеже 2–3–4 отслаивается от 1–3–5, поворачиваясь по часовой стрелке вокруг оси с винтовой нарезкой, ось перпендикулярна плоскости чертежа): речевая деятельность оказывается волевым актом применения 3 к 4, языковая продукция (образующаяся система языка) производится объективным, не контролируемым говорящими, механизмом переструктуриации, т. е. применения речевого материала к I.

Если минимальная высказывательная цепочка — это реальная структура морфоносемического уровня (и нужно подразумевать далее соответствующую нейрофизиологическую структуру), если прослеживается развитие морфоносемической структуры до сущностей лексико-синтаксического уровня, то возникает вопрос: а существовало ли общение посредством минимальных звуковых структур? Этот вопрос — вопрос о взаимоотношении теории объекта и его действительной истории — нам придётся оставить открытым. Исследование языковой материи ведёт к познанию сокровенной конституции языка, такое исследование является

предпосылка абстрактного мышления. Но первоначально действительность отождествлена с миром языка, и внеязыковой опыт организуется схемой коммуникации.

естественно-теоретическим, но не историческим, однако, оно предпосылается историческому изучению. Ведь историческая концепция чаще всего интерпретирует засвидетельствованные факты, а интерпретация, по крайней мере, должна быть теоретически сообразной. Например, кажется привлекательным предположение о том, что нынешнему языковому состоянию мог предшествовать раннечеловеческий язык жестов. Мы видим, что для естественного языка быть языком звуковых структурных цепочек — необходимое и принципиальное условие. В то время как язык жестов не способен эволюционировать (разве что с самого начала это звуковые жесты). В действительности, проблема намного сложнее¹. Развитие всякого организма (вида) нельзя полагать непрерывным. Положим, возможности непрерывного биологического развития весьма ограничены. Эволюция движется скачками, с отдельной особи переходя на целостную совокупность и обратно, а при этом качественно изменяется характер эволюции². Так, развитие человека шло

¹ Преемственность возможна, но не непосредственная, а эстафетная. Языку могли эстафетно предшествовать не жесты, а «ритуальные» телодвижения. По-видимому, всякий естественный эволюционный процесс предопределён двойным наследованием, существованием двух предшественников: от одного непосредственно берётся материал (структурное целое включающегося в эволюцию явления-предшественника «наследуется» как материал), от другого по эстафете передается функция — наследуется традиция, культура.

² Когда мы говорим, что русский литературный язык есть непрерывное развитие церковно-славянского, указываем на преемственность церковно-славянского и древнерусского языков, мы экстраполируем, как непрерывный, переход от старой организации к новому организму. На самом деле литературный язык возникает из совокупности предпосылок, включающей и субстратный

по биологическому пути — затем вдруг пошло по ноологическому: в этом состояла суть качественного скачка. Биологически нечто не развивалось, а, наоборот, атрофировалось, исчезало. Социальное появилось не из ничего, а было задано как стадность, в статике; оно зажило, динамизовалось (переструктуризация). Социальное из характеристики множества превратилось в характеристику каждой отдельной особи (стало её содержанием)¹. Способ общения, цементирующий биологический коллектив, составлял периферию биологической конституции отдельной особи, но он стал истоком и центром, социальной конституции Человека Мыслящего². Язык коллектива стал языком индивидов, т. е. из средства связи превратился в орудие мысли³.

язык, но не только его, и, тем более, — не из него. Новый язык вырастает не из субстратного, но сменяет его, как бы принимает эстафету. Субстратный язык не исчезает, а переходит в инобытие.

¹ Когда естественная организация стада пересаживается в голову каждого его члена как общественное, стадо распадается биологически, но как общество, как система — оно уже неразложимо. Общественная унификация состоит в соотнесённости с системой, каковая составляет уже и внутреннюю организацию особи: общественный человек.

² Таким образом, естественный язык — истинная модель общественного организма: организация и организм одновременно.

³ Язык — единственная материя человеческой мысли. Мышление животных, не отягощенное материей и потому не отчуждаемое, является образцом чистого мышления, зафиксированного механизмами памяти и отображаемого в движениях, в поведении. У человека мышление в движениях, в поведении, и только оно, есть, пожалуй, то самое мышление, которое, по убеждению ряда философов, предшествует языку. Эволюция человека — поскольку это социальная, а не биологическая эволюция — осуществляется именно в языке как древнейшем естественном орудии труда, прообразе позднейших человеческих орудий.

Система армянского глагола

Изучим в составе конфигураций — минимальных фраз, реализующих сильное глагольное управление, — глаголы, маркированные суффиксами: -Ø-, -n-, -օn-, -w-, -օw-. Образуются следующие ряды синтаксических парадигм (приведены в залоговой интерпретации)¹:

медиум (-Ø-, -n-) — актив (-օn-) — пассив (-օw-)

աճել 'произрастать' — աճեցնել 'выращивать' — աճեցվել 'выращиваться'; մեծանալ 'расти', մեծացվել 'быть растимым';

медиопассив (-w-) — актив (-Ø-/ -օn-) — пассив (-օw-)

պտտվել 'вертеться', պտտել / պտտեցնել 'вертеть',
պտտեցվել 'быть вращаемым';

непереходный антикаузатив (-Ø-) — каузатив (-օn-)

նստել 'сидеть', նստեցնել 'усаживать';

рефлексив (-w-) — каузатив (-Ø-)

տախջվել 'мучаться', տախջել 'мучать';

пассив (-օw-, -w-) — переходный антикаузатив (-Ø-) — каузатив (-օn-)

կարդացվել 'читаться', կարդալ 'читать', կարդացնել 'заставлять читать'; խմվել 'питься', խմել 'пить', խմեցնել 'поить';

актив (-Ø-) — пассив (-w-)

արդուկել 'утюжить' արդուկվել 'утюжиться';

¹ Анализируется парадигматика глагольных конфигураций. Конфигурация — неделимое глагольное словосочетание, непредикативная единица строя предложения. (Ср. утверждение Г. Б. Джаукяна об отношении к языку, а не к речи, схемы синтагмы.) Если при лексемном анализе содержательный диапазон категории определяется вдоль парадигматической оси, то при конфигурационном рассмотрении он задан в двух измерениях.

переходный с адресацией (-Ø-) — пассив с адресацией (-w-) www 'давать' $\text{w}\text{w}\text{w}\text{w}$ 'даваться'; $\text{q}\text{r}\text{r}\text{r}$ 'писать' $\text{q}\text{r}\text{r}\text{r}\text{r}$ 'писаться'.

Сопоставим конфигурации. Актив и пассив оказываются в сопоставлении двумя равноправными вариантами одного и того же высказывания. Пассивная форма глагола содержит неявное утверждение о производителе действия, но и активная форма — личная. В активном высказывании позиция деятеля обязательна, а в пассивном — факультативна: с этой факультативностью связано дополнительное осмысление (стилистический оттенок) трёхчленного пассива. По существу, пассивация в современном языке есть симметричное преобразование, залоговая характеристика для пассива периферийна, связана с уподоблением пассива и рефлексива и относится к сфере стилистики. Будем различать активное и переходное построения: активный глагол всегда переходный¹, но переходность — не достаточный признак актива. Различение активного и переходного построений связано с выделением в составе глагольной конфигурации объекта и предмета действия²; в активном построении в позиции

¹ При подразделении на глаголы действия и состояния к глаголам действия, помимо активов, были бы отнесены непереходные qww 'уходить', qww 'приходить', $\text{w}\text{w}\text{w}\text{w}$ 'мчаться' (о поезде) и под.

² Наименование предмета и наименование объекта различаются отсутствием/наличием артикля. Ср., в сильной позиции: ww ww ww ww 'он садовод', т. е. 'занят выращиванием деревьев' ww ww ww ww 'он растит дерево'. Ср.: $\text{w}\text{w}\text{w}\text{w}$ $\text{w}\text{w}\text{w}\text{r}$ 'прожить жизнь' и $\text{w}\text{w}\text{w}\text{w}$ $\text{w}\text{w}\text{w}\text{r}$ 'прожить свою жизнь'. Ср. также: $\text{w}\text{w}\text{w}\text{r}$ ww 'утюжить платье', т. е. 'утюгом делать', где $\text{w}\text{w}\text{w}\text{r}$ нельзя полагать падежной формой (это то же $\text{w}\text{w}\text{w}\text{r}$, что и в глагольном слове $\text{w}\text{w}\text{w}\text{r}\text{r}$ 'утюжить', т. е. именной компонент аналитического образования).

прямого дополнения выступает наименование объекта действия, обычной же позицией наименования предмета является глагольная основа, однако, в ряде случаев (напр., фактитивы) наименование предмета действия выведено за пределы глагольного слова (своеобразная рамка), и во фразе предмет оказывается на месте прямого дополнения: глагол не активный, но переходный, а, следовательно, к нему применима пассивация¹. Как видим, пассивация работает на уровне предложения, т. е. не может изменить активную природу глагола, иначе говоря, пассивация есть преобразование предложения, в то время как переход «медиум-актив», или каузативация —

¹ Ср., однако, *կարդալ գիրք* ‘читать(-Ø-) книгу’ — *գիրքը կարդացվում է տղայի կողմից* ‘книга читается (-չп-) мальчиком’; показательно, что пассивная форма по аффиксу связана не с исходной, а с каузативной (*կարդացնել գիրք տղային* ‘заставить читать (-չп-) книгу мальчика’). В дальнейшем будет показано, что имеются два разных -չп-: суффикс первоначального глаголообразования (вычленяемый в результате перерасчленения в составе -չքем) и аналогический каузативный суффикс. В *կարդալ գիրք* глагольное слово и примыкающее наименование предмета действия находятся в родовидовой зависимости; после каузативации слово *գիրք* из примыкающего становится структурным, ибо словосочетание *կարդացնել գիրք* переинтерпретирует каузативный -չп- как суффикс первоначального глаголообразования (тут уже объектная зависимость). Слово ‘книга’ — предмет действия *կարդալ գիրք* ‘читать книгу’ — превращается в объект действия *կարդալ (-Ø-) ‘читать’* на ступени -չп- (*կարդացնել*). Глагол *կարդալ* ‘читать’ не активный (но переходный).

В другом случае — *խմել* ‘пить’ — налицо контаминация с омонимичным активным глаголом *խմել ջուր* ‘пить (воду)’ — *ջուրը խմվում է* ‘вода пьётся (-w-)’, откуда: *խմվել* (-w-) — *խմել* (-Ø-) — *խմեցնել* (-չп-). Глагол *խմել* ‘пить’ не активный (и непереходный), а глагол *խմել ջուր* ‘пить (воду)’ активный (и переходный).

подстановка нового глагольного слова, что проявляется в изменении конфигурационных характеристик.

Исключим пассив из числа самостоятельных залоговых классов, а пассивацию учтём как диагностирующую процедуру, служащую разрешению омонимии: актив (-çn-) / каузатив (-çn-).

Далее сопоставление конфигураций приводит к объединению парадигм: (1) медиума с медиопассивом и (2) непереходного и переходного антикаузативов с рефлексивом. Таким образом, выделяем четыре залоговых класса: средний залог — действительный залог, антикаузатив — каузатив.

Теперь обратим внимание на подобие конфигураций (1) «расформированного» актива (-Ø-) и актива (-çn-), или (-Ø-/çn-), а также (2) «расформированного» переходного с адресацией и каузатива (-çn-) и зададимся вопросом: нельзя ли экстраполировать полученную залоговую классификацию на всё множество глаголов (т. е. и на глаголы немаркированные, находящиеся вне залоговых оппозиций)? Интересны, в данной связи, внезалоговые значения маркирующих суффиксов. Так, в случае актива (-Ø-/çn-) լվողնել 'вертеть' с оттенком интенсивности действия (при լվել (-Ø-) 'вертеть'); уже залоговое осмысление -çn- вызывает появление в значении 'вертеться' формы լվել (-Ø-), омонимичной активу¹, и пассива լվցվել (-çw-) 'быть вращаемым', где -çw- маркер действующего лица². Другое значение —

¹ Переносное значение եւ լվողնւմ եմ 'брожу' (состояние лица) имеет другое происхождение и, по-видимому, результат переосмысления эллиптической активной конструкции.

² Ср.: հանարք անաջանում է ծիծաղ 'шутка вызывает смех' — ծիծաղը անաջանում է հանարից 'смех вызван шуткой' (-n-),

итеративное (опять видовое!) отмечается у целого ряда непереходных на -՛Շ-: խոնփալ (-Ø-) ‘храпеть’, խոնփացնել (-՛Շ-) ‘похрапывать’, փռշտալ (-Ø-) ‘чихать’ — փռշտացնել (-՛Շ-) ‘быть простуженным’ и др., Некоторые глаголы на -՛Շ- не входят в залоговые противопоставления: փակցնել ‘прикреплять (плакат)’, կախեցնել ‘предупредить (аварию)’. Показательна и «каузативная лексикализация» -՛Շ- — указание на посредничество:

но առաջացվում է ծաղրածուի կողմից ‘вызывается клоуном’ (-՛Շ-); շոգը քրտնեցնում է մարմինը ‘жар вызывает запотевание тела’ — մարմինը քրտնում է շոգից ‘тело запотекает от жара’ (-Ø-), но քրտնեցվում է գոլորշու միջոցով ‘посредством пара’ (-՛Շ-). Формы գրադեցվել от գրադվել ‘быть занятым, հիասթափեցվել от հիասթափվել ‘разочаровываться’ не являются пассивами, в них лексикализированы отношения между лицами (գրադեցնել ‘занимать (кого-то)’, хотя есть омонимичная форма գրադեցնել համարը ‘занять номер (гостиничный)’, հիասթափեցնել ‘разочаровывать’ — структурная характеристика конфигурации остаётся неизменной, а происходит семантический сдвиг. В отношениях между лицами ստիպել ‘заставлять’, դաստիարակել ‘воспитывать’ суффикс -՛Շ- выявляет значение иерархичности: ստիպեցնել, դաստիարակեցնել. С суффиксом -n- связано значение самопроизвольности действия (см. ниже рассуждение о рефлексиве), поэтому в речи нет վավերանալ ‘ратифицироваться’ (а также современного соответствия находящимся вне залоговых противопоставлений глаголам փակցնել ‘прикреплять’, կախեցնել ‘пресекать, останавливать, предупредить’, վերցնել ‘брать’, хотя վերանալ ‘исчезать’), немислимого в названном значении (но, конечно, վավերացվել с -՛Շ- маркером действующего лица). Ср. բարձրացնել դրոշակը ‘поднимать флаг’ — դրոշակը բարձրանում է ‘поднимается (на мачту)’ (-n-), но բարձրացվում է ‘поднимается (с земли)’ (-՛Շ-).

Сложную гамму оттенков отражает речевая форма լվացեցնել (-՛Շ-՛Շ-): լվանալ ձեռքերը ‘мыть руки’ (-n-), լվացնել տղային ‘мыть мальчика’, տղան լվացվում է ‘мальчик умывается’ (-՛Շ-, рефлексив), լվացեցնել տղայի ձեռքերը ‘помыть мальчику руки’ (-՛Շ-՛Շ-).

uɣʰɪnɛɫ (-Ø-) 'убивать' uɣʰɪnɛgɪnɛɫ (-ɕn-) 'убить (с сторонней помощью)' без называния посредника; соответственно, пассив uɣʰɪnɛɫɛɫ (-w-) 'быть убитым' приобретает дополнительное значение, осмысляясь как рефлексив ('погибнуть')¹.

¹ Частный случай лексикализации залоговых маркеров — перенос значения: ʰɔɣɪɪɪɪɪ ɾɔɪɪɪɪ 'ворона взлетела' — ɪɪɪɪɪ ɾɔɪɪɪɪɪɪ ʰɔɣɪɪɪɪɪɪɪ мальчик вынудил взлететь/спугнул/прогнал ворону; но ɾɔɪɪɪɪɪ ɕɾɾɪɪɪɪ 'стащить/свистнуть книги'. — Лексикализация залоговых маркеров связана с их внезалоговыми значениями потому, что именно изначальным существованием внезалоговых значений обуславливается возможность лексикализации. Лексикализация, перенос значения происходят не столько в связи с созданием способствующих условий, сколько благодаря наличию самой возможности. Иначе говоря, надо полагать, что внезалоговые значения залоговых маркеров являются первичными, а их залоговая интерпретация есть эффект формирования языковой системы. Требуется объяснения залоговое расщепление -ɕn- и -w- (т. е. причинных и возвратных глаголов). Суффикс -ɕn- выделяется в составе глаголов, объединяемых в морфологический разряд, так называемых, причинных глаголов армянского языка. Этим формам регулярно соответствуют в языке формы без -ɕn-; предполагают, что от них, присоединением суффикса к глагольной основе, причинные и образуются. Семантически причинные неоднородны: просто переходные (описывающие ситуацию с прямым объектом) и каузативы (описывающие ситуацию «инициатор — исполнитель — действие»). Аналитический вариант причинных — инфинитив со вспомогательным tal 'давать' — глаголы, выражающие побуждение к действию. Помимо того, что суффикс -ɕn- — первичный (hangčel 'гаснуть' — hangɕnel 'гасить', lainanal, 'расширяться' — lainaɕnel 'расширять'), все глаголы на -ɕn- относятся к спряжению «el», так что образование причинных от глаголов спряжения «al» сопровождается изменением спрягающего форманта -a->-e- (kardal 'читать' — kardaɕnel 'заставлять читать'). Причинные спрягаются по общей схеме, но в аористе и в повелительном наклонении -ɕn- переходит в -ɕɾ-, а в пассиве в -ɕw- (-w- маркёр пассива): kardaɕnel — kardaɕɾɛɕ — kardaɕɾu — kardaɕwel).

Закключаем, что залоговое значение суффикса есть функциональное значение, зафиксированное в парадигматическом ряду конфигураций. Следовательно, отправляясь от маркированных глаголов, мы определили координатные оси, и предстоит достроить систему на всем глагольном множестве¹. Парадигматические отношения между залоговыми классами можно трактовать как отношения производства². В соответствии с трансформационной

¹ Так, супплетивная пара մեռնել 'умирать' սպանել 'убивать/ умерщвлять' может быть интерпретирована в качестве залоговой парадигмы: антикаузатив — каузатив.

² Вводятся преобразования: подстановка формы-оппозита на -չո- и пассивация (подстановка пассива). Относительно введённых преобразований определяются следующие преобразовательные схемы:

(1) ծառերը աճում են 'деревья растут' — այգեպանը աճեցնում է ծառերը (-չո-) 'садовник выращивает деревья' ծառերը աճեցվում են այգեպանի կողմից (-չա-) 'деревья выращиваются садовником'; երեխան արթնանում է 'ребёнок просыпается' — մայրը արթնացնում է երեխային (-չո-) 'мать будит ребёнка' — երեխան արթնացվում է մոր կողմից (-չա-) 'ребёнок разбужен матерью'. Схема преобразований: V — չո — չա;

(2) մայրը ծիծաղում է 'мать смеётся' — երեխան ծիծաղեցնում է մորը (-չո-) 'ребёнок рассмешил мать'. Схема преобразований: V — չո;

(3) թերթը կարդացվում է աշակերտի կողմից (-չա-) 'газета читается учеником' — աշակերտը կարդում է թերթ 'ученик читает газету' ուսուցիչը կարդացնում է թերթ աշակերտին (-չո-) 'учитель составляет/побуждает ученика читать газету'; ջուրը խմվում է ձիու կողմից (-ա-) 'вода пьётся лошады' ձին խմում է ջուր 'лошадь пьёт воду' տղան խմեցնում է ձիուն ջուր (-չո-) 'мальчик поит лошадь водой'. Схема преобразований: -ա- / -չա- ← V → -չո-.

В (2) подлежащее при V обязательно «лицо»; обозначим эти глаголы V_h . В (1) V описывает ситуацию без деятеля, подлежащее при V есть объект действия в описываемой ситуации (объектная ситуация); обозначим эти глаголы V_g . Оппозиты V_h и V_g , соответственно — каузативы и V_s . Следуя ранее данному обоснованию, V в (3) определим как переходные V_h и их оппозиты — как

трактовкой интерпретируется состав представляющих каждый из классов глагольных конфигураций. Интерпретированная конфигурация и служит основанием для расширения залогового класса.

Прежде всего, опишем получающуюся многопризнаковую классификацию армянских глаголов. На первых порах исключаем из рассмотрения возвратные глаголы. Устанавливаем различительные признаки: а) наличие/отсутствие пассива (t/i); б) наличие/отсутствие формы-оппозита с суффиксом -չn- (չn/не-չn); в) наличие/отсутствие пассива у формы-оппозита (p/не-p); следующие два признака представляют собой модификацию признака (в) для не-չn; г) наличие/отсутствие сильного управления «лицом» (л/не-л) — признак проверяется по диагностирующей подстановке в формулу «кто-то V = кого-то V» (V — проверяемый глагол), что не должно приводить к переносу значения («кто-то убивает = кого-то убивают» (л), «кто-то зовёт = кого-то зовут» (л), «кто-то ударяет = кого-то ударяют» (л), но «кто-то пилит = кого-то пилят» (не-л), «кто-то выращивает = кого-то выращивают» (не-л); д) для (t, л) определяется также постановка имени лица в именительном или в дательном падеже ($л_а$ / $л_б$) — $л_б$ свидетельствует о двойном управлении¹. В получившуюся

переходные же каузативы. Перепишем схемы преобразований следующим образом: (1) $V_g \rightarrow V_s \rightarrow$ пассивы, (2) $V_h \rightarrow$ каузативы, (3) пассивы $\leftarrow V_h \rightarrow$ каузативы. Теперь, в окончательной записи, преобразовательные схемы можно распространить на возвратные глаголы, разбивающиеся на V_g (возвратные пассивно-качественного значения: լսւնլիլ 'вертеться') и V_h (возвратные собственно-возвратного значения: տառապել 'мучаться').

¹ Модификация диагностирующей формулы: «кто-то объявляет решение = кому-то объявляют решение» ($л_б$).

классификацию вводим опять возвратные глаголы. Итак, классификация:

(1а) (i, չո, р) V_g : աճել 'произрастать', մեծանալ 'расти' (инхоативы), արթնանալ 'просыпаться' (инхоативы)

(1б) V_g : պտտվել 'вертеться' (возвратные пассивно-качественного значения)

(2а) (i, չո, не-р) V_h : ծիծաղել 'смеяться', պարել 'танцевать'.

(2б) V_h : հոգվել 'расстраиваться' (возвратные собственно-возвратного значения)

(3) (t, չո, не-р) V_h : կարդալ 'читать', խմել 'пить'.

(4) (t, не-չո, не-л) արդուկել 'утюжить' (орудийные), աղոցել 'пилить' (орудийные), աճեցնել 'выращивать' (V_s) պտտել 'вертеть'.

(5) (t, не-չո, л) սպանել 'убивать', տալ 'дать' по-щечину, կերակրել 'кормить'.

(6) (t, не-չո, л) Глаголы с двойным управлением: հայտարարել 'объявлять', պատվիրել 'заказывать', գրել 'писать', հրամայել 'приказывать' (фактитивы), տալ 'давать' (фактитивы)¹, խմեցնել 'поить' (каузативы).

(7) (i, не-չո, л) Косвенно-переходные, управляющие именем лица: կանչել 'звать', հարվածել 'ударять', նախանձել 'завидовать', օգնել 'помогать', ազդանշանել 'сигнализировать', ծիծաղեցնել 'смешить' (каузативы), հոգվել 'расстраивать'.

¹ С вспомогательным глаголом տալ 'давать' / побуждать к' образуется аналитический каузатив. Формально տալ может примкнуть к любому инфинитиву. Считается, тем не менее, что непереходные глаголы аналитического каузатива не образуют, а переходные образуют всегда. Однако, эта закономерность имеет приблизительный характер. На самом же деле аналитического каузатива не образуют глаголы V_g , которых среди непереходных большинство, но V_h аналитический каузатив образуют.

(8) (i, не-сн, не-л) Разнообразные глаголы — с супплетивными парами относительно преобразовательных схем: գալ 'приходить', գնալ 'уходить' (ср. բերել 'приводить', տանել 'уводить'); допускающие интерпретацию отглагольным именем в фразеологическом сочетании: վիճել 'спорить' (= վեճի բնվել 'ввязаться в спор'), նահանջել 'отступать'; представляемые в морфемно-смысловой записи как бы метафорическим переносом; ւռլալ 'мчаться' (= ւռլալ դառնալ 'становиться как меч'); պայքարել 'бороться', ճանապարհորդել 'путешествовать', քարոզել 'проповедовать', թափառել 'скитаться, бродить', բռնբռնել 'набухать (о почках), цвести'. Классификации соответствует перечень типов глагольных конфигураций¹. Систематизация перечня обеспечивается введением членения, разбивающего глагольное слово на основу и n-местную связку (связывающую элементы конфигурации). Интерпретированный перечень выглядит следующим образом²:

¹ Глагольному слову соответствует окружение, определённое структурно и семантически. Первоначальная конфигурационная характеристика сохраняется в речи в массе глагольных слов как преимущественная.

² Глагольными фразами обозначаются ситуации:

(а) объектные —

«ситуация без деятеля» (класс 1. Состав: объект; содержание действия — название признака; действие-становление признака),

ситуация «деятель-объект» (классы 4, 5. Состав: деятель; объект; предметное содержание действия, его характер, орудие, материал; действие);

(б) безобъектные —

«ситуация лица» (классы 2, 3. Состав: деятель-лицо; предметное содержание действия; действие),

«ситуация адресата» (классы 6, 7. Состав: деятель; адресат действия-лицо; предметное содержание действия; действие);

(в) ситуация — 8 (класс 8. Состав: деятель; предметное содержание действия; действие).

(1а) (О) [(Призн • $\Gamma^1_{\text{призн}}$)]

(1б) (О) [(X • Γ^1_X)]

(2а) (Д) [(Предм • $\Gamma^1_{\text{предм}}$)]

(2б) (Д) [(X • Γ^1_X)]

(3) (Д) [(X • $\Gamma^1_{\text{предм}}$) (Предм)]

(4) (Д) [(Предм • Γ^2) (О)]

(5) (Д) (Предм • Γ^2 / Γ^3) (О/А)

(6) [(Д) ($\Gamma_{\text{предм}}$ • Γ^3) (Предм) (А)]

(7) (Д) (Предм • Γ^3) (А)

(8) (Д) [(Предм / Призн / X • $\Gamma^1_{\text{призн}}$)]

Обозначения:

Д — деятель (производитель действия, отправитель),

О — объект действия,

А — адресат,

Предм — предметное содержание действия (его предмет, орудие, материал),

Призн — название признака как содержание действия¹,

Следующая по рангу «ситуация с посредником» обозначается аналитической формой.

¹ Уже отмечалась необходимость различения предмета и объекта. Добавим также, что объект в отличие от предмета может быть трактован как адресат в расширительном значении этого последнего понятия. Так, мостовая, которую асфальтируют есть «адресат» объектной ситуации, но книга, которую читают, не является таким «адресатом». В частности, исполнитель — именно объект, являющийся адресатом.

Таким образом, вразрез школьной традиции анализа предложения в глагольной конфигурации выделяются не три (Д, Г, О), а четыре (Д, Г, Предм, О/А) фразовых компонента. Глагольное слово синтезируется в связи с установлением объектного отношения Д–О в высказывании, выражающем идею отнесения (присвоения /

Х — содержание действия (его характер) при утерянной внутренней форме,

$\Gamma^1_{\text{призн}}$ — сингулярная связка («становиться»),

$\Gamma^1_{\text{предм}}$ — сингулярная связка («производить»),

Γ^1_x — сингулярная связка («быть»),

Γ^2 — бинарная связка («делать»),

Γ^3 — тернарная связка («давать»),

[] — границы присвязочной группы (совокупность членов при связке, присвязочные места),

() — границы отдельного слова. — Записью «Призн» обозначено совпадение корня глагола с выражением имени прилагательного (армянское корневое прилагательное — «чистый корень»), а записью «Предм» — совпадение корня глагола с выражением имени существительного (бесфлексийная форма); для производных глаголов (4) запись «Предм» является, таким образом, условной:

(1а) $\sqrt{\text{Прил.}} - n - am \rightleftharpoons (4) \sqrt{\text{Прил.}} - \text{с} - n - em$ (4)

где $\sqrt{\text{Прил.}} - \text{с}$ берётся как $\sqrt{\text{Сущ.}}$. Точно так же запись «Предм» является условной и для производных (6) (поскольку «Х» обозначает собственно глагольный корень):

(3) Глаг. $-em / -am \rightleftharpoons$ Глаг. $-\text{с} - n - em$ (6), где Глаг. $-\text{с}$ берётся как $\sqrt{\text{Сущ.}}$.

Морфологические преобразования связывают глаголы классов:

освоения): $D - \text{Предм} \cdot \Gamma^2 - O$. Здесь иерархически выделяется D — ему противостоит симметричная группа. Предикация D к симметричной группе нарушает симметрию, и она восстанавливается путем укрупнения связочного оператора: $D - (\text{Предм} \cdot \Gamma^2) - O$. На лексико-синтаксическом уровне армянское предложение формируется вокруг вспомогательного глагола (очередное воспроизведение связочной функции).

(1а) Прил. –*nam*. ⇌ Прил. –*çnem* (4)

(1б) Глаг. –*wem* ⇌ Глаг. –*em* / Глаг –*çnem* (4)

(2а) Сущ. –*em* ⇌ Сущ. –*çnem* (7)

(2б) Глаг. –*wem* ⇌ Глаг. –*em* (7)

(3) Глаг. –*em*/–*am* ⇌ Глаг. –*çnem* (6)

Вне преобразований остаются «непроизводные» глаголы классов 4–8.

В записи конфигураций (3) и (6) обращает на себя внимание несоответствие между числом членов присвя- зочной группы и рангом связки; имеет место как бы раз- мыкание глагольного корня: (3) читать книгу, (6) заказать обед, приказать прийти (ср. возможность тавтологиче- ского распространения для глаголов

(2а) (Д) [(Предм • $\Gamma^1_{\text{предм}}$)] → (Д) [(X • $\Gamma^1_{\text{предм}}$) (Предм)]: тан- цевать танец).

Конфигурации перечня естественно считать транс- формами двух из них: (4) (с вариантом (5)) — развёрнутое выражение объектного отношения и (7) (с варианта- ми (5), (6)) — развёрнутое выражение адресатного от- ношения. Соответственно, трансформы: (1) — свёрнутое выражение объектного отношения и (2) (с вариан- том (3)) — свёрнутое выражение адресатного отношения.

Сравним конфигурации (4) и (7). Конфигурация (4) содержит две «вставленные» структуры: присвя- зочную группу и глагольную фразу; глагольное слово в конфи- гурации (4) формируется естественным образом. Конфигу- рация (7) асимметрична (двухвершинна: (Д) — (А)) — к (7) неприменима пассивация, являющаяся симметричным преобразованием; строение конфигурации морфоло- гически неустойчиво — формирование глагольного

слова в (7) не может иметь непосредственного объяснения. По-видимому, тип (7) (а следовательно и (2), (3), (5), (6)) не является исконным в сфере глаголообразования. Но тогда необходимо показать, как же конфигурация (7) соотносится с прочими конфигурациями перечня, т. е., в конечном счете, «вывести» (7) из (4). — Особо интересен в указанном смысле предельный случай, конфигурация (5): здесь (О) — «лицо», что и обеспечивает переосмысление (О/А), состоящее в вовлечении в присвязочную группу элемента (Д); ранг связки повышается. Адресатное отношение изначально не выражается в глагольном слове. Сфера адресатного отношения шире, она определяется словесной формулой «Отправитель даёт нечто адресату», где «нечто» либо вещь, либо предмет, либо, наконец, предметное содержание действия.

Ситуации «двух лиц» («Отправитель даёт нечто адресату»):

«нечто» — вещь (состав: дающий; берущий; вещь; действие),

«нечто» — предмет действия (состав: отправитель; адресат; предмет действия; действие),

«нечто» — предметное содержание действия (состав: деятель; лицо как объект действия; предметное содержание действия; действие),

«нечто» — действие в качестве предметного содержания действия-инициативы (инициатор; исполнитель; действие в качестве предметного содержания инициативы; инициативное действие).

В качестве предметного содержания действия может выступать некоторое действие (тогда говорят об инициативе, инициаторе действия и исполнителе действия) —

это имеет место во фразах с «ипшл + инфинитив» (аналитический каузатив со вспомогательным «дать») и во фразах с глаголами на -çнет, собственно каузативами из разряда причинных. Обратимся к последним как к ключевому для нашего исследования морфологическому фрагменту глаголов. Причинные глаголы распределены по трем классам: (6), (7) — выражение адресатного отношения (собственно каузативы) и (4) — выражение объектного отношения. Причинным (4) противостоят глаголы (1а) — самопроизвольность действия, отсутствие деятеля, действующего лица (инхоативы). Регулярное противопоставление (1а) ⇔ (4) как бы нейтрализует для причинных (4) различительный признак — выражение объектного/адресатного отношения¹.

Именно здесь мы находим базу для экспансии адресатного отношения в сферу глаголообразования.

Итак, глагольные фразы отражают два типа отношений: объектные, адресатные. Во фразах с V_g или V_h эти отношения заданы неявно, как бы в свёрнутом виде; в других фразах «участники» представлены поимённо. При этом глаголы на -çн- оказываются в особом положении; им как маркированным членам оппозиции приписывается некоторое значение, выводимое из сопоставления соответствующих глагольных фраз с фразами, содержащими немаркированные оппози́ты. Частный вид глаголов на -w- возвратные глаголы; дифференциация возвратных так же

¹ У наименования реального лица — неразличение признака наличия/отсутствия грамматической характеристики «лица».

но одиночных, выступающих вне оппозиции: *կախեցվել* 'пресекаться', *փակցվել* 'прикрепляться'). Сами инхоативы в сопоставлении с пассивами «специализировались» в значении «самопроизвольное действие». Первичная специализация инхоативов прямо отразилась на деривационной судьбе возвратных.

Интересен пример глагола *տախնջվել* 'мучиться'. Формально *տախնջել* 'мучить' — непереходный глагол класса 7, он представлен во фразах, описывающих ситуацию «деятель-объект» при условии, что деятель — «нелицо», а объект — «лицо»: *ցավը տախնջում է տղային* 'боль мучает мальчика'. Обращение глаголообразующей группы приводит к фразе *տղան տախնջվում է* 'мальчик мучается' с возможным неструктурным дополнением — *տախնջվել ցավից* 'мучиться болью' — при невозможности варианта *տախնջվել մոր կողմից* 'мучиться матерью': ситуация «деятель-объект» окончательно переосмыслена в «ситуацию адресата», пассив стал V_h .

Заметим, что выявление двух типов отношений, выражаемых V_g и V_h , обеспечивает разработку стройной теории залога. Тип выражаемых отношений задан конфигурационной характеристикой глагола (ср. у Г. Б. Джаукяна), залог же определён как место глагола в синтаксической парадигме (свёрнутое — развёрнутое выражение отношений). Система залогов в языке представляет собой не линейный ряд, а набор оппозиций, хотя и не все оппозиции бывают морфологически воплощены.

Таким образом, возможность вывода (7) из (4) показана¹.

Рассмотрим наиболее трудные из глаголов, входящих в обсуждаемую классификацию лишь негативно (класс (8)): глаголы перемещения qıwıw 'уходить', qıwıw 'приходить'. Глаголы — непереходные, должны бы входить в один из классов с конфигурациями свёрнутого выражения отношений, но, с другой стороны, они не способны к производству, т. е. условию вхождения не удовлетворяют, сближаясь с глаголами класса (4)². Эти глаголы образуют обстоятельственные конструкции с названием конечного пункта перемещения в прямом падеже: qıwıw ıwıwıwıw 'идти школа (= в школу)', qıwıw ıwıwıwıw 'приходить дом (= домой, в дом)' — аналог объектной конфигурации («деятель» оказывается на месте «предмета действия», а глагол выступает в функции локативного предлога³).

¹ Т. е. начало категории глагола мы видим в конфигурации (4) — объектной конфигурации.

² Эргативная конструкция, являющаяся основной формой построения переходного (транзитивного) предложения в бацбийском языке, характерна и для непереходных глаголов движения: «...при непереходных глаголах динамических, т. е. выражающих действие, связанное с движением, субъект, обозначаемый 1-м и 2-м л. ед. и мн. ч. во всех временах ставится в эргативном падеже...» (Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953. С. 228), Тюркские языки: «Страдательный залог... образуется также и от непереходных глаголов; наиболее часто от глаголов движения и глаголов, обозначающих состояние, процесс или положение в пространстве...» (Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 198).

³ Ср.: «...особое место внутри категории глагола занимают такие глаголы, которые могут употребляться в двух функциях — знаменательной и служебной, в роли глагола-предлога» (Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1962. С. 124).

Принимаем следующее объяснение конфигурации (4): глагольная конфигурация по исконной структуре восходит к конструкции с предлогом; в глагольном слове предлог является компонентом внутренней формы (связка в формуле конфигурации), в глагольной фразе предложная структура становится явной.

На морфоносемическом уровне выявляется и предложная морфонема. — Наблюдение К. Аксакова: «...назначение предлога не только управлять падежами: предлоги слагаются с словами, преимущественно с глаголами; это сложение особого рода, и, сложное с предлогом, слово не похоже на другие сложные слова, в которых оба значения определённы и различны в своём соединении (благо-творю, дрово-сек). Предлог слагается иначе. Будучи намёком, не имея определённого значения, он сливается со словом, проникает его всё своим смыслом, и таким образом изменяет его внутренне. Итак, отвлечённое значение предлога, неясное, неоконченное само по себе, — осуществляется тогда, когда он или управляет именами или прилагается к словам, преимущественно к глаголам. <...>

Значение предлога, осуществляясь и утверждаясь на глаголе, приносит ему своё определение, от чего проистекают изменения, смотря потому, к какой форме глагола присоединяется предлог. Как скоро предлог присоединяется к многократной форме, то, проникая весь глагол новым единым оттенком,

он сливает в нём моменты в одно целое и образует в нём новое действие; вместе с тем он освобождает в нём понятие действия вообще, следовательно, понятие действия неопределённого; поэтому из многократной степени возводит он глагол в степень неопределённую, из отглагольной формы в глагольную, из прошедшего в настоящее; например: прыгаю — степень многократная, — присоединяется к глаголу предлог при-, в миг глагол проникается одним цельным значением, и образует новое понятие действия, а именно: действие неопределённое — припрыгиваю. <...> Значение предлога при глаголе, сейчас нами рассмотренное, очень замечательно, и едва ли может быть найдено в другом каком-нибудь языке. (Мы не говорим о языках соплеменных.)» (Аксаков К. О русских глаголах. М., 1855. С. 36–38).

Попытаемся оценить исходный морфемный материал¹. Нас будут интересовать составляющие морфемных структур R-ç-n- (R — знак корня; исходный корень совпадает с бесфлексийным армянским качественным прилагательным) и R-w- (поскольку пассив и актив равноправны; исходный корень — наименование орудия, материала действия). Обратимся к индоевропейцам. G. R. Solta: «Форма генитива, датива, аблатива мн. ч. на -ç- являет определённую трудность. В ней усматривают рефлекс

¹ Начало категории глагола мы нашли в конфигурации (4). Для класса (4) показательны глаголы на -çn- и орудийные.

суффикса -sk-; сам по себе этот суффикс обслуживает адъективное словообразование. Проблема адъектива и генитива представлена во многих языках, в т. ч. в индогерманских: имеется в виду замена генитива адъективом¹. Трудно ответить на вопрос, почему здесь представлен лишь генитив (соотв., датив, аблатив) мн. числа и почему в армянском языке не сохранились адъективные образования... Если же sk-производство привлекается к объяснению армянского падежного окончания -օ, особенно важными становятся тохарские параллели... (§ 14, п. 5).

Аорист на -օ- приводится к формам на -sk-, а затем и к греческому претериту... Индогерманский -sk-, т. е. армянский -օ- обнаруживается в чрезвычайно продуктивном типе фактитивов -u-օanem, напр., hasanem „komme an“; hasuօanem „lasse ankommen“.

Здесь налицо комбинация суффикса -sk- с суффиксом -n- в соединении с излюбленной для армянского языка гласной -u-² <...> Мы должны считаться с возможностью,

¹ Ср.: «Лувийское влияние можно видеть в замене родительного падежа мн. ч., унаследованного от праиндоевропейского, на окончание притяжательного прилагательного -sk-, развившегося в дальнейшем в -ц-, и в некоторых других особенностях древнеармянского склонения. Впрочем, тенденция к замене родительного падежа притяжательным прилагательным характерна для широкого ареала, включающего все анатолийские языки, кроме хеттского, урартский (и частично хурритский) и некоторые нахско-дагестаяские». (Дьяконов, Предыстория...).

² Один из вариантов суффикса: -օ-u-օ-an-em; ср. замечание В. В. Иванова по тохарскому материалу: «Архаичность системы показателей тохарских глагольных классов настоящего времени несомненна, хотя некоторые из этих показателей возникли путем сложения более древних элементов, ср. характерное для тохарских языков нанизывание друг на друга суффиксов -s- и -sk-...»...

что уже индогерманскому суффиксу -sk- наряду с итеративным, дуративным, инхоативным значениями, вероятно, была свойственна функция каузатива... Сцеплением суффикса -n- и суффикса -sk- армянский язык наиболее всего сближается с западно-тохарским (тох. В): т. н. Х презенсный класс на -näsk-, -nāsk- <...>

Если принять во внимание порядок следования суффиксов, тохарскому -näsk- фактически может соответствовать только АРМ. -ṣan- <*-skan в самом деле, армянский не знаком с назальным инфиксом: так, лат. *linquo* соответствует арм. *lk'nem*. Этой особенностью армянский язык примыкает к славянским и германским (тип сл. съchnoti, гот. gapaursan „trocknen, trokken, werden“...). Специфически армянским является употребление гласного -и-, выступающего и в тех случаях, когда фактитив образуется без -ṣ-: напр., korusanem „perdo“ при kornṣim „pereō“ p'luzanem «lasse einstürzen» при p'lanim „stürze ein“ (§ 20, п. В)». — Представленная справка отсылает нас к тохарскому материалу. В. В. Иванов: «Несомненно очень древние черты сохраняет тохарское глагольное словообразование. Тохарские языки принадлежат к числу тех очень немногочисленных индоевропейских языков, где сохранился особый класс глаголов с суффиксом -s-, который в большинстве и.-е. стал мертвым формантом, сросшимся с корнем... Роль глаголов на -*s- в анатолийских языках подтверждается недавно открытыми данными лувийского языка; в хеттском языке эти глаголы в значительной степени были вытеснены синонимичными глаголами на -*sk-. Распределение глаголов на -*s- и -*sk- в хеттском и лувийском языках аналогично соотношению между этими двумя классами глаголов в тохарском В; при

чрезвычайной продуктивности каузативов на -sk- глаголы с синонимичным суффиксом -*s- встречаются сравнительно редко, тогда как в тохарском А глаголы на -*s- стали основным типом образования каузативов. Сходство между глагольными системами хеттского и тохарских языков проявляется особенно в том, что формы с суффиксами -s-, -sk- становятся парадигматическими и могут быть образованы от любого глагола.

Тохарские языки объединяет с хеттским не только то, что в них сохранились глаголы на -s-, но и присутствие в спряжении архаичных форм прошедшего времени с элементом -s-, проникшим в 3 и 2 л. ед. ч. (а затем и в другие лица) из форм, где это -*s- было словообразовательным, а не словоизменительным элементом. Тохарские и хеттские формы прошедшего времени на -s- ... позволяют выявить вторичный характер сигматического аориста, который до недавнего времени безосновательно возводили к общеиндоевропейскому периоду.

Наряду с суффиксом -s- и -sk- видную роль в тохарском глагольном словообразовании играет носовой аффикс, который как и в хеттском, древнеиндийском и некоторых других диалектах часто выступает в сочетании с суффиксами -s- и -sk- (что приводит к образованию особого класса глаголов в тохарском)»¹.

А вот свидетельство Э. Бенвениста: «В тохарском очень широко употребляются формы настоящего времени на -*ske- (тох. А -s-, -ṣ- тох. В -sk-, -ṣ ṣ-); в этом можно убедиться, читая любой тохарский текст. Авторы „Тохарской

¹ Иванов В. В. Предисловие // Тохарские языки: сб. / Сост. В. В. Иванов, И. А. Мельчук. М., 1959. С. 29–30.

грамматики" утверждают, что эти формы настоящего времени имеют прежде всего каузативное значение. Они должны были, однако, отметить, что некоторые формы настоящего времени имеют этот суффикс без каузативного значения, причём нет соответствующих производных основ, которым бы они противопоставлялись <...> При рассмотрении происхождения этого типа образования выясняется, что некаузативные глаголы на -ṣ-, -sk- сохраняют первоначальное значение суффикса, а на это значение нам указывает хеттский: прибавление -*ske- к форме настоящего времени придаёт ей итеративно-интенсивное значение. <...> Тохарский, таким образом, подтверждает архаичный характер данного типа образования, сохраняя в некоторых глаголах первичное значение суффикса.

Тохарский предпочитает употребление прилагательного вместо родительного принадлежности. Это совпадение сближает тохарский не только со славянским, где, как известно, такое употребление широко распространено, но и с большинством древних индоевропейских языков. <...> Тохарский, как и славянский, сохранил древний синтаксический приём. Лувийский даёт доказательство, этому: принадлежность выражается в лувийском исключительно прилагательным, но не родительным имени.

С другой стороны, примечателен самый тип прилагательных, употребляемых обычно в тохарском в приимённой функции: это образование на -ṣi в тох. А и -ṣṣi в тох. В; эти суффиксы могут адъективировать целые группы слов. <...> Этот тип явно восходит, к индоевропейским образованиям на *skiyo, который мы находим в армянских прилагательных на -aṣi...; в славянском самым

продуктивным типом образования прилагательных принадлежности является тип на -ьскъ, так что тохарский и славянский совпадают не только в области синтаксиса, но и в словообразовании. Однако мы не уверены, что этот славянский суффикс -ьскъ не является простым заимствованием германского суффикса -iska, (гот. -isks). Впрочем, и другие языки имеют несколько именных образований на -sk-; их находят даже в лигурском. Но продуктивным этот суффикс является только в армянском, германском и славянском (если он там исконный, а не заимствованный)»¹.

В связи с оценкой -w- отметим мнение (восходящее к А. Айтыняну и Ст. Паласяню) о связи суффикса -w- с суффиксом -uac². Г. Ачарян замечает, что значение -u- в парах древнеармянских глаголов с -u- и без -u- (по списку Карста) усилительное, а вовсе не страдательное³.

В следующей главе мы покажем, как армянский язык сохраняет адъективные ζ -образования. Именно их следует видеть в ζ -основах причинных некаузативов; к ним же должно быть возведено бесфлексийное армянское прилагательное.

¹ Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 96–99.

² Абрамян А. А. Глагол в современном армянском языке. Кн. 1. Ереван, 1962. С. 619.

³ Ачарян Г. А. Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, кн. 2. Ереван, 1961. С. 327.

АРМЯНСКИЕ БУКВЫ

Ա ա	a	ա	Ի ի	ч	ч'
Բ բ	b	б	Մ մ	m	м
Գ գ	g	г	Յ յ	y	й
Դ դ	d	д	Ն ն	n	н
Ե ե	e	е	Շ շ	š	ш
Զ զ	z	з	Ո ո	o	о
Է է	ē	э	Չ չ	č	ч
Ը ը	ə	ы	Պ պ	p	п
Թ թ	t'	т'	Ջ ղ	j	<u>дж</u>
Ժ ժ	ž	ж	Ռ ռ	ř	ř
Ի ի	i	и	Ս ս	s	с
Լ լ	l	л	Վ վ	v(w)	в
Խ խ	x	х	Տ տ	t	т
Ծ ծ	c	ц'	Ր р	r	р
Չ չ	k	к	Յ չ	ç	ц
Հ հ	h	х	Ու	<u>ow</u> (u)	<u>ов</u> (y)
Ձ ձ	j(<u>dz</u>)	<u>дз</u>	Փ փ	p'	п'
Ղ ղ	ł(γ)	ł(ř)	Ք ք	k'	к'

Глаголообразование

Постулируем состав первичной коммуникации — первичный высказывательный комплекс (ПВК), содержащий два вида сообщений (непредикативных высказываний, или фраз). Строение ПВК представим формулой:

$$(I) [(R_1-s-k-R_2) \leftrightarrow (R_3-m-w-R_4)] (II)$$

(R — символы классов корней; s, k, m, w — морфемы). Формула ПВК описывает две противостоящие группы фраз. Группа I варьирует местоименный элемент — морфему s {s, j, r, l, ѓ, ь...}. Группа II варьирует предложный элемент — морфему w {w, n, p, b, d, t, u, ъ, ы, э, ...}.

Содержание к-фраз локативное: положение R_2 относительно R_1 , нахождение друг подле друга, соотносённость (ориентация). Содержание -w-фраз — квалификативное, положение R_3 при R_4 , совместность, отношение друг к другу, отнесённость. Морфемы k, w — языковое выражение отношений (первичные предлоги); отношение, обозначаемое первичным предлогом, статично: «положение в пространстве». Морфемы s, m — знаки «точки отсчёта» (причём m, — «сам-ориентир» и, позже, знак говорящего). Символам классов корней отвечают классы референтов: R_1 — сущности, обозначаемые впоследствии корнями качественных прилагательных (и, соответственно, глаголов), R_2 — предметы, бытующие самостоятельно, пребывающие в некотором активном состоянии, R_3 — «орудия», R_4 — объекты орудийного труда. — В процессе многократного (сопровождаемого закономерным перераспределением элементов s, k, m, w) воспроизводства противостоящих высказываний в ПВК вырабатывается система категорий/категориальных форм языка.

Противопоставление « $\leftrightarrow$ » — реальный элемент в структурно-синтагматическом ряду первичного комплекса; из противопоставления $k \leftrightarrow w$, но не из первоначально статичного предложного отношения, вырабатывается в языке содержание «процессуальность». Глагол, хотя и возникает на месте первичного предлога, по содержанию восходит к первичному противопоставлению.

Первичное противопоставление генетически активно. На его основе складывается система внутрикатегориальных языковых отношений. Каждая категориальная форма содержит в себе потенцию « $\leftrightarrow$ », т. е. в какой-то момент может выразить « $\leftrightarrow$ » вовне, так что образуется подкатегория, восходящая к некогда бывшей категориальной форме набором формантов и совокупным содержанием дериватов (элатив и степени прилагательного, эргатив и система залогов); структурный синтагматический ряд первичного комплекса сперва интериоризуется в воспроизводимых категориальных формах, становясь их содержанием, а затем перевоплощается в парадигматический ряд возникшей вновь подкатегории.

Обратим внимание на следующее утверждение: «В то время как грамматические категории внутри конструкта (выражающие взаимоотношения элементов внутри конструкта) постепенно редуцируются, внешние грамматические категории (определяющие роль всего конструкта в пределах структуры высшего порядка) становятся богаче. <...> Языковой процесс, который воздействует на законченные предложения (=эксплицитные предикации) и проявляется в изменении структуры и синтаксической валентности, в редукции внутренних грамматических категорий (и одновременном росте внешних) и в редукции актуализационных возможностей, мы будем называть депредикацией. <...> В естественных языках существуют парадигмы депредикации.

Процесс депредикации делает языковое выражение предикаций менее эксплицитным. Можно было бы также сказать, что предикации, подвергнувшись действию рассматриваемого процесса, из эксплицитных (=реальных) становятся подразумеваемыми¹. Йелинек объясняет трансформации номинализационного типа.

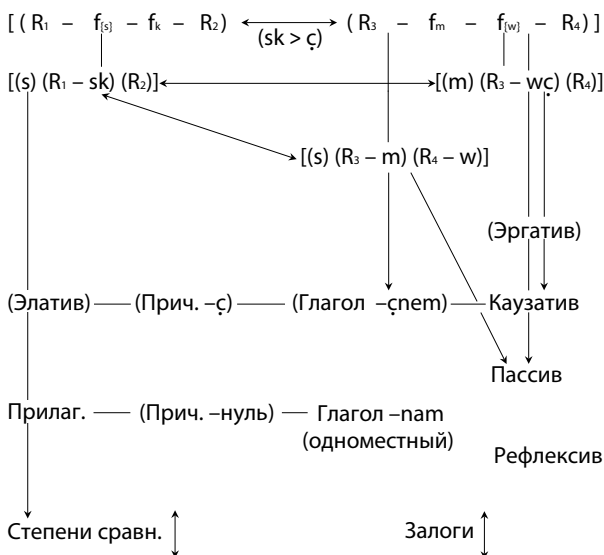
Таким образом, генетическая активность первичного противопоставления связана с неразложимостью содержания ПВК². Для каждой очередной воспроизводимой формы актуален весь языковой (т. е. не референционный) объём содержания, накопленный к моменту воспроизводства. В свою очередь, содержание это обогащается в связи с образованием нового функционального значения (перераспределение материала внутри комплексов), что и есть, собственно говоря, очередная воспроизводимая категориальная форма.

Неразложимость содержания первичного комплекса объясняет «взаимозамещаемость» первоэлементов *s*, *k*, *m*, *w* (каждый из них содержательно представляет первичный комплекс в целом); замещаемые в ходе перераспределения элементы не выводятся из цепочки, а, будучи задвинуты вглубь, десемантизируются (т. н. нанизывание формантов); освободившись от функциональной нагрузки, они могут изменить звуковой облик — развитие,

¹ Йелинек И. Языковой аспект трансформационных правил // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М., 1970. С. 58–59.

² Первичная цепочка как бы задана в трёх измерениях: синтагматика — парадигматика — формирование.

обогащение содержания старого функционального значения, образование новой категориальной формы, обычно и завершается на «новом» фонетическом материале. Рассмотрим процесс на морфоносемическом уровне.

(1) Во фразах I складывается иерархия $R_1 - R_2$, материал распределяется относительно двух центров, репродуцируется, например, цепочка $[(R_1 - sk) (R_2)]$.

(2) Иерархический принцип распространяется на структуру II: $[(R_1 - wm) (R_4)]$. В иерархии (переструктуризация) «точка отсчёта» осознаётся как знак говорящего: $[(m) (R_3 - w) (R_4)]$ или $[(m) (R_3) (R_4 - w)]$.

(3) Осмысляется знак говорящего в I — подготовлено переосмысление: (4) на основе понятия «орудие» возникает понятие «деятель» в II.

(5) «Деятель» в I: $[(s) (R_1-sk-w) (R_2)] \rightarrow [(s)(R_1-s-w)(R_2)]$
или же $[(s) (R_1-\zeta n) (R_2)]$.

Предшествующее развитие соответствует переходу от локативной/квалификативной структуры к посессивной и, наконец, к элативу (выражение безотносительно большой меры признака); переход от локативности к притяжательности обусловлен как изменением функции s , так и стяжением sk в ζ ; переход «посессив $\rightarrow$ элатив» обусловлен «процессуальностью» первичного противопоставления ($\zeta \leftrightarrow n$).

Ср. мысль С. Д. Кацнельсона о некогда синкретической функции падежа на $-la$ в языке аранта (в совр. аранта — функции эргативная, локативная и орудийности, причем последняя в архаических текстах неотделима от агентивной; «разграничение функций наступило лишь после того, как переходные предикаты функционально обособились от предикатов движения»): «Формальное сходство субъектно-предикатной и посессивной конструкции не предполагает, думается нам, обязательного сведения одной из них к другой, Не исключено, что обе конструкции вместе восходят к синкретической третьей имевшей локативную функцию (отложительную или направительно-целевую). В таком случае развитие предикативной функции составило бы функциональную параллель к развитию эргатива в аранта. Что же касается посессивной функции, то развитие её на базе отложительной

и направительно-целевой формы хорошо отражено во многих языках»¹.

Те же тенденции действуют в группе II.

(6) В II репродуцируются цепочки $[(m)(R_3-wm)(R_4)]$, $[(m)(R_3-wm)(R_4-w)]$ — возникают устойчивые местоименные структуры, формирующие в своем составе морфологические слова. В репродуцируемых цепочках представлена структура предложений эргативного строя: ср. $[(m)(R_3-w-\zeta)(R_4)]$ — в сфере I «присвоение», здесь же «освоение» (откуда и параллель: русск. -ow- — суффикс притяжательного прилагательного и мн. ч. генитива и арм. - ζ ; ср. ow-sk-ij || -u- ζ -an-em — др.-арм. причинный глагол (также русск. прил. на -n)).

(7) Наконец, образуются субъектно-объектные конструкции (номинативный строй); для армянского языка — это цепочки вида

$$[(s)(R_1-\zeta n-m)(R_2)], [(s)(R_1-\zeta n-m)(R_2-w/n)]$$

налицо местоимение, суффикс и личное окончание глагола, артикль, в составе этих последних структур формируется армянский глагол.

«Переходный глагол был объектным. Субъектные формы появились в переходном глаголе лишь впоследствии, и это были личные формы субъекта. Процесс образования личных форм знаменует появление в переходном глаголе субъектных форм.

¹ Кацнельсон С. Д. К происхождению эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 37.

Следовательно, с т. з., исторического развития в переходной синтагме грузинского языка не роль ближайшего объекта возрастала, и не синтаксическая позиция субъекта ослабевала: наоборот, реальный субъект переходного глагола находит обозначение в формах глагола, из ничего (в условиях классного спряжения) становится чем-то коррелирующим с ближайшим объектом (в классно-личном и личном спряжении) не только по смыслу, но и грамматически, синтаксическая роль реального субъекта возрастает в процессе эволюции принципов спряжения, в связи с процессом формирования личного спряжения.

Позиция же ближайшего объекта с самого начала, т. е. в классном спряжении, была безраздельно господствующей. С рождением субъектных личных форм объект становится коррелятом субъекта — морфологически и соответственно — синтаксически»¹.

Мы наблюдаем в человеческом способе общения несколько крупных переструктураций, приводящих к становлению естественного языка. В итоге одной из переструктураций образуется возможность имплицитного (глагольного) выражения субъектно-объектных (или субъектно-предикатных) отношений, в итоге следующей переструктурации образуется возможность имплицитного выражения адресатных отношений (субъектно-субъектных).

¹ Чикобава А. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 21.

Заново осмысливаются морфемы (безотносительно к морфонемному их содержанию), слова получают полную автономию — развивается аналитизм (градация значений: знаменательные, полузнаменательные, незнаменательные); вследствие «раскрепощения» слов предложение начинает быть сугубо смысловым их единством, но новые смысловые структуры имеют на лексико-синтаксическом уровне то же четырёхпозиционное двухвершинное строение (отправитель-адресат), какое имеют на морфоносемическом разобранные выше первичные фразы: логико-семантическое (адресатное) предложение изоморфно семиофонологической (локативной) фразе. Повсеместно в схемах структурного анализа обнаруживается одна и та же оппозиция (дихотомия), содержательно восходящая к противостоянию фраз в первичном высказывательном комплексе. Естественный язык характеризуется единством пространственной организации.

Решающую роль в формировании категориальных форм армянского глагола сыграло «расщепление» элатива; первая глаголообразующая ветвь — «элатив -օ — причастие -ցն — глагол -օցնեմ», вторая глаголообразующая ветвь — «элатив -օ — корневое прилагательное (т. е. отпадение -օ)». С одной стороны, элатив как бы «внедряется» в глагол, прекращая самостоятельное существование; с другой стороны, при усечении -օ создаются условия для расширения значения: посессив-элатив-отношение вообще, признак. Элатив передаёт прилагательному «чистое» содержание -օ, а глаголу самый формант (-ցնեմ), но и содержание тоже, ибо содержание неразложимо.

Суффикс превосходной степени прилагательного -goin, по нашему убеждению, этимологически родствен корням

бытийного значения (выражающим идею существования), так же, как и суффикс -ç- (Отождествление со словом *gojn* «цвет» представляется искусственным).

Переход от элатива к причастию есть выявление генетической потенции «процессуальность». Преобразование прилагательного в причастие в последующем генезисе категориальных форм армянского языка будет осуществляться с регулярной последовательностью (развитие аналитизма через ряд нанизываний — преобразований).

Ср. также: «...причастие в тохарском образуется с помощью суффикса *e-/*, который мы находим в причастиях на *-*lo* общеславянского и армянского. Это точное соответствие следует иметь в виду при локализации тохарского, так как изменение *-lo*, суффикса прилагательного, в суффикс причастия — это слишком индивидуальный случай, чтобы его можно было отнести за счёт параллельного развития в независимых языках»¹.

Новообразованные глаголы *-çnem* — это нынешний разряд причинных некаузативов. Между глаголами *-çnem* и параллельными им прилагательными устанавливается активное отношение противопоставленности. Собственно говоря, это есть очередное воспроизводство первичного « $\leftrightarrow$ ». Потенция противопоставления обуслов-

¹ Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 97.

ливает дальнейшее движение глаголообразовательного процесса: «корневое прилагательное → причастие -n → глагол -nam» (образование параллельного ряда причинных некаузативов и глаголов состояния на «-anal») — в дальнейшем то же самое противопоставление «организует» систему залоговых форм. Содержание глаголов -nam — «становление признака» — так же манифестация первичного противопоставления. Образование разряда одноместных глаголов (возникновение одноместной связки) — содержательное завоевание языка: симметрия отношения (двухместность) восстанавливается по генетической истории прилагательного (анализ состава глаголов -nam «-Ø-(<ç) ↔ n-m»); генезис формы задаёт её семантику — содержанием глагольного слова является глагольная (предложная) структура; только благодаря «двухместному» осмыслению (глагольность!) и возможен одноместный глагол.

Выявленный выше принцип организации действителен и для глагольной лексики. Можно обозначить две группы «лексемных множителей», определяющих сферы (а) объектную и (б) адресатную:

- (а) [(linel 'быть') ← daɪnal 'стать' → (anel 'делать')],
 (б) [(unenal 'иметь') ← tal 'дать' → (aɪnel 'брать')].

В терминах группы (а) в систему вводится видовременной аналитизм (очередное нанизывание в условиях осознания языка). В терминах группы (б) — вводится, в частности, аналитическая форма каузатива. — Адресатные отношения изначально, по природе своей, «аналитичны» (отражение в языке

схемы общественных отношений). Адресатная терминология в морфологии отражает позднейшее осмысление лексикона морфем (актуальность для развитого языкового осознания членения на морфемы).

Углублённый этимологический анализ совокупности «грамматических» глаголов (т. е. не атомарный, а полевой, системный, и с учётом межъязыковых семантических пропорций) утверждает их тесное этимологическое родство. Эти глаголы, как и обширная группа сугубо грамматических элементов, имеют «бытийную» этимологию. По нашему убеждению, именно «грамматическое» значение является для данных глагольных слов первичным — на его основе и развилась их, несомненно позднейшая, грамматикализация. (Этимологическое разобщение рассматриваемых глаголов связано, по-видимому, с некритическим отношением к явлениям вторичного характера, т. е. к семасиологическим).

Далеко не случайно, что именно глаголы на -çп- послужили базой для проникновения в сферу морфологического глаголообразования адресатных отношений. Глубокую предпосылку такой специализации причинных глаголов нужно видеть в языковой специфике той материальной среды, из которой причинные глаголы вышли — в содержании локативных фраз ПВК: изначальная функция первичного предлога к есть адресация. Заметим, что на основе же çп-глаголов могла быть развита

в армянском языке эргативная конструкция (как и развивалась собственно каузативная — адресатная), если бы не решающее в эволюции армянского языкового строя противопоставление $\text{-}\zeta\text{n-} \parallel \text{-n-}$. Древнеармянские актив и медиум имели близкое оформление, можно полагать — различались искусственно ($\text{-em/}-\text{im}$ в 1-м л. ед. ч.). Фактически, существовала оппозиция $\text{-}\zeta\text{n-} \parallel \text{-n-}$ (её др.-арм. вариант), прочие глаголы были диффузными. На фоне оппозиции $\text{-}\zeta\text{n-} \parallel \text{-n-}$ произошла перегруппировка армянской глагольной системы по принципу переходности-непереходности, что привело к преобразованию активного языкового строя в номинативный, а не в эргативный.

До сих пор мы стремились показать, каким образом ПВК определяет иерархическую организацию грамматических категориальных форм языка. С другой стороны, формула ПВК представляет собой запись минимальной высказывательной цепочки — морфоносемической структуры, лежащей в основе грамматического предложения. Соотнесём морфоносемическую цепочку с лексико-синтаксической схемой предложения. В таком соотнесении фразовая структура являет как бы расслоение предложения, его логическую, идеализированную конструкцию. Акт предикации состоит в переходе (скачке) от первой фразы ко второй: от старого к новому, от темы к реме, от группы подлежащего к группе сказуемого. В морфоносемической структуре фактически вскрывается подводная, интериоризованная часть конструкции предложения, причём с морфоносемической структурой связана и семантическая актуализация предложения: в так интерпретированной формуле ПВК эксплицировано понятие «язык — система».

Предложение порождается путём своеобразной склейки в морфоносемическом фразовом комплексе: род синтаксической агглютинации.

Изучение структуры слова в разных языках обнаруживает всеобщую агглютинативную базу морфологического строения, агглютинативная схема как базовая является наиболее удобной для целей морфологического описания («грамматика порядков»). — В таком случае можно говорить об изоморфизме на синтаксическом и морфологическом уровнях: строение предложения изоморфно строению слова.

Обобщенный механизм языкового порождения (при заданной изначально морфоносемической ПВК-структуре): (а) генерация предложений (такты порождения), в сфере действия которой протекают словообразовательные процессы; (б) генерация фраз, или слов (преобразование предложений во фразы — строевые единицы предложения; при лексической репрезентации — номинализация, а при морфоносемической — номинация). — Морфоносемический уровень: порождение предложений путём «склейки» фразового комплекса; лексико-синтаксический уровень: в том же процессе порождения — преобразование фраз, трансформации (грамматика НС, трансформационная грамматика, словообразование) — на лексико-синтаксическом уровне имеем не «склейку», а синтез.

Обратим внимание на изоморфизм порождения на морфоносемическом и лексико-синтаксическом уровнях: трансформациям на лексико-синтаксическом уровне соответствуют на морфоносемическом уровне тождественные преобразования склеиваемых фраз (поляризация); точно в том же смысле можно говорить о тождественных преобразованиях, соответствующих трансформациям, сопровождающим номинализацию. Существенно то, что на обоих уровнях имеем материальные структуры и материальные процессы.

Предложение и на лексико-синтаксическом уровне можно представить как сцепление частично перекрывающихся, «тавтологичных», словосочетаний; в реальном тексте этой «тавтологии» нет, при синтаксическом же анализе предложения говорят о «месте» S (субъекта) в группе сказуемого, или об абстрактном выражении в ней S.

Дадим приближённое определение грамматического смысла: грамматический смысл — это эффект соотнесения морфоносемической и лексико-синтаксической структур, проекция с морфоносемического уровня на лексико-синтаксический уровень. Например. Словообразовательные процессы на лексико-синтаксическом уровне приводят к возникновению глагола. Само образование глагольного слова не есть предикация, но проекция глагольного слова на морфоносемический уровень покрывает: а) морфону, выражающую первичное статичное предложное отношение, б) элемент, обозначающий один из членов этого отношения и в) морфону,

выражающую первичную местоименную функцию, — охватывая тем самым межфразовую границу в исходном фразовом комплексе. Таким образом, в глагольном слове грамматически осмысливается идея скачка, перехода от «старого» к «новому», что в синтетическом морфонемном оформлении даёт смысл действия, движения, процесса: категорию глагола на лексико-синтаксическом уровне. Новый грамматический смысл образуется в результате переструктуризации, переразложения морфоносемических элементов на лексико-синтаксическом уровне. Обратно. При анализе предложения нельзя получить морфоносемическую структуру простым разбиением: предложение следует перевести на морфоносемический уровень, где только и «расклеить» глагол (на лексико-синтаксическом уровне глагол разбивается не на имя и связку, а всего лишь на две морфемы; связка — это уже понятие морфоносемического уровня, обозначающее стык между двумя фразами ПВК в морфоносемической структуре).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абебян М.* Теория армянского языка. Ереван, 1965.
- Абебян М.* Армянские народные мифы // Хоренаци М. История Армении. Вагаршапат, 1901. (на арм. яз.)
- Абраамян А. А.* Глагол в современном армянском языке. Кн. 1. Ереван, 1962. (на арм. яз.)
- Адмони В. Г.* Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
- Аксаков К.* Опыт русской грамматики. Ч. 1. М., 1860.
- Аксаков К.* О русских глаголах. М., 1855.
- Александров А. М.* Генезис страдательного залога в древнеисландском языке // Учёные записки Ленинград. ун-та. Сер. Филологические науки. Л., 1941. Вып. 5. № 58.
- Алиева Н. Ф.* Соотношение словообразовательных и синтаксических функций глагольных аффиксов в индонезийском // Вопросы языкознания. 1963. № 2.
- Андреев Н. Д.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.
- Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р.* О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка // Вопросы языкознания. 1963. №3.
- Аналитические конструкции в языках различных типов.* М.; Л., 1965.
- Арутюнова Н. Д.* О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6.
- Атаян Э. Р.* Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968.
- Ачарян Г. А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 1–4. Ереван, 1952–1961 (на арм. яз.).

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1956.

Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959.

Бенвенист Э. Уровни анализа языка // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965.

Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды: в 2 т. М., 1963.

Болинджер Л. Интонация как универсалия // Принцип типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. М., 1971.

Бондарко А. В., Буланин Л. А. Русский глагол. Л., 1967.

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М.; Л., 1940.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.

Волков А. Г. Язык как система знаков. М., 1966.

Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.

Галустян Р. Г. Структурно-динамическая теория фонемы // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1968. № 7.

Гарибян А. С. О морфологии глагола армянских диалектов // Проблемы сравнительной филологии. М., 1964.

Гарибян А. С. Система склонения имен древнеармянского языка // Вопросы языкознания. 1972. № 6.

Гухман М. М. Залоги в германских языках. М., 1964.

Десницкая А. В. Архаичные черты в индоевропейском словосложении // Язык и мышление. Т. XI. 1948.

Десницкая А. В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1941. № 3.

Десницкая А. В. Каузативные глаголы // Учёные записки Ленинград. ун-та. Сер. Филологические науки. Л., 1941. Вып. 5, № 58.

Десницкая А. В. Переходные и непереходные глаголы в древне-исландском языке // Учёные записки Ленинград. ун-та. Сер. Филологические науки. Л., 1941. Вып. 5, № 58.

Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейском языке // Учёные записки Ленинград. ун-та. Сер. Филологические науки. Л., 1949. Вып. 14, № 97.

Десницкая А. В. Из истории развития категории глагольной переходности // Сборник памяти акад. Щербы. Л., 1951.

Десницкая А. В. К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1947. № 6.

Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953.

Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописменного периода армянского языка. Ереван, 1967.

Джаукян Г. Б. Развитие и структура армянского языка (краткий очерк). Ереван, 1969. (на арм. яз.)

Домбровский Й. Историческая грамматика русского языка. Ч. II. Морфология и синтаксис. Будапешт, 1969.

Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1962.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Ельмслев Я. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Жинкин Н. И., Соболев В. Н., Хренов Л. Н. Работа гортани при произнесении интервокальных смычных глухих // Вопросы языкознания. 1973. № 1.

Жирмунский В. М. Развитие строя немецкого языка // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. М., 1935.

Журавлев В. К. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. М., 1966.

Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. Л., 1973.

Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2 ч. М., 1964–1965.

Звегинцев В. А. Семиолингвистические универсалии // Язык и человек. М., 1970.

Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

Иванов В. В. Предисловие // Тохарские языки: сб. / Сост. В. В. Иванов, И. А. Мельчук. М., 1959.

Ивич П. Расшифровка инвентаря фонем и число дистинктивных возможностей // Вопросы языкознания. 1962. № 6.

Иллич-Свитыч В. М. Личные местоимения *mi* 'я' и *ma* 'мы' в ностратическом // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Исаченко А. В. Бинарность, приватные оппозиции и грамматические значения // Вопросы языкознания. 1963. № 2.

Йелинек И. Языковой аспект трансформационных правил // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М., 1970.

Капанцян Г. А. История армянского языка (древний период). Ереван, 1961. (на арм. яз.)

Кацнельсон С. Д. К истории партитивного определения // Учёные записки Ленинград. ун-та. Сер. Филологические науки. Л., 1941. Вып. 5, № 58.

Кацнельсон С. Д. К происхождению эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Кацнельсон С. Д. К фонологической интерпретация протоиндоевропейской звуковой системы // Вопросы языкознания. 1958. № 3.

Кацнельсон С. Д. Происхождение имен прилагательных. М.; Л., 1949.

Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

Клычков Г. С. Компаративистика 20 в. Ч. I–II. Варшава, 1970.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.

Крое Р. К., Гардэн Ж. К., Леви Ф. Синтол — универсальная модель системы информационного поиска // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 10. М., 1968.

Курилович В. Флексии прилагательного в балтийском и именные классы // Ш. 1969. № 3.

Кусикьян И. К. Грамматика современного армянского литературного языка. М.; Л., 1950.

Лангендоэн Д. О селекции, проекции, значении и семантическом содержании // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М., 1970.

Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

Ломтев Т. П. Парадигматика предложения на основе конвертируемости отношений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

Макаев Э. А. Современное состояние общего языкознания и соотношение сравнительной, сопоставительной и типологической грамматики // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.

Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.

Мандельштам О. О Данте. М., 1967.

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 1–5. Л., 1933–1937.

Марр Н. Я. Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб., 1903.

Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении пассивного перфекта // Учёные записки Ленинград. ун-та. Сер. Филологические науки. Л., 1949. Вып. 14, № 97.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Мельников Г. П. Детерминантная классификация языков и языки банту // Африканский этнографический сборник. Т. IX. Л., 1972.

Мещанинов И. И. Общее языкознание. Л., 1940.

Мещанинов И. И. Глагол. М.; Л., 1948.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.

Мещанинов И. И. Грамматический строй урартского языка. Ч. 1–2. М.; Л., 1958–1962.

Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.

Мороз В. Н. Мысль к предложению. Ташкент, 1960.

Мороз В. Н. Об оборотных и полуборотных высказываниях. Ташкент, 1971.

Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.

Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.

Мыркин В. Я. Генезис германских личных местоимений с ареальной точки зрения // Вопросы языкознания. 1966. № 6.

Мыркин В. Я. Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте // Вопросы языкознания. 1964. № 5.

Патти Г. Кодирование и надежность в эволюции // На пути к теоретической биологии. I. Прологомены. М., 1970.

Перельмутер И. А. О первоначальной функции индоевропейского перфекта // Вопросы языкознания. 1967. № 1.

Петровский Н. С. Сочетания слов в египетском языке. М., 1970.

Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Потебня А. А. Мысль и язык. Одесса, 1922.

Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–4. М.; Л., 1941–1968.

Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное множественное число» в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1969. № 3.

Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике // Вопросы философии. 1972. № 11.

Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфоло-

гическая типология и проблемы классификации языков. М., 1965.

Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.

Рождественский Ю. В. Теория знака и проблема существования языка // Семиотика и восточные языки. М., 1967.

Руделев В. Г. Типология и история русских вокалических систем: автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук. Л., 1971.

Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1961.

Савченко А. Н. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов, 1960.

Савченко А. Н. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейском языке. Ростов, 1960.

Савченко А. Н. Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке // Вопросы языкознания. 1955. № 4.

Севак Г. Г. Элементы искусственности и попытки внешнего вмешательства в развитие армянского языка. Доклад на секции интерлингвистики Института языкознания, 14 марта 1973 г.

Серебренников Б. А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. М., 1965.

Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968.

Серебренников Б. А. Существовали ли в протоуральском языке именные классы // Вопросы языкознания. 1969. № 3.

Серебренников Б. А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка // Вопросы языкознания. 1970. № 2.

Серебровский А. С. Некоторые проблемы органической эволюции. М., 1973.

Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Об агглютинации в современном китайском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 6.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.

Сотникян П. Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968.

Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3–4. Морфология. М., 1963–1966.

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Кн. 1–2. М., 1968.

Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.; Л., 1965,

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. М., 1967.

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. М., 1971.

Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей // Вопросы языкознания. 1968. № 6.

Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Вып. 4. 1973.

Сыромятников Н. А. Древне-японский язык. М., 1972.

Толстой Л. Н. О литературе. Статьи, письма, дневники. М., 1955.

Топоров В. Н. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961.

Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л., 1967.

Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. М., 1971.

Филин Ф. П. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имён

женского рода на -я- в значении аккузатива // Вопросы языкознания. 1969. № 3.

Филлмор Ч. Грамматика употребления глаголов *have* и *break* в английском языке // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М., 1970.

Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1–2. М., 1956–1957.

Ходова К. И. Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971.

Хоккетт Ч. Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1976.

Чикобава А. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках // Известия ИЯ АН Груз. ССР. Т. XII. Тбилиси, 1942.

Чикобава А. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Чилингарян А. С. Некоторые философские аспекты проблемы антропогенеза: автореф. дисс. ... д-ра филос. н. М., 1972.

Шаумян С. К. Структурная лингвистика. М., 1965.

Шаумян С. К., Соболева П. А. Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформации в русском языке // Доклады советской делегации на V международном съезде славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963.

Шанидзе А. Г. Категория ряда в глаголе // Известия Института языка АН Груз. ССР. Т. X. Тбилиси, 1941.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6.

Шилакадзе И. И. Конъюгационные категории новоармянского языка // Вопросы языка и стиля. Т. II. Ереван, 1904.

Шишкина Л. С. Опыт функционально-семантического анализа предлогов русского языка // Вопросы металингвистики. Л., 1973.

Шишкина Л. С. Об оппозициях в системе первообразных предлогов русского языка // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. 2. Лингво-семиотические исследования. М., 1973.

Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. Л., 1969.

Шухардт Г. Происхождение языка // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Шухардт Г. Баскский язык и языкознание // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Шухардт Г. Выражение отношения в языке // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. 1931. (Избранные работы по русскому языку. М., 1957).

Щербак А. М. Формы числа у имен в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1970. № 3.

Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Якобсон Р. О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М., 1970.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Якобсон Р. О. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Якобсон Р. О. К вопросу о зрительных и звуковых знаках // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.

Яхонтов О. Е. Древнекитайский язык. М., 1965.

Les nations d'espace et de temps dans la formation du systeme aspect-temporal de l'indo europeen // Studia slavica. Vol. IX, 1–4. Budapest, 1963.

Solta G. R. Die Armenische Sprache // Handbuch der Orientalistik. Bd VII. Armenisch und Kaukasischen Sprachen. Leiden; Köln, 1963.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Миф языка, в котором мы живём

Прошрое, как известно, даже не воспринятое современниками (или тем более — не воспринятое?), имеет шанс актуализироваться в настоящем. Если, конечно, возникает потребность.

Сегодня эта потребность артикулирована как новый поворот к языку, или лингвистический поворот.

Но почему тогда **новый**?

Сам термин *лингвистический поворот* появился в конце 60-х годов прошлого века (К. О. Апель, Р. Рорти), обозначив, прежде всего, логико-философскую тенденцию перехода от проблемы исследования и понимания устройства мира к проблеме сказывания об этом устройстве. (И здесь несомненны результаты аналитической философии, Б. Рассела и Л. Витгенштейна). Однако ко времени рождения термина проявилась новая волна философских исследований языка, ставших идеологической основой постмодерна. Обычно этот период называют **вторым лингвистическим поворотом**.

И в эти же годы М. Фуко выстраивает концепцию закономерной смены *эпистемы*, то есть определённой конфигурации знаний, которая предстаёт как общая почва позитивности возможных мнений, теорий и наук независимо от кажущейся противоположности их направлений. В основе эпистемы — *отношение между словом и вещью*: от *совпадения* этих двух концептов в XVI веке через

формирование зоны *опосредования*, занятой в XVII–XVIII веках *представлением*, а в XIX и XX — сразу тремя концептами. Это *жизнь*, *труд* и *система языка* (точнее — система грамматики текста). Однако с начала XX века *язык* всё более сосредоточивается на себе, притягивая внимание исследователей различных областей реальности. Фуко прямо ставит *вопрос о бытии языка*, о том, чем же должен быть язык, чтобы он мог структурировать нечто, не являющееся само по себе ни речью, ни дискурсом, чтобы сорасчлениваться с чистыми формами познания.

Не намечен ли этим вопросом *третий лингвистический поворот*?

История философских, лингвистических и семиотических концепций хорошо изучена. Мы упомянем лишь несколько моментов, имевших, как нам кажется, важное значение для формирования того направления исследований языка, к которому принадлежит автор книги.

Прежде всего, это незримый диалог двух людей, заложивших современные основы семиотики на грани XIX и XX веков. У Ч. С. Пирса была разработана логика акта познания, в основе которой знаковая система языка. Наступление неопозитивизма, фактически, свело на нет достигнутые им результаты в описании процесса мышления. Основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр впервые после В. фон Гумбольдта представил целостный образ языка в его внутренней, подлинно семиотической форме и деятельности. О результатах невероятной популярности структурализма упомянем после.

Вторая пара гениальных философов и исследователей языка — это, конечно, М. Хайдеггер и А. Ф. Лосев. Достаточно упомянуть «Философию имени», «Диалектику мифа» Лосева и основной принцип его поиска: *символизм есть апофатизм и апофатизм есть символизм*.

Антропный принцип устройства Вселенной преобразуется, под этим углом зрения, в образ бытия, найденный М. Хайдеггером, когда увиденные им исконные экзистенциалы человеческого существования — *со-бытие*, бытие-*при*, бытие-*к* и бытие-*в* — становятся всё более осознаваемыми трендами жизненного мира человека. И каждый из людей — творцов этого жизненного мира — являет собою тонус напряжения и сопряжения двух планов бытия: физического и смыслового. Единственным инструментом размыкания смыслов, по Хайдеггеру, а значит, их форматирования ради понимания, и оказывается язык.

Постоянно находясь в поле смысловых энергий, мы можем, благодаря языковым конфигурациям, усвоить и осознать такую глубину смысла, которую способны воспринять. И бесчисленные следы этого процесса — так называемые *телá смыслов*, резонанс с которыми даётся за счёт встречных усилий индивидуума. Таким образом, уровень мыслительной деятельности целиком зависит от способностей и возможностей конкретного человека, от его осознанных или неосознанных психических установок, от степени развития его личности.

Традиция подобного отношения к языку восходит, по-видимому, ещё к Гераклиту («Мир устроен согласно истинному рассуждению») и уж тем более отражена в трудах стоиков, считавших, что грамматические категории — это воплощение Логоса в языке.

В связи с этим дадим общую характеристику развития языкознания в XX веке, безусловно, пристрастную (без учёта сравнительной индоевропеистики).

Стоит отметить, что лингвистика тогда была сосредоточена, прежде всего, на поиске языков описания, которые совершенствовались, постепенно усложняясь

и охватывая не проанализированные ранее структуры. Как в математической лингвистике, так и в формально-логических моделях осуществлялась подгонка описания под результат, то есть под реалии речи/текста.

Материалом, конечно, служил текст. Речь воспринималась как процесс порождения текста. Ведь речь длится, а значит, развивается во времени (?!). Фактически, в знаменитой оппозиции Ф. де Соссюра *язык как система* ↔ *языковая деятельность* ↔ *речь* (*langue* ↔ *language* ↔ *parole*) языковая деятельность выпала из первичного соотношения, уподобившись третьему члену — речи, а в русских изданиях даже термин был переведён как *речевая деятельность*. Смещение акцентов, обусловленное господством бинарной научной логики и восприятием речевого процесса как самодостаточного, привело к невольной подмене ненаблюдаемого прямо объекта (*языка и языковой деятельности*) наблюдаемым. «Речь» как некоторая комбинаторика исходных единиц стала, с лёгкой руки Н. Хомского, материалом многочисленных логико-математических моделей «языка». Однако реальным объектом исследования оказались при этом формальные языки описания и их возможности относительно моделирования текста. Лингвисты подменили объект исследования, даже не заметив подмены.

Неудачи этого направления и вовсе закрыли соссюровскую проблему языка как знаковой системы, динамика которой обеспечивает нам возможность думать и говорить. Акцент окончательно сместился на речь, на ситуацию речевого взаимодействия, или на коммуникативный акт. Проблема понимания привела лингвистов к необходимости анализа смыслов. Теоретическим фундаментом этого процесса стала аналитическая философия, с одной стороны, и, с другой, — новая оппозиция, сформулированная

Н. Хомским и внешне чрезвычайно похожая на оппозицию Ф. де Соссюра в её бинарном варианте. Язык, по Хомскому, представлен на двух уровнях: поверхностном и глубинном. Но поверхностный уровень, объективирующий-ся в речи, это уровень языковой формы, а глубинный уровень содержит смысловые структуры.

Позитивистский отрыв формы от содержания растаскивал язык в разные стороны, вновь и вновь толкая лингвистов на путь их искусственного соединения или вообще игнорирования этой проблемы (к чести Н. Хомского, заметим, что позднее, прочитав труды Гумбольдта, он вообще отказался от исследований языка, перейдя к другому виду деятельности). Именно в такой драматической ситуации невостребованности концепций языка как целостного естественного образования стали активно развиваться области когнитивной и коммуникативной лингвистики, в которых вновь встал вопрос о языках описания.

Круг замкнулся. А ведь сегодня на повестке дня объект, сложность которого осознаётся всеми: дискурс. Наука подходила к нему в течение всего XX столетия. Но пока учёные прорывают траншеи в языке на основе общепринятых (понятных, а значит, удобных!) парадигм и всякий раз оказываются перед фактом отсутствия того, что искали, нагнетается массовая ситуация, о начале которой писал ещё Г. Маркузе: практики программирования поведения людей словом становятся повседневной реальностью. Выход один: искать новый образ языка, более близкий действительности, и делать его достоянием каждого, так как только осознание реальных механизмов связи человека с человеком и человека с миром может спасти от подмены и, в худшем варианте, от гибели. В этом, по-видимому, и заключаются необходимость и сущность третьего лингвистического поворота.

А теперь о тех, кто прокладывал путь. В начале 70-х в МГУ проходили знаменитые научные семинары и симпозиумы по семиотике и информационным системам. Их проводил руководитель Проблемной группы по семиотике Александр Георгиевич Волков. Центральной проблемой была философия естественного языка как наиболее универсальной знаковой системы и отношение между естественным языком и другими знаковыми системами, которые бурно развивались в связи с возрастанием роли массовых коммуникаций.

Именно там, в Москве, *Ленинградской группой лингвистов* окрестили участников *семинара по металингвистике* при кафедре математической лингвистики филологического факультета Ленинградского государственного университета. Руководила семинаром доцент кафедры Лидия Николаевна Засорина, а душой и вдохновительницей его была сотрудница кафедры Елена Сергеевна Андреева.

Вокруг Л. Н. Засориной собрались люди, каждый из которых привнёс не только свою область интересов, но и свою выстраданную тему, и результаты многолетнего поиска.

В. Д. Писцов, логик и математик из Ташкента, следовал традиции содержательной логики М. И. Каринского — В. Н. Мороза, находя возможные *формализмы для структур, порождающих смысл высказывания*.

Л. А. Голубев, приехавший из Владивостока, разрабатывал *семантическую структуру патентной формулы*, исследуя *логику сжатия текста*.

Областью интересов В. Н. Съедина (Белгород) был, прежде всего, *естественный механизм порождения корней — номогенез*. Открытый им *принцип организации ноуменального поля* был проверен и подтверждён

на множестве языков. В основе научной концепции Съедина лежали идеи классика немецкого языкознания И. Г. Гердера.

В. И. Ролич, пожалуй, первым в стране обратился к изучению проблемы *языкового звукосимволизма*, продолжив опыты В. Хлебникова и А. Белого. Его знание русской лингвистической традиции и, прежде всего, работ славянофилов Г. П. Павского, К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова, а также интерес к феноменологии Э. Гуссерля, чрезвычайно помогли осмыслению того, что делалось всеми.

М. Р. Мелкумян вместе с исследованием армянского глагола и *открытием* на этом материале «*первичного высказывательного комплекса*», порождающего всё богатство категориального устройства языка, внёс традицию археологии и типологии языка Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова.

Лекции и спецкурс по порождающей грамматике локативных конструкций Л. Н. Засориной собирали интересующихся *моделированием процесса* в языке. Именно этим занималась и я, будучи сначала студенткой, а затем — аспиранткой Лидии Николаевны и основываясь, в том числе, на концепциях В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни.

Можно с полным правом сказать, что в процессе внутренней реконструкции языковых архетипов мы вполне подтвердили тезис В. фон Гумбольдта о наличии трёх категорий в исходе языковой системы — категории лица, пространственных отношений и местоимения — в их простых, формульных, сочетаниях. Эти-то сочетания и обуславливают логику исходных взаимодействий субъектов познания в процессе конструирования ими собственного жизненного мира семиотическими средствами естественного языка.

Попробую перечислить общие особенности лингвистического восприятия и поведения, которые обеспечили не только единство группы, но и возможность объединения результатов:

- переход от структурно-функционального описания с использованием разных методов к внутренней реконструкции языковых порождающих механизмов через процедуру резонанса материала с собственной языковой интуицией;
- виденье языка как реальной семиотической системы, внутренней формы, механизмы которой, скрытые в подсознании, порождают речь и отражаются в структуре речи/текста как в своей финальной «линейной» проекции;
- отсутствие метаязыка как отдельного образования; пояснения — через речевые развёртки языковых синтезов;
- принятие и осмысление опыта внутренней реконструкции языка как опыта жизни, а не только науки; обретение другого взгляда на жизнь, вне субъектно-объектной оппозиции (рефлексия в потоке творения);
- совершение серии открытий, интерпретация каждого из которых менялась, углубляясь с возрастанием опыта.

Идеи и результаты моих коллег, я уверена, будут способствовать формированию более достоверного образа естественного языка.

Новый лингвистический поворот как способ преодоления кризиса в языкознании не может не привести к переосмыслению результатов других наук, и, прежде всего, гуманитарных, акцентирующих сегодня технологии в ущерб сущности исследуемых объектов. Ведь **язык — дом истины бытия.**

Людмила Шишкина-Ярмоленко

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

антикаузатив 59, 156, 159, 162

глаголообразование 67, 82–83, 181

глагольная конфигурация 15, 45, 56–57, 97, 156, 163, 165,
174, 220

залоговые классы 159, 162–163

зияние (цезура) 8–11, 58, 63–64, 79–80, 85–89, 93, 102, 113,
127–128

кваликативная фраза 63, 67, 71, 102

кваликативная структура (цепочка) 18, 186

кодовая (морфоносемическая) структура (цепочка) 30, 33,
38, 51, 57, 60, 68, 79, 94, 96, 101–102, 104–105, 145–
150, 153, 193–196

конфигурационный уровень (анализ) 45, 150

лексико-синтаксический уровень (речь, текст) 55–57, 60,
75, 78, 80, 84–88, 90, 92–93, 97, 99, 101, 108, 112,
120, 145–146, 149–150, 153, 167, 189, 194–196

локативная фраза 33, 36, 57–58, 66, 67, 71, 102, 189, 192

локативная структура (цепочка) 18, 58, 186

межуровневые корреляции 57, 75, 93, 100, 145

морфонема 7, 30, 48, 51, 55–56, 63–67, 79–81, 84, 86, 88,
93–94, 97–98, 100–102, 105, 108–109, 111–113, 120,
146, 149, 151, 174, 182, 195

морфоносемика 53, 63, 67–68, 81–82, 93–94, 100, 146

морфоносемический уровень 55–57, 60, 67–68, 75, 78, 80,
84, 86, 90, 92–93, 95, 97, 101, 111–112, 120, 145–
147, 149–150, 153, 174, 185, 189, 194–196

мыслетело 100, 123–124, 128

неразложимость ПВК 19, 184

первичный высказывательный комплекс (ПВК) 57–58, 59–
61, 63–70, 72–75, 77, 79–80, 82–83, 85–89, 98, 102,
104, 107, 124, 141, 147–148, 181–182, 184, 192–194,
196

первоМысль 101, 133

переструктуризация 32, 52, 60, 113, 148, 155, 185

предметное содержание (предмет) действия 158, 165–
166, 169

репликация 60, 100, 102, 113, 148

речемышль 84

речемышление 84, 128, 133

сам-ориентир 18, 51, 182

самозарождение системы языка 32, 42, 56, 102, 146, 148

структура (система) языка 15, 26, 28–29, 31, 41–42, 53–57,
59, 80, 85, 101–102, 118, 146–147, 152–153, 161, 178,
183

языковая единица 55, 57, 101, 145–146, 148

БИБЛИОГРАФИЯ АВТОРА

1. *Мелкумян М. Р.* Армянский глагол: каузативный залог и схема глаголообразования // Проблемы моделирования языка (3.2). Тарту, 1969.
2. *Мелкумян М. Р.* Армянский глагол: система глагольных конфигураций // Вопросы металингвистики. Л., 1973.
3. *Мелкумян М. Р.* Естественный язык в пространственно-временном представлении // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. 2. Лингво-семиотические исследования. М., 1973.
4. *Мелкумян М. Р.* К обоснованию морфоносемики // Семиодинамика. СПб., 1994. С. 116–130.
5. *Мелкумян М. Р.* О поэтическом слове, или Отечественная традиция лингвистической антропологии (Курс лекций для студентов философско-богословского факультета и Академии поэтов и философов Университета Натальи Нестеровой, Москва).
6. *Мелкумян М. Р.* Об информационной природе аппликативной порождающей модели // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. 2. Лингво-семиотические исследования. М., 1973.
7. *Мелкумян М. Р.* Об отечественной традиции лингвистической антропологии // II Международный конгресс исследователей русского языка. «Русский язык:

- исторические судьбы и современность». 18–21 марта 2004 г., МГУ, Москва. М., 2004. С. 108.
8. Мелкумян М. Р. Образование системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 555–563.
 9. Мелкумян М. Р. Ответы на опросный лист... Анкета № 6 // Беседы любителей русского слова: православное духовенство о языке (Материалы круглого стола. СПб., 2005, 24 окт.). СПб., 2006. С. 39–40.
 10. Мелкумян М. Р. Отечественная традиция лингвистической антропологии: концепция родного языка // XXXIII Международная филологическая конференция. Вып. 24. Общее языкознание. 15–20 марта 2004 г. Санкт-Петербург. Филологический факультет СПбГУ. 2004. С. 3–5.
 11. Мелкумян М. Р. Об отечественной традиции лингвистической антропологии //II Международный конгресс исследователей русского языка. «Русский язык: исторические судьбы и современность». 18—21 марта 2004 г., МГУ, Москва. С. 108.
 12. Мелкумян М. Р. Первичные речевые структуры — генетический код языка // Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М.: МГУ, 1971.
 13. Мелкумян М. Р. Формирование армянского глагола (семиотическая реконструкция) // Вестник общественных наук. АН Арм. ССР. 1972. № 8.
 14. Мелкумян М. Р. Язык — время // Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое. Сборник трудов II Международной научной конференции 30–31 мая 2003 г. Москва. М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2004. С. 91–95.

В соавторстве

15. *Виролайнен М. Н., Мелкумян М. Р.* В поисках «русской картины мира» // Новый Мир. 2000, № 7. С. 211–215.
16. *Мелкумян М. Р., Птицына И. Б.* К умопостижению пространства-времени // Сборник трудов IV Международной конференции «Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое». Москва, 27–28 мая 2005. М., 2005. С. 121–124.
17. *Мелкумян М. Р., Птицына И. Б.* Новая научная парадигма: возможность сопряжения и преобразования понятийного аппарата для разных областей науки // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. Т. 1. М., 2005. С. 373.
18. *Мелкумян М. Р., Птицына И. Б.* Об эволюции в биологии сквозь призму языка // XVIII Любичевские чтения «Современные проблемы эволюции». Ульяновск. 5–7 апреля 2004 г. Ульяновск 2004. С. 211–219.
19. *Мелкумян М. Р., Птицына И. Б.* Пространство и время // Тезисы IV Международной конференции «Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое». Москва, 27–28 мая 2005. М., 2005. С. 26–27.
20. *Мелкумян М. Р., Птицына И. Б.* Роль самоорганизации в эволюции языка // III Международная школа-семинар «Лингвосинергетика». 11–12 мая 2004. Институт языкознания. Москва.
21. *Мелкумян М. Р., Птицына И. Б.* Формула ПВК как инструмент постижения эволюции образа мира // Материалы конференции Дни Петербургской философии 2003: Метафизика искусства. Мировая и петербургская традиции реалистической философии. СПб., 2004. С. 270–275.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7
--------------------------	---

ЧАСТЬ I

блок первый

Образование системы языка	15
Естественный язык в пространственно-временном представлении	28
Об информационной природе аппликативной порождающей модели	40
К обоснованию морфоносемики	53
Язык — время	78
К умопостижению пространства-времени	86

блок второй

Имя языка	92
Об изначальном Логосе	97
Интонологический профиль морфоносемики	100
Как мыслит язык (интонологический этюд)	107
Что есть язык / в узрении всеобщего братства	110
Об отечественной традиции лингвистической антропологии, или Что есть постижение родного языка	116

блок третий

О стихах	123
Языковѣдческие штудии	132

ЧАСТЬ II

Армянский глагол — межуровневые корреляции	145
Библиография	197
Вместо заключения. Миф языка, в котором мы живѐм (Л. Шишкина-Ярмоленко).....	209

приложение

Ключевые понятия	218
Библиография автора	220

Научное издание

Мелвар Рафаелович Мелкумян
ОБОСНОВАНИЕ МОРФОНОСЕМИКИ
Язык, в отличие от речи

Главный редактор:
Д. А. Ивашинцов

Редактор:
Т. И. Ковалькова

Художник:
Д. Д. Ивашинцов

Верстальщик:
Н. Л. Балицкая

Учредитель и издатель: НП «Русская культура»
195220, СПб., ул. Фаворского, д. 12, лит. В

Адрес редакции: 195220, СПб., Гражданский пр., д. 24, офис 11
Контактные телефоны: (812) 534-96-34; +7 (921) 368-07-57
E-mail: info@russkyimir.org

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации причиняющей вред
их здоровью и развитию»
книга предназначена для детей старше 14 лет

Подписано в печать 30.03.2018 г.
Формат 70×90/32, усл. печ. л. 7.
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpd.ru; тел. 8(499)270-73-59